

Василий ФЕДОРОВ

КНИГА ВЕРЫ

Кемерово 2012

ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44

Ф33

Фёдоров В. Д.

Ф33 Книга Веры [Текст] / В. Д. Фёдоров; сост.: А. Северный. – Кемерово: Кемеровский государственный университет культуры и искусств, 2012. – 364 с.

ISBN 978-5-8154-0252-2.

Издание посвящено 95-летию со дня рождения великого русского поэта советской эпохи и восполняет не осуществленный при жизни авторский замысел. Поэзия уроженца Кузбасса современна в XXI столетии, значимость ее предстоит открыть современным читателям и исследователям.

Выражаем благодарность за издание книг: «Книга Любви», «Книга Веры», «Женитьба Дон Жуана. Неоконченная книга Души» Кемеровскому государственному университету культуры и искусств.

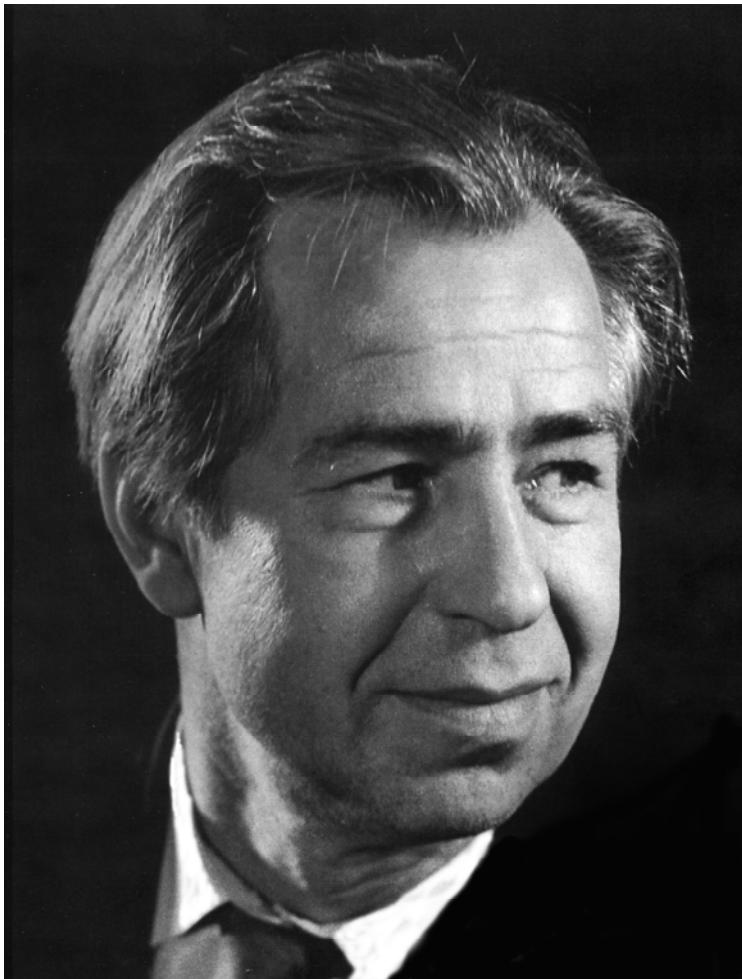
ББК 84(2РОС=Рус)6-5я44

ISBN 978-5-8154-0252-2

© Северный А., 2012

© Басалыко А. С., 2012

© Кемеровский государственный
университет культуры и искусств, 2012

Василий Дмитриевич Фёдоров

23.02.1918 – 19.04.1984

Народный русский советский поэт,
лауреат Государственных премий РСФСР (1968)
и СССР (1979)

*Моему невидимому
Учителю,
Духовному
Наставнику,*

*Русскому Поэту,
Поэту Сибири,
Поэту Неба,
Есенину Сибири...*

***Василию Дмитриевичу
ФЁДОРОВУ***

*Нет Ваших Книг
На пыльных полках...
СТИХИ! –
Витают в облаках...*

Александр Северный

ОТ АВТОРА

Наше время – время борьбы, а любовь – чувство, наименее защищённое, оно наиболее уязвимо и страдательно. В борьбе мы иногда вынуждены поступиться этим благородным чувством, хотя хорошо знаем, что боремся ради того, чтобы защитить достоинство человека и его любовь. Тут и начинается вторая моя книга – «Книга Веры». Как и первая, она писалась мной всю жизнь и составлялась по тем же законам, ибо тема веры решалась тоже не однозначно, а в разных состояниях, аспектах и гранях.

Вопрос веры – коренной вопрос нашего времени.

Жизнь усложнилась и даёт всё больше поводов для сомнений. Прежде всего, угроза термоядерной войны поставила под сомнение саму жизнь, её морально-нравственные и эстетические ценности – труда, любви, природы, искусства и литературы, в том числе и поэзии. А это значит, что вопрос веры ставит перед нами вопрос нашей гражданской активности и нашей ответственности за судьбы мира. И хотя поэт мыслит не столь прямолинейно, всё равно на материале окружающей нас жизни эти вопросы не могут не выsvечиваться.

В этой книге представлены и мои поэмы, но они, на мой взгляд, не нарушают общей конструкции двуекнижия.

Наоборот, в них ещё заметнее мосты от Любви к Вере, при этом не имеет никакого значения тот

факт, что «Авшакум» и «Бетховен» написаны на историческом материале, а «Белая роща» и «Проданная Венера» – на современном.

Можно объяснить конструкцию своей книги, но не стихи. И вовсе не потому, что их нельзя объяснить, как утверждают некоторые поэты и критики.

«Можно, но не нужно», как сказал по какому-то поводу Чехов. Часто стихи, посланные в жизнь, начинают обрасти своим собственным смыслом, отличным от того, какой вкладывал в него поэт.

Главное – не мешать читателю читать, а себе работать.

*Мне у костра Любви и Веры
Ещё дежурить до зари...*

1974 г.

Василий Фёдоров

Часть 1
СУДЬБА МНЕ ПОДАРИЛА РУСЬ...

Глава 1
О, РУСЬ МОЯ!..

* * *

Иду,
В молву стоустую
Свой добрый голос влив,
И под ногами чувствую
Шестую часть Земли.

Меня вперёд ты выслала,
Чтоб песней жить помог,
Передо мной ты выстлала
Сто троп и сто дорог.

Свои моря глубокие,
Пруды светлей стекла,
Передо мной широкие
Ты реки пролила.

А в пору ту рассветную,
Чтоб радость сердце жгла,
Любовью первоцветною
Меня не обошла.

И в пору гроз губительных,
Грозивших жизни всей,
Ты мне дала решительных,
Испытанных друзей.

Лиши прикажи,
Что выстроить,
Какую песнь сложить.
Мне без тебя не выстоять,
Мне без тебя не жить.

Ты мне сама наградою,
Ты радость мне и грусть,
И верою и правдою
Служу тебе я, Русь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Скрипят натруженные снасти,
В корму волна сердито бьёт...
Купец Никитин Афанасий
Из дальней Индии плывёт.

Вокруг кипит морская пена.
Почти утратив русский вид.
Тверич в халате бессермена
На горы крымские глядит.

Там где-то Русь,
Там Волги плёсы,
Там Тверь!
Сродни морской воде,
Солёные скучные слёзы
Сбегают к русской бороде.

От слёз и солнца
Море в блеске,
Дрожит в тумане горный кряж,
И стены Кафы генуэзской
Ещё похожи на мираж...

За ним –
Три моря переплытых,
Чужие земли,
Города,
Базары,
Жёнок непокрытых
Коричневая нагота.

За ним –
Тропические ливни,
И зной,
И бред тревожных снов.
Над всеми золотые бивни
Султанских ряженых слонов.

За ним –
Чужих народов битвы,
И он от родины отвык.
Магометанская молитва
Упрямо лезет на язык.

Волнуясь, шепчет пилигрим:
– Аллах рагим... Аллах керим...

Но вот
Нога земли коснулась,
И, словно к берегу прибой,
Речь русская к нему вернулась
И полилась сама собой:

– Я, Афанасий, раб Твой, Боже,
Плетусь в родимые поля.
Везде, где был я, нет пригожей
Земли, чем Русская земля.

Весной в цветах,
Зимой седая,
То в злате вся, то вся темна.

Вся грешная и вся святая,
Лесная, горная, степная,
Озёрная –
На всех одна.

Не жемчуг –
Весть о жизни схожей
Принёс я из-за трёх морей.
Бояре наши и вельможи
Вельмож индийских не добрей.

Храни её,
Чтоб укрепилась,
Стояла б до исхода дней.
Храни её...
И справедливость
Да установится на ней!

* * *

... Был бы там,
Решился бы, спросил я,
Отчего был дед на зелье лют,
Почему сыны твои, Россия,
Больше всех на свете водку пьют?
Почему?..
Не надо удивляться.
Наши деды по нужде, поверь,
Пили столько,
Что опохмеляться
Внукам их
Приходится теперь...

* * *

... Земля моя,
Моя родная Русь,
Везде с тобой
Моё земное сердце.

Неужто я,
Когда домой вернусь,
Услышу плач
И стоны погорельцев?

Земля моя,
Тревожно мне порой,
Как будто в тесном доме
Без привычки
Детей своих оставил за игрой
И не приbral,
И не припрятал спички.
И потому
На небе на Седьмом
Тревожусь я делами цеховыми,
Ведь мы на самолёте боевом
Кроили крылья
Слишком голубыми...

* * *

... Летел
Через года тридцатые
Стремительный моторный век,
И захотела стать крылатою
Страна саней,
Страна телег...

* * *

... От горна,
От его огня
Катились мы
В горнило ада:
С Востока,
От исхода дня,
На Запад,
В сторону заката.

О, сколько нужно дней
И доброй силы
Вагон, как люльку,
На пути качать,
Чтобы солдат
Увидел всю Россию,
Увидел всё,
Что надо защищать;
Чтоб всё увидел,
Всё он заприметил,
Не проглядел чего-то
Невзначай...
Россия-мать,
Все для тебя мы дети,
Россия-мать,
Качай меня,
Качай...

* * *

Моя забытая тетрадь,
Ты новых строчек ждёшь безмолвно.
Так моря штилевая гладь
Ждёт набегающие волны.

Уж бьёт в лицо мне ветер влажный,
Всё ближе бури голоса.
Сегодня рифмолог отважный
На реях поднял паруса.

...Чтоб всё прочувствовать, измерить,
Не смей молчать! Глядеть назад!
Ты слышишь, это в наши двери
Стучится вражеский приклад.

Трещат железные засовы...
Встань, необстрелянное слово,

Под знамя новых баррикад.
Встань беспощадным, бейся смело,
Мечом лучей не обрубить,
Ты вешним солнцем быть хотела,
Теперь учись палящим быть.

Любви и ненависти в дар,
Я нынче всё отдать поклялся,
Чтоб каждый боевой удар
Ударом в сердце отзывался.

Чтоб там, где русская верста
Под ноги гадине упала,
Над тенью чёрного креста
Звезда России засияла.

О СИНЕМ СТЕКЛЕ

Когда сталевар уходил
На фронт от печей огневых,
Наш мастер ему подарил
Стекло негустой синевы.

– Бери, эта ноша легка,
Руки и плеча не натрёт...
Дорога твоя далека,
Но помни, что цех тебя ждёт.

Завод покидая и дом,
Тот принял от мастера дар.
На сердце под серым сукном
Запрятал его сталевар.

Ладонь придержал на груди,
Не скрыл набежавшую грусть:
– Останется целым – вернусь,
Расколото будет – не жди...

Бывало бойцу невтерпёж,
Бывало, губительный жар
Палил ему в очи, но всё ж
Не вынул стекла сталевар.

Себе говорил он:
– Не тронь!
Тут надо терпеть и терпеть!
На этот смертельный огонь
Я должен открыто глядеть.

Подарок всё там, на груди,
Как прежде, у сердца и – пусты.
– Останется целым – вернусь!
Расколото будет – не жди...

В чужих побывал он краях,
Откуда нахлынуло зло...
Пять ран получил он в боях,
Но целым осталось стекло...

От встречи горела ладонь –
Пожатья друзей горячи...
И старый товарищ-огонь
Тянулся к нему из печи.

Стекло задрожало в руке...
Впервые за синью стекла
По смуглой горячей щеке
Большая слеза протекла.

Он,
Тронутый счастьем до слёз,
С тем синим стеклом через даль
Любовь свою к жизни пронёс...
Зато и крепка его сталь.

ЗАВЕЩАНИЕ

Солдат,
Приподнимаясь над постелью,
В предсмертный час
Для сына диктовал:

«Передаю тебе родную землю,
Которую я вновь отвоевал.
Чтоб не посмел
Никто её обидеть,
Ты, продолжая славный путь отца,
Расти большим,
Чтоб всю её увидеть,
Понять её душою до конца.

Пиши, сестра, пиши...
Наш край метельный,
Где ты родился,—
Так и напиши,—
Умей любить
Любовью беспределной,
Умей любить
Всей нежностью души.

Смотри, мой сын,
По капле не разлейся,
Но, жизнь, и труд
И славу полюбя,
Ты мужеству учись
И не надейся,
Что кто-то будет думать за тебя.

Настанет время,
И дорогой вешней
По волнованью луговой травы
Ты в жизнь пойдёшь,
Не выходя без песни,
Не опускай весёлой головы.

Она подарком не даётся свыше,
Умей жить и всё одолевать,
Я сделал всё,
Чтоб ты её услышал,
Узнал её и смог завоевать.

Чтоб в трудный час
Любого испытанья
Ты верности в груди не погасил...

Писал в минуту ясного сознанья
И в полноте моих душевных сил».

* * *

Даже в праздник, что сердце радует,
Забывать нам с тобой нельзя –
Ведь когда враги наши падают,
Погибают и наши друзья.

И когда цепь в атаку ринется
Под глухой громовой раскат,
Может быть, с тобой не поднимется
Самый близкий твой друг и брат.

И тогда только голосу внемля,
Что солдатскую кровь роднит,
Отомсти за него и за землю,
Догорающую под ним.

ПИСЬМО СОЛДАТА

Хочу в письме
Тебе о всём поведать.
Пока не слышно зова батарей,
Мечта спешит
Великий День Победы
Предугадать за много, много дней.

И осмотреть влюблёнными глазами
Тот светлый день.
И сердце отогреть.
О, как омытый кровью и слезами,
Он будет ослепительно гореть!

И если нам
Его не видеть вместе,
И если...
О, как хочется прочесть
Мне лишь одно
Среди твоих известий –
Что будет сын,
Что у меня он есть!

И в ожиданье
Грозного рассвета
Воображать любимое лицо.
Что мне с того,
Что назовут поэтом,
Когда никто
Не назовёт отцом!

Никто не скажет
Сверстникам-ребятам
Всей гордостью
Восьми каких-то лет:
«В те времена
Отец мой был солдатом,
Он, между прочим,
Был ещё поэт».

РОССИЯ

Я много жил,
Пожить бы столь же.
Себя от всех не отделяю.

Чем на земле
Живу я дольше,
Тем больше я тебя люблю.
Ты с каждым годом
Всё красивей,
Милей, чем солнце поутру.
И имя гордое – Россия
Звенит,
Как знамя на ветру.

* * *

... И восторг мою душу обнял.
Жизнь! Тебя через смерть проносил я,
За мою спиной на меня
С мудрой верой смотрела Россия...

СЛОВО

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня–
Кто сказал,
Что нам легко с тобою,
Дорогая Родина моя!

Мы выносим бремя вековое,
Мировое побеждаем зло,
Потому и слово трудовое
В честный стих
Ложится тяжело.

Я словам не всяким доверяю,
Прежде, чем доверить душу им,
Я слова на крепость проверяю,
Выверяю именем твоим.

Чтобы смертью скорой
Не почить им,
Я препоручаю чувства,
Мысль
Тем словам,
Что не за чаепитьем,
А в труде нелёгком родились.

Только тем,
Что поднялись из глубей
Доброй человеческой души,
Нынче не до мелких честолюбий,
Не до славы,
Стоящей гроши!

От беды к беде,
От боя к бою,
От большого до большого дня—
Нам легко
И нелегко с тобою,
Дорогая Родина моя!

* * *

Мне жизнь моя —
Не тёмный лес,
Но странно иногда до жути,
Как будто с голубых небес
Спустился я на парашюте.

Как будто жил в других мирах
И всё, что вижу, — неизвестность,
Как будто где-то в дальних снах
Я смутно видел эту местность.

И здесь,
Отмеченный судьбой,
Любуюсь я травою в росах,

Берёзами за городьбой,
Кукушками на тех берёзах.

Живу,
Влюблуюсь
И дивлюсь,
Что, разлучая с небесами,
Судьба мне подарила Русь
С её полями и лесами.

И это всё
День ото дня
Люблю всё искренней и пылче,
Но скептики твердят,
Что я
Годами жизни ограничен.

– Да, да! – твердят.–
Как ни ликуй!
И я кричу в листве плакучей:
– Кукушка, друг, перекукуй
Мне молодость
На всякий случай.

РОДИНА (Дума)

Один её узнает выгой хлёсткой,
В час расставанья заметавшей след,
Другой увидит беленькой берёзкой,
Покинутой в тумане детских лет.

А мне раздумье не даёт покоя
В душу жжёт до непонятных слёз.
Да, Родина!
Нет, это ведь такое,
Что ближе детства,
Краше всех берёз.

Я детство тоже вспоминаю часто,
А тополь мой я помню и теперь –
Он лишь хранитель маленького счастья,
Он лишь свидетель маленьких потерь.

Ушла война.
К желанному порогу
Вернулись мы, победу принеся,
И глаз, видавших смертную дорогу,
Закрыть листочком тополя нельзя.

Гляди, гляди!
Вот солнце над тобою,
Вот небо неоглядное твоё.
Но даже небо светло-голубое
Ещё не в силах выразить её.

Мы видим жизнь
Не из оконной рамы,
И потому нам дороги вдвойне
Родной земли несчитанные шрамы,
Полученные ею на войне.

Пройдут года –
Мы многих позабудем.
Пройдёт беда – мы песни запоём.
Но так всегда –
Любовь к отшедшим людям
Мы Родине своей передаём.

Она – везде,
Она во всём звучала.
Но там, где обнажён древнейший пласт,
Нашла она бессмертное начало
И выбрала для испытанья нас.

Вот там ключи к её дороге горней,
Вот там больших страданий полоса.

Ведь только там,
Где не сгорали корни,
Опять растут высокие леса.

Один её узнает светлой блесткой
На лепестке, что отразила свет.
Другой увидит беленькой берёзкой,
Покинутой в тумане детских лет.

А мне раздумье не дает покоя
И душу жжёт до непонятных слёз –
Да, – Родина! Нет, это ведь такое,
Что ближе детства, краше тех берёз.

Я годы детства вспоминаю часто,
И тополь мой я помню и теперь.
Он лишь хранитель маленького счастья,
Он лишь свидетель маленьких потерь.

Но мне другое бесконечно мило:
Зола земли сгоревшей, там на ней
Ещё заметна свежая могила –
И оттого она ещё родней.

Там, где берёзка ветками качала,
Теперь разрыв, как рана – виден пласт...
Вот там она нашла своё начало,
Для испытанья выбравшая нас.

Вот там ключи к её дороге горней,
Вот там больших страданий полоса.
Ведь только там, где оставались корни,
Могли расти высокие леса.

*Впервые опубликовано в сборнике «Родина»,
Новосибгиз, 1944.*

ОСЕНЬ

Куда ни глянешь,
Всюду лес горит,
Горит легко, бестрепетно и тихо.
Мне осени печальный вид
Татарское напоминает иго.

Когда гляжу на одинокий клён,
То начинаю видеть за туманом,
Как по холмам
Из пасмурных времён
Кочевник скакет на коне буланом.

Склоняясь
Над самодельною стрелой,
Любуется он, лошадь понукая:
Вот вспыхнул наконечник смоляной,
Вот натянулась тетива тугая...

Запели стрелы,
Словно осы в зной,
Как в дни осад,
На башни крепостные
Попадали за хвойною стеной—
И запылали терема лесные!

Там дуб,
Там куст рябины запылал,
Огонь осины стал ещё багряней.
А злой ордынец всё скакал, скакал,
Скакал и мстил
За неуплату дани.

Осенним днём
Я вспоминаю зло,
Ушедшее навеки, безвозвратно.
Весь лес горит, а на душе светло.
Вся Русь горит,
А на душе отрадно.

* * *

О, Русь моя!..
Огонь и дым,
Законы вкривь и вкось.
О, сколько именем твоим
Страдальческим клялось!

От Мономаховой зари
Тобой—сочти пойди—
Клялись цари и лжецари,
Вожди и лжевожди.

Ручьи кровавые лились,
Потоки слов лились.
Все, все—и левые клялись,
И правые клялись.

Быть справедливой
Власть клялась,
Не своевольничать в приказе.
О, скольких возвышала власть,
О, скольких разрушала власть
И опрокидывала наземь!

У ложных клятв
Бескрыл полёт,
Народ — всему судья.
.....
Все клятвы перейдя.

Народ,
Извечный, как земля,
Кто б ни играл судьбой,
Все вековые векселя
Оплачены тобой.

Не подомнёт тебя напасть,
Не пошатнёшься ты,
Пока над властью
Будет власть
Твоей земной мечты.

ВЛАДИМИРКА

Листва берёз...
Черёмух кружево...
Ветлы свисающая шаль...
Как хорошо глядеть из кузова
На убегающую даль.

Как в раме,
Мчимся ль по булыжнику,
Плыём ли в хлябях колеи,—
Показывают передвижники
Пейзажи русские свои.

Мотор
Мурлычет колыбельную,
Мотору вторит ветерок.
А вот и роща корабельная,
Вот левитановский мосток.

Вот поворот...
Вот сразу, сразу вам
Знакомый видится ручей.
Вот колоколенка Саврасова
С берёзкой,
Только без грачей.

Вот новый вид.
И лес,
И вырубка,
И новый цвет,

И новый тон...
Вот начинается Владимирка,
Уже одетая в бетон.

И сразу скорость прибавляется:
Летим, летим!
Вперёд, вперёд!
И на пейзажах появляется
Энергетический налёт.

И в нём
Среди всего отменного
Всё тот же мир цветов родных.
И ни Ван Гога,
Ни Гогена вам.
Ни-ни!
И никаких иных.

Нет,
Мне мила берёзок грация,
Под ветром
Её буйный пляс.
Я Родину люблю.
И Франция
Простит меня на этот раз.

* * *

Зачем чужие страны,
Когда есть Комарово.
Зализываю раны,
Ищу живое слово.

Здесь тишина без края,
Не то что шум столичный.
Мне тишина такая,
Как счастье,
Непривычна.

Здесь сосны
Храмы словно,
Маяча в небе млечном,
Недвижно и безмолвно
Внушают мысль о вечном.

Родят
К тому презренье,
Законное в поэте,
Что нет во мне прозренья
Хотя бы
На столетье.

С ТОБОЙ, РОССИЯ

Велик твой путь,
И ноша нелегка,
Дробится камень
Под твоей стопою.
Мне кажется,
Что прожил я века,
И всё живу,
И всё иду
С тобою.

Когда аркан
Над головой свистел
И шум пиров
Катился по улусам,
Другой бы постарел
И поседел,
А я русел,
Я становился
Русым.

Всевластием силы
И всевластием тьмы

Я в прежней жизни
Был сто раз унижен.
Другой бы не превысел
И травы,
А я всё рос,
Я становился
Выше.

И кровь была
Дешевле, чем вино.
Той кровью,
Безрассудно пролитою,
Другой
Ожесточился бы давно,
А я добрел
Твоей добротою.

По грозам,
По ветрам
Да по снегам
Я заучил
Твои степные песни.

Да, я ровесник
Всем твоим векам
И Революции твоей
Ровесник.

Мы стали
И моложе
И новей,
Но в добром свете
Красных пятилучий
Твоя дорога
Стала только круче,
Моя задача –
Только тяжелей.

Кто на горе,
Тот раньше
Солнце встретит,
Кто средь друзей,
Тот силой не шути,
Кто впереди шагает,
Тот в ответе
За все ошибки
На крутом пути.

А мудрый в дружбе
О друзьях печётся,
А кто в борьбе,
Тот сил не тратит зря.
Ведь океан великий
Лишь качнётся,
Как всюду
Закачаются
Моря.

Дробится камень
Под твоей стопой...
И пусть не первым,
Пусть не самым лучшим
Я был с тобой
В твоём
Давно минувшем,
Дай и в грядущем
Мне побыть
С тобой.

БЕРЁЗА

Стоит в бересте
Под еловою кроной,
Как в куриной избе
Золотая икона.

Приди поклониться –
И боль отболится.

* * *

Бог весть,
От культа ль нам дались
Слова решительные,
Вроде
Крутого слова: «Покорись!»
И это о родной природе?!

О, мы творим,
Преображаем!
Но почему ж
Врага грубей
Мы поминутно угрожаем
Извечной матери своей?!

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забыть все культы
И ввести
Непогрешимый
Культ природы.

* * *

С тех пор,
Как тобою поклялся,
С тех дней,
Как я принял твой путь,
Всю жизнь я,
Отчизна, боялся
В надеждах
Тебя обмануть.

Но странно,
Когда полыхала,
Когда обагрённой была,
Ты жертвы других
Принимала,
Но жертвы моей
Не брала.

Когда погибали герои
По зову огня и крови,
Я жизнь свою
Выставил к строю,
Ты жизнь мне вернула: Живи!

Когда,
Не умея скучиться,
Пришёл я
По воле судьбы
Любовью своей поступиться,
Любовь ты вернула: Люби!

Когда ты
Жила созиданьем,
Восторгом, что бил через край,
Пришёл я к тебе
Со страданьем,
Ты тихо сказала: Страдай!

Когда ж
На себя негодуя
За то, что
Погиб не в бою,
С последнею песней
Приду я,
Ты примешь ли
Песню мою?

* * *

Всё было бы иначе,
Пронеси я
Все тяготы,
Что ты другим дала,
Я мог бы стать
Певцом твоим,
Россия,
Которым ты
Гордиться бы могла.

Обидно мне,
Что в словосочетаниях
Нет вековых,
Чтоб оценила ты.
Я выстрадал
Не все твои страданья,
Я вымечтал
Не все твои мечты.

И что с того,
Что чист я пред тобою,
И что с того,
Что пред собою чист.
Как мне наполнить
Страстью и борьбою,
Самим собой
Бумаги белый лист.

Мне нужно слово.
Снова,
Снова,
Мне нужно слово,
Чтобы всё суметь.
И если б смерть
Дала мне это слово,
Я б кинул всё
И отыскал бы смерть.

* * *

... Всю жизнь мою,
Бывало ль хорошо,
Бывало ль плохо мне,
Не за наградой,
К тебе, Москва,
Я не за славой шёл,
К тебе, Москва,
Я шёл всегда за правдой.

Известна прежде
Кривостью своей,
Сильна поныне
Жёсткой директивой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днём прямей,
Москва, Москва,
Будь с каждым днём
Правдивей.

Тебя впервые
Видя из окна,
Не охал я,
Не охал я при въезде,
Как будто виделась мне
Вся страна
В каком-то
Собирательном разрезе...

* * *

Москва, Москва,
Бывало ль хорошо,
Бывало ль плохо,
Бодрый иль усталый,
Как через сердце
Родины большой,

Я шёл через тебя
Кровинкой малой.

И счастлив я,
Что узами родства
Сыны земли, как я,
С тобой роднятся.
Ты не имеешь права
Жить, Москва,
Одними теми,
Что в тебе рождаются.

Сказать «люблю»,
Душой не покривив,
Сказать не смею,
Это слишком мало!
Ты выше неприязни
И любви,
Ты для меня, Москва,
Судьбою стала.

Ты – высший суд,
Ты – первая в делах.
Суди без спешки,
Думай без затяжек,
Ведь сколько силы
У твоих бумажек,
Лежащих
На ответственных столах.

Известна прежде
Кривостью своей.
Сильна поныне
Жёсткой директивой,
Москва, Москва,
Будь с каждым днём прямей,
Москва, Москва,
Будь с каждым днём
Правдивей.

* * *

... Из века в век,
Изо дня в день еси
Звучало «горько» на святой Руси.
Казалось бы, в обряде есть накладка,
Но хитр и мудр был древний драматург:
Кричали «горько», выходило ж вдруг
Не горько вовсе, а хмельно и сладко.
И то-то рады все,
Что губ слиянье
Не горечь принесло
А лиц сиянье.

Всего пустяк,
Десятки лет назад
Неделю длился свадебный обряд,
Женились тоже не на две недели,
Те свадьбы было принято «играть»:
Ну, например, невесту выкупать,
Притворно плакать,
А как славно пели!
От свадеб тех –
Друзья, какая жалость! –
Нам только слово «горько» и осталось...

* * *

... О, русские слова,
В них свет и тьма,
Их родила История сама,
Доверила с конями русским людям,
Чтобы во многих смыслах не блуждать:
Как, например, «судить» и «рассуждать»,
И «рассудить»...
Да мы всё время судим!
Но слово «суд» при всяком разговоре
Уже томит предощущеньем горя...

РУССКИЕ ПЛОТНИКИ

От житейской экспрессии
В поредевших лесах
Умирают профессии
У меня на глазах.

Мастера и работники,
Рукотворцы хором,
Где вы, русские плотники,
С золотым топором?

Вот средь бойко оплаченных
Дом, как нищий в гостях,
Весь в древах измахрененных,
Весь на ржавых гвоздях.

Где ж вы, брёвноукладчики,
Воздвигавшие дом?
Где вы, где, конопатчики,
С конопляным жгутом.

Этих «где» – изобилие,
Для ответов на них
Нам остались фамилии
От профессий былых.

Где вы, тоже не лодыри,
В деле знавшие честь?
Нет вас, звонкие бондари,
Только Бондарев есть!

Не поможет в экспрессиях
От бетонного ига
Уходящим профессиям
Даже Красная книга!

1981, *Марьевка*

РУССКИЕ ПОЭТЫ

Они Судьбу не выбирали,
Судьба их выбрала сама
За блеск таланта и ума,
В момент, когда они сгорали.

К их гордой жизни без кривуль
Страшит непонятая блажь их.
Увы, ни собственных, ни вражьих
Поэты не боялись пуль.

Они весь Мир
Объять могли.
В них удивительно,
Как чудо,
Высот надземных амплитуда:
От бога
До – щекой земли.

Они в Судьбе своей большой
Непостижимые в размахе,
Глубокой думой –
Патриархи,
Гусары
Сердцем и Душой.

Они у смерти на виду
Бывали пагубно охочи
Ходить по краю дня и ночи,
Чтоб видеть Солнце
И Звезду.

Как необъятное объять,
Затмить вражду
Своей Судьбою?..
Вам, дальним,
Занятым собою,
Поэтов Русских
Не понять.

* * *

Вождями,
Борцами,
Творцами,
Творивших основу основ,
Россия славна именами
Своих благородных сынов.

От самых
Далёких времён
Мы с гордостью их проносили.
Хоть много имён у России—
Россия
Превыше имён.

* * *

В гордости,
В надеждах
И страданьях
Ждущие глаза твои зорки.
Мать моя — Россия,
в ожиданьях
Ты века глядишь из-под руки.

Не было
Сынам твоим предела
На путях за горы и леса.

Раньше за околицу глядела,
А теперь
Глядишь на небеса.

1978

Глава 2 **СИБИРЬ, МОЙ КРАЙ...**

* * *

Учитель
Через много лет
Прочтёт вопрос
На детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?

Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была –
Всё там же,
За хребтом Урала?»

И, давней битвы
Рваный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

* * *

... Сибирь, мой край,
Затмивший все края,
О, золотая каторга моя,
Приют суровый праотцов бесправных,
Где барско-царских не было плетей,
Но лыко нам неведомых лаптей,
С железом кандалов прошло на равных.
Народом ничего не позабыто,
Что в жизни поколений
Было бытом.

Сибиряку сама живая данность
Внушала и суровость и гуманность.
Почти в любой семье сибиряка
Для беглецов считалось делом чести
На самом видном и доступном месте
Поставить на ночь кринку молока.
И, тронутую грешными устами,
Крестили заскорузлыми перстами.

Сибирь моя,
В просторах безграничных
Ты принимала всех иноязычных.
У всех поныне свой особый лик,
Но всё сильнее вечное стремленье,
Чтоб после вавилонского дробленья
Здесь снова обрести один язык.
Твои небостремительные башни
Уже давно затмили
День вчерашний.

Сибирь моя,
Ты вся в кипучей стройке,
Вся в переделке, вся ты в перестройке,
Любовь моя, ты вся из новостей,
А если вместе с «дурочкой» угарной
Был заведён мотивrudиментарный,
За то не будем осуждать гостей.
Таков порядок:
После крепкой влаги
Запеть надрывно
Песню о бродяге...

* * *

... Друзья мои,
На нашей кухне русской
Ещё нашлась нам добрая закуска.
Не воду пили, чтоб галушки есть,

Нет, было блюдо к чести ресторана,
Которое и тонкостям гурмана
Во время свадьбы оказалось честь:
Дымилась в чашах,
Полные томлений,
Домашние сибирские пельмени.

Они вкуснейши
Сами по себе,
Наивкуснейшей по одной судьбе.
Я их не ел – блаженствовал, вкушая,
Я праздновал на празднике еды,
Хвалил их между тем на все лады,
Соседям по столу напоминая,
Что на мешке
Мороженых пельменей
Родился знаменитый Менделеев.

Пельмени.
Оо!..
Но те превыше слов,
Когда берётся мясо трёх сортов:
От нетели, от свинки и овечки.
Его бы всё ж не мясорубкой мять,
Так мясо может соки потерять,
А изрубить с лучком
В корытце сечкой,
Поперчить, посолить, потом слегка
Для сочности добавить молока.

В моей Сибири
С добрым знаком плюс
Мы ценим их на вид, потом на вкус.
Есть крайнее из самых высших мнений,
Да буду я за дерзость несудим:
Один едим, а на втором сидим –
Вот это настоящие пельмени!

Сейчас, когда пишу я эти строки,
Во мне кипят
Желудочные соки...

* * *

... Мой друг Жуан,
Мытарствуй не мытарствуй,
Семья как государство в государстве,
По-своему живущее века,
Изменчивое строем и и размером,
В котором будешь если не премьером,
То уж министром-то наверняка,
С особым правом робкого совета
При выкройке домашнего бюджета.

Учи, Жуан,
В Сибири для устоя
Семья почти не знала Домостроя.
Жену любили, если горяча
Была не столько в кухне и начёвке,
Сколь равная на той же раскорчёвке,
Умевшая, как муж, рубить сплеча,
Да чтобы ухитрялась, как ни трудно,
И матерью хорошей быть попутно...

* * *

... Есть в русской песне
Высшая отрада,
Дойдёт до песни, ничего не надо,
Лишь песню дай – поющие не пьют.
И сам влюблённый в песенное диво,
Жуана впервые думал неучтиво:
«Чёрт побери, они ещё поют!»...

* * *

... У тёщи
В одеянье кружевном
Красивый был её старинный дом.
Весь с топора и лобзика всего-то,
Смотрелся он на самый строгий взгляд.
Жуан сострил:
– Напрасно говорят,
Когда хулят, – топорная работа!
Так смотрится, уже не бога ради,
Икона древняя в резном окладе...

КОЛУМБ

Упрямый,
Он твердить не устаёт,
Что жизни мудрость
Не была забыта:
Пока земля
Плодов нам не даёт,
Она для человека
Не открыта.

Над ней горит
Бесплодная заря,
Закаты гаснут
В небреженье грубом.
А в наше время,
Чтобы стать Колумбом,
Уже не надо
Бороздить моря.

Твоя земля
Совсем недалеко,

В завоеванье
Никакого риска.
И хоть она,
Нетронутая, близко,
Открыть её, такую,
Нелегко.

И даже ту,
Которую вспахал
И над которою
Весь век хлопочешь,
Ты до конца
Ещё не открывал
И, как слепой,
Свое богатство
Топчешь.

Ты бороздишь
Земли усталый лик,
Не смея,
Не умея
Тронуть недра.
Войди в неё
На глубину
В полметра,
И ты откроешь
Новый материк.

В земле проснётся
Жажда материнства,
Как в тот далёкий
И туманный век,
Когда к ней
Прикоснулся человек
И ощутил с ней
Вечное единство.

ЛЮБОВЬ И ХЛЕБ

Через улицу,
Через будни,
В нежных чувствах
Не сразу понятый,
Добрый хлеб
Под названьем «Спутник»
Несу на руке приподнятой.

Скажут:
Хлеб – избитая тема.
Я иду и смеюсь над такими,
И несу домой каравай, как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

Этим румяным,
Этим горячим,
Пахнущим так заманчиво,
Этим хлебом труд мой оплачен.
Песня моя оплачена.

Но даже самую лучшую песню,
Самую звонкую и земную,
С сухарем в купоросной плесени,
Не стыдясь, зарифмую.

Хлеб несу!..
Поделюсь с женою,
Не скучаясь на слова хвалебные.
И припомнится детство моё ржаное,
Юность моя бесхлебная.

С лебедою,
С трухою всякою
Ел «Тошнотник» с корочкой тусклой.

А если встречалась булочка мягкая,
То она уже
Называлась французской.

Хлеб несу!..
Удивляются, вижу,
Даже только что евшие
С белого блюда.
Но стоило мне приподнять его
Чуть повыше,
И все увидели чудо.

Сразу пришло
Давно знакомое:
Поле и молодость
С днями непраздными.
Сладко запахло старой соломою,
Мятой-травой
И цветами разными.

И увиделось как воочью:
И косьба,
И стогов метание,
И межа, бегущая к ночи,
И на меже
С любимой свидание.

Любовь и хлеб –
Извечные темы.
Славя хлеб, как любимой имя,
Несу домой, приподняв его,
Как поэму,
Созданную сибиряками,
Земляками моими.

БАЙКАЛ

Ложась вздремнуть у тёмных скал,
Не хороня своих секретов,
Мне выражал старик Байкал
Свою обиду на поэтов.

– Они поют меня всегда,
Когда кипит моя вода,
Когда порыв мой дик и бешен,
Но почему-то не тогда,
Когда я тих и безмятежен,

Когда, закончив с ветром спор,
Я вытянусь, решив погреться,
И девушка с высоких гор
В меня приходит поглядеться.

Прозрачный, как одна слеза,
Я неподвижным быть умею.
Её монгольские глаза
Я сделать уже не посмею.

На мне приметен каждый блик
И каждый луч,
По мне скользящий...
Быть может,
Этим я велик,
Быть может,
В этом настоящий.

Не расшатать мне вечных скал,
Да и, признаться, труд напрасен.—
Так говорил старик Байкал.
И был с Байкалом
Я согласен.

ОМУЛЬ

Было некогда вдоволь
Осетра и плотвицы...
Ну а где теперь омуль?
Говорят, за границей...

И в любви,
И в почёте
Для высоких обедов
Он летит в самолёте
Вроде модных поэтов.

Омулька
Из Байкала
При еде и закуске
В наше время не стало
Даже...
Даже в Иркутске!

Лишаem обрастая,
Не нуждаясь в промочке,
Глухо плачет пустая
Омулёвая бочка.

* * *

Наш мир беднеет,
В мире что-то гибнет.
Был мамонт,
А у мамонта тропа.
От мамонтов остались
Только бивни,
Да кости белые,
Да черепа.

Была тайга,
Дремотна и косматая,
Была сосна,
Была, да стала пнём.
Теперь лишь пни остались
В три обхвата
Да корни,
Поразмытые
Дождём.

И только память
Сохранить сумела,
Как осенью,
Заполонив поля,
Тайгой шумела
И тайгой темнела
В три человечьих роста
Конопля.

Ни ёлка,
Соскочившая
С пенёчка,
Ни конопели
Дымчатый прибой –
Ничто не уходило
В одиночку,
А что-то уводило
За собой.

О, конопля,
Сбежавшая от пряслы,
Ты в детской
Неучаствуешь игре!
Ни запаха,
Ни семечка,
Ни масла,
Ни коноплянки
Певшей на заре.

Природа
И мудра
И терпелива,
Но люди, люди,
Надо же понять:
Ей, как на фронте,
В случае прорыва
Приходится
На флангах
Отступать.

И отступает,
И теряет вовсе
Она себя...
Да что там говорить!
Её утрат
Ни в мраморе,
Ни в бронзе,
Ни в чём другом
Уже не повторить.

АЛТАЙСКИЙ МОТИВ

Упрямая,
Через века
Катилась горная река.

Казалось, что звенели пилы
Средь скал, одетых в гроздья мха,
Как всё, отмеченное силой,
Она порой была тиха.

Однажды на крутом утёсе,
С огромной трубкою в руке
Сидел шайтан космоволосый,
Глядел, завидуя реке.

В её кипящие глубины
Решил он скалы повалить,
Чтобы поток реки единый
На сто потоков разделить.

И вот, беснуясь и ревнуя,
Он валит камни там и тут...
А негодующие струи
Ещё сильней друг к другу льнут.

И, все преграды обегая,
Соединяются опять:
И снова катится, сверкая
И та же ширь, и та же гладь.

И к берегам всё та же сила
Относит поднятую муть...
Поют, называя, пилы,
Прокладывая вечный путь.

Я рек повидел –
Дай вам боже!
Но эта мне милей всего
За то, что путь у неё похожий
На путь народа моего.

* * *

Да Винчи говорил:
Когда вы захотите
Какой-нибудь реке
Дать новый,
Лучший путь,
Вы как бы
У самой реки спросите,
Куда б она сама
Хотела повернуть.

Мысль Леонардо!
Обновись, и шествуй,
И вечно торжествуй
На родине моей.
Природа и сама
Стремится
К совершенству.
Не мучайте её,
А помогайте ей!

* * *

Я не Волга,
Я не Вятка,
Но как Волга велика,
Я остычка, азиатка,
Плоскоголовая река.

Надо мной
Гуляют ветры,
На моих на берегах
Хвойношумно
Спорят кедры,
Нашумевшие в веках.

Мои воды
С виду немы,
Но в глубинах бочага,
Как русалки,
Ходят нельмы,
Зазывая рыбака.

Я и лесом,
Я и топью
Пробираться не боюсь.
Я не Волгою, а Обью,
Сибирячкою зовусь.

* * *

Высокие сосны,
Царицы
Весенних тишин,
Боитесь вы снега
И ветра.
Высокие сосны
С ветвями
У самых вершин,
Вам страшен
Закон Архимеда.

Высокие сосны
Подвластней
Его рычагу,
Качнёт ли их
Ветра десница.
Высокие сосны
С ветвями
В тяжёлом снегу,
Не дай же вам Бог
Наклониться!

ДРЕВО ЖИЗНИ

Сосна тянулась вверх.
У ней
С годами крепли ствол и ветви,
И протекало меж ветвей
Неторопливое столетье.

Потом начался век второй,
И поднялась она высоко,
Под грубою её корой
Прошли и загустели соки.

По жильному прошли стволу,
Чтобы в надрезах заструиться
Живой смолой,
И ту смолу
Назвали старики живицей.

Божественная кровь сосны,
Добытая в древесной ранке,
В дни самых страшных дней войны
Сжигала вражеские танки.

А у неё медовый вид,
На ней и звёзд, и солнца трепет,
Приложишь к ране – заживит,
Приправишь краску – краски скрепит.

А сердце? Вечно ли оно?
Но капля сдобренной живицы,
Как многолетнее вино,
Заставит сердце чаще биться.

Недаром
С нежностью в глазах,
За службу верную Отчизне,
Сосну столетнюю в лесах
Зовут, как должно, –
Древом жизни.

* * *

Когда-то здесь
Гуляли дрофы,
Бизоны тучились стада.
Страшны бывают катастрофы,
Опасней тихая беда,

Опасней зло,
Что не всесветно,
Не поражающее глаз,
То зло,
Что входит незаметно,
То, что людей
Не губит враз.

Мы при любом,
Хоть малом, лихо
В стゾвонные набаты бъём,
А при беде, вошедшей тихо,
Всё терпим
И чего-то ждём.

То зло
Меж тем
Войдёт в доверье.
Когда ж созреет приговор,
То зло нас губит,
Как Сальери,
Ведущий умный разговор.

* * *

Кто-то здесь
Топориком постукивал,
Дерева рубил.
Кто-то здесь
Весёлых птиц распутывал,
Красоту губил.

Упадёт ли
Ствол ли,
Ветви ли,
Сердцем вздрогну я.
Боже мой, когда в свидетели
Позовёшь меня?

Глава 3 **СВЕТ МАРЬЕВКА!**

МЫ САМИ...

Мы сами из крестьян.
Скажу начистоту,
Не пожалев
Ни образа,
Ни слова.
Мы знали красоту,
Мы пили красоту,
Мы ели красоту,
Как сено ест корова.

Как будто жили
Слишком далеко,
Эстетика о нас
И слыхом не слыхала.
В нас нашей красоты
Живое молоко,
Как у дойных коров,
Веками присыхало.

И времена не те,
И мы не те.
Не надо
В назидательном кураже
Нам толковать о нас
И вечной красоте.
Мы сами о себе
Напишем и расскажем.

* * *

... Река...
Тайга...
Деревня за пригорком...

Опять тайга...
Вот полоса жнивья...
Вот Иверка...
Вот станция Ижморка...
Вот засияла
Реченька моя...

* * *

Есть много рек,
Но самой дивною
Была и будет,
Жив пока,
Та говорливая, разливная,
Благословенная река.
Она то узится,
То ширится
В прохладе леса и травья,
Моя кормилица, поилища
И нянька мудрая моя.

Налимовая,
Пескарёвая,
Да сохранятся на века
Твои глубины окунёвые
И черемшовые луга.
Да не иссякнет вод течение,
Да будут дымкой голубой
Ходить туманы над тобой
И заревые
И вечерние.

Я бросил ветку
В речку-реченьку
С моста, гремевшего над ней,
Чтоб ветку ту
Прибило к вечеру

Под окна матери моей.
Огни зажгутся в Яя-Борике,
Тогда она с поклоном дню
Сойдёт к реке
Помыть подойники
И тронет весточку мою.

Застраждет
Грудь её уставшая...
О том, что минул я её,
Подскажет
Никогда не лгавшее
Ей материнское чутьё...

... Есть много рек,
Но самой близкою
Была и будет, жив пока,
Одна таёжная, сибирская,
Незнаменитая река.
Я рос у вод её разливчатых,
Ныряя с каменной гряды,
Я на волнах качался зыбчатых
Я на песках её рассыпчатых
Оставил резвые следы.

СОЧНА

И всё-таки пришла весна,
И вновь надеждой опьяняла.
Но одинокая сосна
В глубоком трауре стояла.

На косогоре у реки
В минуту скорбного порыва
Две ветви, словно две руки,
Она раскинула с обрыва.

Просила ли кого придти?
Таила ли какое слово?
На нашем боевом пути
Мы много видели такого.

И вдруг, откуда – не понять:
Живая ветвь с зелёной чёлкой
Над пеплом силилась поднять
Свои несмелые ручонки.

И вспомнив про другие, те,
Что молчаливо просят хлеба,
Пошли мы за своих детей
Туда, где полыхало небо.

*Малоизвестное, раннее
стихотворение Поэта,
написанное в годы Великой
Отечественной войны...
Впервые опубликовано
в сборнике «РОДИНА»...*

КОЛОС

Русый колос, зачем убежал ты
Со своей полосы чернозёмной.
Ты стоишь на меже непожатой,
Ты таишь в себе сладкие зёрна.

И ответил мне колос косматый:
– Мне с врагами мириться зазорно.
Я стою на меже непожатой,
Я таю в себе сладкие зёрна.

Но не долго мне ждать и томиться
С грустной песней о пажитях чёрных –

Вновь придёт русокосая жница
И возьмёт мои сладкие зёрна,
Пусть возьмёт мои зёрна.

*Малоизвестное, раннее
стихотворение Поэта,
написанное в годы Великой
Отечественной войны.
Впервые опубликовано
в сборнике «РОДИНА»...*

МОРЕ

За речкой не открыть Америк,
Но ты вела меня на взгорье.
– Закрой ладонью дальний берег,
И ты под ней увидишь море.

Виднелись сёла за рекою,
Вдали брело за стадом стадо...
Я берег закрывал рукою,
И выходило всё как надо.

Летели годы –
Речка уже,
А мир всё шире...
Нам с тобою
В метельной и бурянной стуже
Порой был слышен шум прибоя.

Нас жизнь
Носила и хлестала
Пять лет –
От горя и до горя,
Да так, как будто суша стала
Намного беспокойней моря.

И, наконец,
При тихом ветре,
Преодолев каменьев груды,
Глядели мы с высот Ай-Петри
На вечное земное чудо.

Ты привела меня, как прежде,
К живому шуму синей лавы...
На Черноморском побережье
Я вспомнил детские забавы.

Вот море –
Буйное такое,
Ладонью мысленно приглажу...
И, горизонт закрыв рукою,
Хочу увидеть речку нашу.

ПОЛЕ

Какое поле
Зреет в славе!..
Куда глазами
Ни раскинь,
Кипит, как золото
В расплаве
Перед заливкой колоски.

О поле, поле,
Ношей бренной
Под солнцем
Наливайся впрок,
И пусть, как шлаковую пену,
Пыльцу сбивает ветерок.

Плати нам, поле,
Полной мерой
За труд, что многих тяжелей.

Спасибо селекционерам
И селятелям
Наших дней.

И прашуру
За умный прищур.
Да будет славен на века
Поднявший взгляд
От корневища
До чахленького колоска.

Тот взгляд – полёт
От века к веку,
То взгляд – бессмертья
Добрый знак.
Спасибо перво человеку,
Заметившему
Первый злак.

РЫЖУХА

Очень часто,
Всем сердцем гордый
За места, где я жил и рос,
Вместо отдыха на курортах,
Взявши отпуск,
Я шёл в колхоз.

Вот дорога слегка пылится.
По дороге навстречу мне
Мчится рыжая кобылица
С русым мальчиком на спине.

Он сидел,
Боевой, глазастый,
Стиснув тонкие повода.
Поравнялись.
– Рыжуха, здравствуй! –
Крикнул весело я тогда.

– Здравствуй, старая!.. –
Левым ухом,
Правым рыжая повела...
– Что Вы, дяденька...
Та Рыжуха
Позапрошлый год умерла.

Это дочка,
«Весна» по кличке.
Трактор пашет вон там, где лес,
Ну, а мы с Весной рапортички
Возим в ближнюю МТС.

Мальчик долго не трогал с места,
Разговаривал всё бойчей...
Узнавая в нём чьё-то детство,
Я спросил его:
– Сам-то чей?

Пригляделся –
И вспомнил друга,
Что погиб на чужой земле...
– Ну, пошла! –
И малец упруго
Приподнялся вдруг на седле.

Как бы тело ни уставало,
Всё бы шёл я вперёд и шёл,
Потому что на сердце стало
И печально и хорошо...

* * *

Всё иное,
Как будто на отдыхе,
На работе
Одни лишь подсолнухи.

Они память
Ещё не утратили,
Видят кровное
Даже во мгле.
Дети солнца
Сбежали от матери
И тоскуют о ней
На земле.

БЛИНЫ

Речь о газе ведёшь,
О какой-то утечке,
О каком-то баллоне
При нашем дворе,
А на памяти
Добрая русская печка
И лицо моей мамы
В домашней заре.

Пошурует клюкой,
Чтобы угли не гасли,
А потом накалённую,
С гладеньkim дном
Мать гусиным пером
Сковородку намаслит
И зальёт её тонким
Шипящим блином.

Ну а мы –
Мы за печкой
Не просим,
Не клянчим,
Только молимся нашим
Ребячым богам,
Чтобы маму постигла
С блином неудача,

Потому что тот блин
Шёл не гостю,
А нам.

Дорогая,
Наш дом
Стал приветливым домом,
И, когда ты колдуешь
На хитром огне,
Не откладывай блин,
Что получится комом,
А как память о детстве
Отдай его мне.

ГИМН КОРОВЕ

Был вспоен волчицей
И Рем
И Ромул.
Мне ж, голодавшему
Много и тяжко,
В пользу пошло
Молоко коровы,
Доброй коровы
По имени Клашка.

Крупная,
Пёстрая,
Грустноглазая,
Идёт, бывало,
По лугу к берегу...
На левом боку
Темнеет Азия,
На правом боку
Пестрит Америка.

А как старалась,
А как понимала –
Всё понимала.
Глухими ночами
Клашка раздумывала
И вздыхала
И чаще и громче,
Чем наша мама.

Она не паслась,
А всегда трудилась,
Она в родной
Луговой обширности
Траву выбирала,
Для нас
Стремилась
Дать молоко
Повышенной жирности.

Бывало, исчезнет.
Время тянется
В поисках Клашки...
И глядь,
Вперевалочку
Клашка откуда-то
С дочкой явится,
С этакой робкой
Пёстрой
Дрожалочкой.

Что за чудо
И что за оказия!
Как у мамаши,
По шерстке беленькой
На левом бочку
Темнеет Азия,
На правом бочку
Пестрит Америка.

Можете спорить
И спорить:
Прав ли я?
Но за Клашкой моей
Всё полезное:
Тут и масло,
Тут и география,
Тут и ряженка,
Тут и поэзия.

Что же,
И Рем и Ромул
Праведники,
Мол, Рима твердыни
Ими созданы!
Что же, Волчице
Ставят памятники,
А Клашке моей
Ещё не воздано!

Аз воздам!

ЗАБЫТАЯ ДОРОГА

Она,
Колёсная,
Копытная,
Нелёгкий груз перенесла,
С годами всеми позабытая,
Травой густою поросла,
Цветами синими и белыми
Над влажной мякотью дерна
И стебельками переспелыми
От очень давнего зерна.

Весёлый,
С новыми замашками,
Придя от улиц городских,
Я потянулся за ромашками,
Но оступился и притих.

И вышло в глубях сердца скрытое,
Как вышла из небытия,
С годами мною позабытая,
Дорога старая моя.

И появилась мысль тревожная,
Что очень многие из нас
На прошлом,
Позабыв то прошлое,
Ещё оступятся не раз.

* * *

Придорожная ромашка,
В комьях бросовой земли,
С добрым сердцем нараспашку
Ты всегда стоишь в пыли.

Лепестки твои большие,
Ты б гадала, не фальшивя:
«Любит, нет ли?»
Цвет отдав,
Лишь спроси,
Сказала б: «Да».

Но в заботе бестолковой
Каждый мчится, пятки жжёт,
К дальней,
Мелколепестковой,
К той,
Которая солжёт.

ЗАБЫТЫЙ МОСТ

Ещё вчера
Манил размах вселенский,
А подошёл к нему –
И не до звёзд.
Он цел ещё –
Мой старый,
Деревенский,
Давным-давно
Воспетый мною мост.

Он цел ещё,
Как экспонат музейный.
Уже и колеи-то
Нет на нём.
А рядом новый,
Ставший на шоссейной,
Стремительно взлетающей
На взъём.

А ведь, бывало,
Пил здесь воду каждый,
Когда ещё бурлачил
Тот живой,
Подверженный
Усталостям и жажде,
Неторопливый
Транспорт гужевой.

Причастьем
И к работам,
И к заботам
Была вода речонки,
Та вода
У первой кручи
Исходила потом,
Случалось, что и кровью
Иногда.

Для роздыха
Коротенькие сроки
Давала жизнь,
Но помнились мосты
Так, будто посидел я
На уроке
Неслыханной
Любви и красоты.

Мост новый – просто мост,
Хоть он и шире.
Есть в новизне
Своя печаль потерь:
Где чувство то, что я
Всей жизнью – в мире,
А не над миром где-то,
Как теперь?

Всё хорошо.
Мост новый
Ладно сложен,
Дорога по нему
Во всей красе.
Всё хорошо,
Добротно всё,
А всё же
Такая грусть –
Хоть падай на шоссе.

* * *

Над родною стороной
Всё обильней,
Всё обильней
Непроглядною стеной
Льют тропические ливни.

Грязь такая,
Что, пыхтя,
Не пройдёшь к родне по ней,
Грязевой вулкан – дитя
Перед Марьевкой моей.

Издавая львиный рык,
По разливу,
Верный долгу,
Трактор тащит грузовик,
Грузовик волочит «Волгу».

Сам завяз –
И боль острей:
Нашей Марьевке и многим
В коммунизм идти быстрей
Не дают пока...
Дороги!

* * *

В пустынном небе
Журавлиный крик,
Тоскливыи плач
В осенней непогоде.
Давно утратив кудри,
Как старик,
Подсолнух сгорбился
На огороде.

Лицо в лицо
На солнце не глядит,
Где стать его
И где его гордыня?
Он смотрит вниз,
Ему глаза слезит
Упавшим солнышком
На грядке дыни.

На ней он видит
Пятна-светлячки,
Но подойдут
Беспесенные сроки,
Его солнцелюбивые зрачки
Повыклюют
Беспечные сороки.

Впадая весь
В сочувственную дрожь,
Я замечал
В осеннем увяданье,
Что журавлинный крик
Всегда похож
На чей-то стон
И бабье причитанье.

КУЗЬМИХА

В моей деревне,
Прозябавшей тихо,
Жила-была
Столетняя Кузьмиха.

На диво
Бородатым мужикам
Она весь день
Помалу, помаленьку
То родники почистит,
То ступеньки
На спусках
К приозёрным родникам.

Те родники,
Что родила гора,
Бежали к озеру
Уже разумны,

Звенели,
Как натянутые струны
Под призрачной рукою
Гусляра.

Кузьмихи жизнь
Была уже темна,
Но на горе,
Прислушиваясь к пенью,
Вдруг обретала
Слух она и зренье,
Когда смолкнула
Хоть одна струна
С присловицей туманной:
«Что, ин да?»
Она спускалась с заступом,
Как другом,
Мудрила что-то над струной,
И та
Через минуту
Набухала звуком.

Тогда она шептала:
«Мол, ин да!»
И уносила
Сухонькое тело,
А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гуслям,
Пела, пела, пела!

Есть тайна жизни
В каждом роднике,
Он может умереть,
Лишённый бега.
Полвека мне,
И вот через полвека
Кузьмихин заступ
У меня в руке.

В тени
Берегового закутка
Два голоса,
Две ноты трепетаний:
Один глубокий –
Из земной гортани,
Другой звонче –
С моего лотка.

У РОДНИКА

Мой родничок,
Конечно, ты не Дон
И Волгу не зовёшь
Себе в подруги,
Но, если б ты журчал
На крымском юге,
Тебя, мой друг,
Одели бы в бетон.

Перед тобой,
Сбегающим игристо,
Толпились бы
Всесветные туристы.

Всезнайка гид
Легенду б рассказал,
Как хан Гирей
В охотничьем веселье
На скакуне
Погнался за газелью
И увидал тебя
Средь мрачных скал.

А там пастушка
Вышла б непременно,
Что стала у него
Звездой гарема...

А впрочем, что я?..
Нам впадать ли в стыд,
Когда на травке,
Леностно примятой,
Здесь наяву
Телятница сидит.
Газелей, правда, нет,
Но есть телята.

Как ей сказать,
Душой не погреша,
Как ей сказать
Без живописной фальши,
Что ты, мой родничок, –
Моя душа,
Что лучше бы
Поить бычков подальше.

Бычки
Ни капли
Из него не выпили,
Ни капельки не выпив,
И скопытили,
Втоптали в грязь
Бесхитростный лоток,
Что я принёс тебе
Взамен бетона...

Ну что ж, поправлю,
Что-то сдвину, строну –
И закурлычет вновь
Твой вечный сток.

Но всё-таки боюсь,
Всегда боюсь,
Когда я с ним
Надолго расстаюсь,

Боюсь, что без меня
И хан Гирея
Мой родничок
Однажды захиреет.

* * *

Звенит...
Звенит...
Звенит...
Игрун сереброводный,
Родник меня роднит
С родимою природой.

Он ведал и врага,
Он знает и увесь.
Лицо у родника
Почти что человечье.

Глаза у родника,
Светло, порою тупо,
Из веток ивняка
Глядят, как из-под чуба.

Бывает, чёрным днём
В болотистом сопенье
Он дремлет бобылём,
Живущим в запустенье.

Он гибнет на миру,
Не зная состраданья.
Вот я его беру
На перевоспитанье.

Вновь делаю певцом,
Почти Козловским сразу.
Он просветлел лицом,
Прозрел десятиглазо.

Глядит из ивнячка –
И сколько дум заветных
В тех камешках-зрачках
Причудно многоцветных.

Как мило,
Как легко,
Как радостно с нехмурым
Общаться родником,
Как творческой натурой.

Хоть труд и небольшой,
Но, лик его очистив,
Добрался я душой
До самых главных истин.

Звени!..
Звени!..
Звени!..

* * *

Родник струился
Во всю прыть,
И я, как полагается,
Напившись,
Кран хотел закрыть,
А кран
Не закрывается...

ОЗЕРО КАЙДОР

Мне память горше,
Чем родни укор.
В моей деревне,
Что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,

Всё в звёздах лилий
И в кудрях осоки.

Есть уголок среди травы густой,
Где можно искупаться и напиться;
Есть бухточка, где бережок крутой
Всегда в следах
Точёного копытца.

Как тот большой,
Что беспричинно чах,
Шёл я лечиться к одному, к другому
И, разуверившись во всех врачах,
Побрёл с поклоном к знахарю седому.

В обход деревни
По густой стерне
Несу Кайдору боли и невзгоды.
Здесь,
Прежде чем пойти к своей родне,
Я исполняю ритуал прихода.

А приходить стараюсь на заре,
В тот ранний час,
Когда туманы дали,
Чтоб из домов, стоящих на горе,
Меня ничьи глаза
Не увидали.

И мы вдвоём:
Лишь озеро да я –
Душа моя да сонных вод разливность,
И, ничего на сердце не тая,
Снимаю всё –
Одежду и стыдливость.

Шепчу воде:
«Как в детстве, обними,
Дай чистой ласки маленькую малость!»

Сними печаль,
Сними с меня усталость
И тяжесть лет добавленных
Сними!

Я был доверчив,
Стал я к людям строже,
Порой смолчу и чувства утаю.
Я трижды был обманутым,
И всё же
Ты мне верни доверчивость мою.

Пусть ошибусь,
Пусть огорчат, расстроят,
Пусть снова заблужусь
В сердцах людских.
И всё-таки уверен – люди стоят,
Чтоб жизнью,
Счастьем я платил за них!»

Так я веду
Языческие речи,
А сам иду,
Вода уже по грудь.
Вода уже давно покрыла плечи,
Вода всё выше, выше...
Не вздохнуть.

Меня вода Кайдорова милует, –
Должно быть, я воде ответно люб.
Она целует в губы,
В лоб целует
И поправляет поредевший чуб.

Мне память горше,
Чем родни укор, –
Уже три года в час отдохновенья
Не приходил я к озеру Кайдор,
Не исполнял обряда
Обновленья.

* * *

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн весёлую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой, –
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с весёлыми стрижками
О чём-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Всё сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу,
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

* * *

Всё тихо.
У берега тонет закат.
Всё тихо – ни ветра,
Ни всплеска не слышно.
На камне мальчишка сидит неподвижно,
И полон восторга мальчишеский взгляд.

И жалость
В моей шевельнулась груди:
Так долго и пристально ты не гляди.
Вот так же когда-то и я засиделся,
Вот так же когда-то и я загляделся,
И так же, великое чудо творя,
В глазах моих детских
Металась заря.

С тех пор,
Не идя на уступку, я чту,
Как веру свою, лишь одну красоту.
И встречусь ли с нею,
Расстанусь ли с нею,
Мне радостней радость
И боль мне больнее.

Послушай, тебе говорю неспроста:
Нам трудно даётся земли красота.

* * *

Жизнь природы –
Мудрёное дело.
Не случайно, мой друг, неспроста
Золотые цветы чистотела
Вырастают на сорных местах.

Может, истины
В том и таятся,
Что, родившись в земной сорноте,
Они каждой травинкой стремятся
Беззаветно служить красоте!

* * *

Я гляжу
На родные места:
Лейся, лейся
В меня, красота!

Лейся, лейся,
Заполни утраты,
От которых
Душой изнемог.
Но и свет,
И цветов ароматы –
Всё уходит в меня,
Как в песок.

А душа
Между тем
Всё пуста.
Лейся, лейся
В меня, красота!...

* * *

Прощай, село!
Я сын твоих полей.
Мне мил простор твоих зелёных пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.

И пусть я рос, по-детски мало нежась, –
В моей груди всё время будет цвесь
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдаю
Нести твоё немеркнущее имя.

Промчится время – много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
– Откуда он? –
И скажут им в ответ:
– Он – марьевский
И поступью и родом.

* * *

Белый снег,
В сердце тьма,
В жилах выюга стылая.
Ах зима, зима, зима,
До чего ж постылая!

Рано печка затопилась,
Дым пошёл высотами.
Ты, зима, поторопилась
Удивить красотами.

Как нам жить-зимовать,
Не роднясь с хворобами,
Как нам хлеб добывать,
Лёглый, под сугробами?

Белый ветр
Летит, слепит.

Под моими лыжами,
Кажется, не снег скрипит,
А колосья слышимы.

* * *

На родине моей
Повыпали снега,
Бушует ветер в рощах голых.
На родине моей,
Должно, шумит пурга
И печи топятся в притихших сёлах.

Приветом детства
Встала предо мной
С годами позабытая картина:
Горит луна,
И смутно под луной
Поблескивает снежная равнина.

Отбушевав,
Снега притихли – спят.
Среди снегов запорошивших вербу,
Полозья одинокие скрипят,
Как будто жалуются небу.

Сместились все
В сознании моём:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушибке стареньком своём
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мерзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега.
Я их люблю,
За что – и сам не знаю.

СВИДАНИЕ

Бегут круги,
Кружки,
Кружинки...
Мальчионки взмахами уды
Золотобокие кувшинки
Вытаскивают из воды.

Мне слышно,
Как они смеются,
И видно:
На волне крутой
Большая лилия, как блюдце,
Наполнилась живой водой.

Открылись розовые стоки.
Как будто,
Лилию клоня,
Пахучие земные соки
Переливаются в меня.

Всё поражает новым смыслом.
Вон девушка,
Моей под стать,
Качается под коромыслом,
Чтобы воды не расплескать.

Всё видится
В ином значенье.
Вон лёгкий ветерок повлёт
По серебристому теченью
Кружащий селезнем валёк.

А женщина,
Снимая с плахи,
Развешивает на кусты
Не очень новые рубахи
И очень свежие холсты...

И может быть,
Моих открытый
Глухому сердцу не понять.
Войной оборванные нити
Соединяются опять.

В душе
Ни боли,
Ни страданья,
В душе зажёгся робкий свет.
Как долго шёл я на свиданье,
Отложенное на пять лет.

Но сердце многоного не знает,
Когда у тихих берегов,
Стуча,
Само напоминает
Забытый звук её шагов.

Давно их нет.
За датой дата
Проходит в памяти...
Прогнать?!
Нет, всё, что я любил когда-то,
Я не могу не вспоминать.

* * *

Когда ты
В Марьевке живёшь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире
Всё в порядке.
Когда гора
Горит в заре,

А грудь рассветом дышит –
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.
Здесь тишина средь лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.
Когда же
Солнце на закат,
Вздыхая аппетитно,
Пылит молочный комбинат –
Рогатый
И копытный.
И рад я,
Что тебя привёз
К земле первично-личной:
Первичных дел,
Первичных слёз
И радостей первичных.

* * *

Жизнь всё громче,
Всё необычайней.
Мне пожить бы,
Как живут сельчане.

Я давно мечтал
В такой поре
Справить дом
На солнечной горе.

А ещё,
Мечтаний не мельча,
Пригорюнить баньку

У ручья.
От стихов
И городских истерик
Выйти с удочкой
На тихий берег.

И, отвагой
Творческой горя,
Выловить
Простого пескаря.

ДРУЗЬЯМ

Нет, друзья мои,
Вас я ещё не забыл
И столичную жизнь
Иногда вспоминаю.
Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамваи...

Не скажу,
Чтоб завидным
Казалось житьё,
Но зато и корова
Здесь голос имеет.
Как тягуче-пахуче
Глухое мычанье её,
На меня оно
Вечностью веет.

Здесь
Царят мотоциклы,
Дороги как трек,
Но, увижу в оглоблях
Добрягу-конягу,

Как я рад,
Что не предал ещё человек
Своего вековечного друга.

Трактор – сила!..
Что надо,
Как надо везёт,
А не грех и подумать
В машины влюблённым:

Там, где трактор стоял,
Ничего не растёт,
Там, где лошадь, –
Растут шампиньоны.
Время сено косить,
А дожди – как из рек.
Говорят, что в совхозе
Тряхнули мошною:
Составляется смета
На Ноев ковчег.
Ищут старца
На должности Ноя.

Не идёт, когда просят,
Дождь, идёт, когда косят.
Не идёт, когда ждут,
А идёт, когда жнут.

Наших встреч,
Нашей дружбы
Разорвана нить.
Не пытайтесь,
Заботы моей
Не поймёте.
Ну а если ещё
По газетам судить,
Вы, наверно, уже
В коммунизме живёте.

У поэтов, как слышу,
Высокий престиж.
Узнаю из газет,
Что, на радость культуре,
Кто-то вылетел срочно
В Брюссель и Париж,
Кто-то рифму нашёл
В Сингапуре.

Ах «Урал»,
Мой «Урал»,
Трёхколёсный Пегас,
Ты на привязи нынче,
В дожде закавыка.
Где нам дальние страны,
Тогда как у вас
Что ни третий –
Почти что Громыко.

Здесь всё зrimо,
Здесь жизни основа основ
Мне становится как-то
Намного яснее.
Как ни властна
Капризная магия слов,
Запах хлеба
Бывает сильнее.

И в раздумьях
Приходят минуты тоски...
Помню, в юности,
Книжки читая,
Я хотя бы мечтал
Где-то стать городским,
А теперь
И о том не мечтаю.

* * *

Душа томилась
По живой природе.
Скосил траву я
В нашем огороде,
Сметал стожишко.
На ольховый стяж
Ворона села –
И уже пейзаж!

* * *

Давно ль
Гордился сам,
Что я деревне близкий.
Завидую певцам,
Поющим без прописки.

Им равно,
Где брать мёд,
Была бы лишь охота
Да был бы самолет
Для дальнего облёта.

О Марьевка моя,
Догадкой оглоушен:
Ты родила меня,
А я тебе не нужен.

Ну что моя строка
Для всех твоих рассветов!
Сам вижу, что пока
Тебе не до поэтов.

Тебя и не виню,
Ведь надо ж не по слову
Выкармливать свинью,
Выдаивать корову.

Ведь надо ж для потреб
Космического века
Натужный сеять хлеб
И убирать до снега.

Но были же дела
И в той поре кипучей,
Когда ты родила
Меня на всякий случай.

Но я же твой, как свет
От твоего же пыла,
Иль случая всё нет,
Что обо мне забыла.

Не время,
Ну и что ж,
Одно мне сердце студит:
Боюсь, что позовёшь,
Когда меня не будет.

* * *

Прилетел я доподлинно
Голубыми путями.
Меня встретила Родина
Проливными дождями.
Тучка к тучке летела,
Дождик лился и лился,
Видно, очень хотела,
Чтоб я сразу отмылся.

*Написано в ночь
с 5 на 6 июля 1983 года.
Последний год пребывания
на малой Родине –
в Марьевке...*

Часть 2 **НАШЕ ВРЕМЯ ТАКОЕ...**

Глава 1 **ЛИЦО ВЕКА**

1. Что сказать мне о двадцатом веке?..

* * *

Что сказать мне
О двадцатом веке?
Я скажу,
Что людям не везёт.
Льётся кровь,
И в каждом человеке
Стало меньше крови –
Вот и всё!

* * *

Наше время такое:
Живём от борьбы
До борьбы.
Мы не знаем покоя, –
То в поту,
То в крови наши лбы.

Ну а если
Нам до ста
Не придётся дожить,
Значит, было непросто
В мире
Первыми быть.

* * *

... А больше
Вот что устрашает:
Меняться мир не поспешает.
О человечества заря,
Ты обещала нам немало.
И что ж?.. Дубинка дикаря
В наш умный век
Нейтронной стала!..

* * *

... Нет новизны.
В людской половине
И умереть уже не внове...

* * *

... Душа, гневясь,
Вдвойне бунтует,
Когда и красота плутует
Из-за рублей,
Из-за квартир,
Из-за минутного блаженства.
Пока несовершенен мир,
Не будет в людях совершенства...

* * *

Болеют люди.
По наитию
Мудрим, гадаем:
Чем? Бог весть!
Умрут – и обнаружит вскрытье
Их застаревшую болезнь...

* * *

Ах, на Земле
Так редки чудеса!
Не потому ль в тоске
По райской птичке
И в плоть,
И в кровь
Вошла в людей привычка
С надеждою смотреть
На небеса.

Почти как рай,
Мечтаем мы открыть
Какую-то весёлую планету
Не мне бы,
Легковерному поэту,
С иронией
Об этом говорить.

Уже не Бог –
Иные увлеченья
Нас к небесам
Сегодня привели,
Но в них всё то же,
То же отвлеченье
От неизбывных
Горестей Земли.

* * *

Всё движется,
Но в новый мир чудес,
Пока спешат наука и прогресс
Через завалы страха, лжи и фальши,
Невежество подоспевает раньше.

* * *

Беспокойно.
Дома не сидится.
Ухожу в окрестные леса.
Радуюсь деревьям,
Травам,
Птицам...
Чудеса!
Ей-богу, чудеса!

Песни птичьи
Заманили в дебри,
К вековому дубу привели.
Что ты знаешь
О таком шедевре
Истинной художницы –
Земли?

Может быть,
Под золотою грудой
Этих листьев
С мезозойских лет
Затаилось
И таится чудо,
Так и не рождённое на свет.

* * *

Листья дуба
Спокойно горят,
Но зато,
Презирая поспешность,
На земле они долго хранят
Золотистую свежесть.

Яркий в жизни –
В старении быстр.

На ветвях
Как огонь пламенеет,
А сорвётся осиновый лист
И, упав,
Почернеет.

СТРИЖИ

Иду я вдоль межи,
Вдоль ржи,
Густой и шаткой.
Привет,
Привет, стрижи,
Привет,
Привет, касатки!

Мне хорошо сейчас,
Как никому на свете.
Я счастлив, что у вас
Уже летают дети.

Я рад,
Что вдоль межи
Уже и рожь усата.
Привет,
Привет, стрижи,
Привет и вам,
Стрижата!

* * *

Великий Пушкин
Говорил когда-то:
Поэзия должна быть глуповата.
Раскрой же смысл загадки до конца
И отличать учись всегда ты
От глуповатого
Глупца.

* * *

Ни в благодушии ленивом,
Ни в блеске славы,
Ни в тени –
Поэт не может быть Счастливым
В тревожные для мира дни.

Беря пророческую лиру,
Одно он помнит
Из всего,
Что всё несовершенство мира
Лежит на совести его.

* * *

Со времен
Ещё древнегреческих
Уверяют, что жизнь стара.
А подумать –
У человечества
Ученическая пора.

Если Землю
Со всей Европою
В мире звёздном
С селом сравнить –
Человечество
Только пробует
За околицу выходить.

Очень трудно
Даются знания,
Потому-то у имярек
На уроках правописания
Сто ошибок
На каждый век.

Набираясь
Любви и смелости,
Человечество из тенёт
Всё идёт
К аттестату зрелости
И никак к нему
Не придёт.

И страдает оно
И мучится
В подражании естеству.
Человечество
Только учится
Настоящему мастерству.

Нетерпимо,
Во зле запальчиво,
Непреклонно
И в доброте,
Человечество
Только начало
Разбираться в своей беде.

Умудряйся,
Мое Отечество,
И рассчитывай на успех.
У свободного
Человечества
Скоро станешь ты
Старше всех.

* * *

Какой-то странный человек
Придумал, меру перепутав,
Коротенькое слово – век
И очень длинное – минута.

Разоблачая смысл длиннот,
Везде найду я подтвержденье,
Что «малость»
Слов нагроможденьем
Себе значенье придаёт.

СЕНЕГАЛЬЦЫ

Во имя всех живых –
А все мы тленны –
Не будьте ни корыстны,
Ни мелки...

Была война,
И в битве многодневной
Погибли сенегальские полки.

Под крик ворон
И воронов круженье,
Где штабелем,
Где кое-как – броском,
Их уложили
В длинные траншеи
И прикопали
Глиной и песком.

Когда и кости
В их могилах тесных
Успело время
Сжечь и перегрызть,
На горе людям
У крестьян окрестных
В душе практической
Вызрела корысть.

И вот однажды
Эти погребенья

Невесть за что
Сражавшихся солдат
Крестьяне подняли
На удобренье,
Чтоб хлеб тучнел
И зеленел шпинат.

Земля была жирна
И липла к пальцам,
К подошвам ног...
Был урожай всему.
Но ветер с прахом
Бедных сенегальцев
Разнёс по миру
Пагубу-беду...

О, месть бацилл!
Кровь африканцев страстных
В себе самой
Ещё смиряла их.
Что сенегальцам
Было не опасно,
Теперь смертельно стало
Для других.

Костры горели,
Стался дым мертвячий,
Мать расставалась с сыном,
Муж с женой.
Другая смерть
Встречалась громким плачем,
А эта –
Суеверной тишиной.

Во имя всех живых –
В избытке ль силы,
В избытке ль гнева,
В простоте ль святой –

Не ворошите старые могилы,
Они чреваты
Новою бедой.

* * *

... Как пламя по сухой стерне,
Чужая,
Ко всему глухая,
Война,
Всё жарче полыхая,
Катилась к нашей стороне.
Была добра моя держава,
Спокоен был наш мирный Брест.
Вот Прага пала.
Вот Варшава.
И – взгляд во взгляд:
Звезда и крест.

Пред нами,
Торопя закат,
Как перед новою ночёвкой,
Выламывался психопат
С банальной воровскою чёлкой.

Навстречу в норове крутом
Так нужно было встать кому-то,
Стать знаменем...
Причина культа,
Быть может,
И таится в том?

Не в том ли,
Что свой мудрый дар
Смешал он с хитростью лукавой:
Тушить, как лесники пожар,
Чужую славу
Встречной славой?

Что б ни было:
Большое ль званье,
Успех иль неуспех в делах,
В природе чинопочитанья
Гнездится обоюдный страх.

Страх сильных – кровь...
И что страшнее:
Не верил нашим он сердцам,
Как будто коммунизм нужнее
Вождю народа,
А не нам.

...Для всех,
На ком остался след
Отверженности,
След изгнанья,
Он, мёртвый, нужен,
Как признанье
Преодоленных нами бед.
Зарыт. Во славу новых дней
Почти забыт.
К чему касаться!
Но мне от памяти моей,
От юности
Не отказаться.

Бери
Немаленькую мерку
Минувшему – всему тому,
Что было скроено по веку
И по народу моему.
Для трёх,
Для двух,
Для одного
Обиженного человека
Есть память лет.
А память века –
Для человечества всего...

* * *

... Перо
Всё тяжелей роднит
Бумагу белую со мною.
Она мне душу леденит
Своей жестокой белизною.
Бел сахар,
Но бела и соль.
О, ветер юности пьянящий,
Когда ещё любая боль
Считается
Ненастоящей!
Когда, как мел,
Легко стереть
Все огорченья
На рассвете,
Когда, ещё не веря в смерть,
Легко мы думаем о смерти.
Когда в неведенье своём,
Как дети, смелые в реченьях,
Мы злому слову придаём
Ещё не полное значенье.

Война! –
И крик,
А не слова,
Как будто, описав кривую,
Отторгнутая голова
Ударилась о мостовую.
Легла немыслимая тень
На камни
И на всё живое,
Как будто зеркало кривое
Перекосило ясный день.

Химеры из углов полезли.
У молодых и стариков

В подспудной памяти воскресли
Все ужасы
Былых веков.

Пришла пора
Платить в беде
И в круговой
И в личной доле
За клятвы, данные в труде,
За песни, спетые в застолье.
За всё – за подлость подлецов,
За мудрость мудрецов столетья.
За всё – за подвиги отцов,
За их суровое наследье.
За милой речки берега,
За радости,
За огорченья,
За первый взлёт под облака,
За первое своё крушенье.
За свой диплом,
За переплёт,
Серпом и молотом
Горевший.
За всё, за всё –
За самолёт,
Увы, к боям
Не подоспевший...

* * *

... Пиши, железное перо,
Пиши, познавшее сверх меры
Трагедию высокой веры
И в Человека
И в Добро.
Печальна веры той судьба
В людей с ружьём не по охоте,
В людей от Шиллера и Гёте,

От молота и от серпа.
И кто не верил среди нас,
Что стоит только крикнуть:
– Братья! –
Как бросятся
К тебе в объятья
И рыжий Фриц,
И смуглый Ганс.

Пиши, перо,
Всё в той же вере
Картины горя и беды:
Мир Моцарта и мир Сальери,
Мир свастики и мир звезды.
Пиши два мира, два лица:
Мир красоты,
И мир уродства,
И безоружность благородства
Перед коварством
Подлеца.

Молчи, перо.
Передохни.
Всем пониманьем,
Данным с детства,
Дай мне додумать,
Как они
За восемь лет
Дошли до зверства.

...Ведь был прогресс.
Была печать.
Да, да, была,
Но от печати
Случилось чёрное зачатье
И та же выучка молчать.
Была печать,
И был прогресс,

Да, да, он был,
Но от прогресса
Мозгов фашистских,
Как под прессом,
Всё меньше
Становился вес.

...Легко ли,
Повстречав таких,
Нам было смертным боем
Биться
И всё-таки не очутиться
В борьбе
Похожими на них!

* * *

Секунда – миг, а всё же
И в ней дано меняться.
Минуты непохожи,
Как отпечатки пальцев.

Но век людей не тешит
Разборчивостью тонкой.
Он дни и судьбы чешет
Под общую гребёнку.

* * *

В горючий век
Среди лесов и нив
Быть недосуг
С неспешною молитвой.
Прости меня, мой Бог,
Я тороплив,
Как ангел,
Пролетающий над битвой.

Друзей-бойцов
На смертном поле том,
В боях за веру
Павших в неурочье,
Не успеваю
Осенить крылом,
Полуоткрытые
Закрыть им очи.

Мой Бог,
Не отсылай их далеко,
Их новый путь
Не начинай с лишений.
Пусть будет им
Свободно и легко
В круговороте
Вечных превращений.

1981

ЛИЦО ВЕКА

По воле,
По страсти,
По власти отца,
По кроткости матери бедной
Достались мне
Крепкие руки бойца
И сердце
Сестры милосердной.

Мне с веком моим,
Поседевшим в бою,
Нетрудно в суровости спеться.
И всё же когда бью,
То как будто бы бью
Своё обнажённое сердце.

Быть строгим велит
Атакующий класс,
Но доброе солнце над нами.
Оплакал друзей я...
Припомнил и вас,
Погибших слепыми врагами.

Не я ли о братстве
Во трубы трубил,
Лихую предвидя годину...
Мне сердце давали
Для полной любви,
А любит оно в половину.

Всё сердце любви
Я отдать не могу,
Какой бы она не явилась.
Оставил я место, на горе врагу,
Чтоб ненависть
Там поместилась.

Неверная злоба,
Как маска, черна
На мудром лице человека.
Мне с жизнью мою
Была вручена
Святая трагедия века.

ТРУДНАЯ ГОРДОСТЬ

На плитах
Каменных гробов
В музейной запылённости
Я видел головы рабов,
Склонённые в покорности.

И, значит,
В древности седой
Была такая сила,
Что неизбывною бедой
Те головы склонила.

Вчера увидел я плакат.
На нём,
Порвав с покорностью,
Рабочие вперёд глядят
С повышенною гордостью.

В них
Битвы дня отражены,
В них
С дерзкой обнажённостью
Все мускулы напряжены
Железной напряжённостью.

И, значит,
Рядом с добротой
У мира скорбной ношней
Есть сила зла,
И силе той
Сегодня вызов брошен.

В осанке власть,
В осанке страсть,
Но увлечённым новью
Осанка гордая далась,
Увы, не малой кровью.

Веков
Охрипшая труба
Звала на подвиг ратный,
Чтоб вскинуть голову раба
До гордости плакатной.

Но гордость –
Это не покой,
Когда идёт сраженье.
У нас от гордости такой
Побаливает шея.

Когда-нибудь –
За то борюсь! –
Придёт конец угрозе,
И гордости излишней груз
Мы, как ненужный,
Сбросим.

Тогда
Кого нам отражать?
Тогда начнём мы сами
Спокойно головы держать,
Как держим их
С друзьями.

* * *

Счастливая доля –
Гордиться друзьями.
Почётная доля –
Бороться с врагами.
Кто родину любит,
Готовый на смерть,
Тот просто не может
Врагов не иметь.

НА ПАРНАСЕ

Потускнел,
Осиротел Парнас.
С юности стоявшие над нами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Сделали до срока стариками.

Ваши троны
В честолюбье злом
Штурмовали неуки оравой.
Как птенцу бывает под крылом,
Было мне легко
Под вашей славой.

Слово,
А не звёздный блеск венца,
Вашу правду не в угоду стилю
Я любить учился до конца,
Как умели вы любить Россию.

В дни
И ратных бед,
И в недород
Вы учили в назиданье плутням
Не по праздникам любить народ,
А по горьким и тяжёлым будням.

Презирая лёгкое словцо,
Говорили вы без чертовщины,
Что Природа – Родины лицо,
Не прибавьте новые морщины.

Прорва дел!
Но как себя ни горбь,
Вряд ли будет чище век угарный.
У поэта мировая скорбь
В наше время
Стала планетарной.

Потускнел,
Осиротел Парнас.
В мудром слове бывшие отцами,
Вы ушли, старейшины, и нас
Не успели сделать мудрецами.

Между тем
Кипит раздоров ярь,
И уже – вы слышите ль, поэты:
По ночам космический звонарь
Глухо бьёт
В колокола-планеты.

1979

* * *

Поколенья...
Мы двух поколений поэты.
Кто зажёгся вперёд,
Тот вперёд отгорит.

Мы с тобой –
Как ступени летящей ракеты:
Оторвётся одна,
А другая вперёд полетит.

* * *

Различий нет,
А есть года,
Есть возраст –
Разница лишь в этом.
Наружностью
Земля – планета,
А в глубине
Она – звезда.

МИР

Как многозначно
Слово Мир.
И небеса
С их чудесами,

И всё,
Что есть под небесами,
Мы называем
Словом Мир.

Как многослойно
Слово Мир.
У всех существ,
У всех растений.
Их жизнь
В любой её ступени
Мы называем
Словом мир.

Как многолико
Слово Мир,
Все вещи,
Названные нами
Пленительными именами,
Мы называем
Словом Мир.

Как разнятся
Его черты
В дистанции
Такой огромной:
Душевный мир
И мир загробный,
Мир ужаса
И красоты.

О, как желанно
Слово Мир!
Когда уже
Мильоны сгубят
И ужасы войны отступят,
Приходит
Долгожданный мир.

Мир – мера
Чести и добру.
При неудаче
И удаче
Стоять перед народом –
Значит,
Стоять всё то же –
На миру.

* * *

У многих народов –
Нашли чем порадовать! –
Стоят во главе
Генералы дюжие,
Привыкшие
Только командовать
И легко браться
За оружие...

Народы тянутся
К миру и счастью,
Хотят коммунизм
Увидеть воочию...
И надо,
Чтоб над штыками
И властью
Стояли рабочие.

* * *

Дерзайте! –
Нам, поэтам, говорят, –
Как спутники,
Кружитесь по орбите.
Мир познавая,
Физики дробят
Природу коснью...
И вы дробите!

Я признаю
С учёными родство,
Но признаю
И разницу от века:
Учёный
Расчленяет естество,
Поэты
Собирают Человека!

* * *

Звезда на небе,
Как цветок,
Поднявшийся
В саду небесном.
Когда зацвёт,
Нам неизвестно,
Но отцветёт и он
В свой срок.

Звезда цветёт.
Затем она,
Как плод цветка,
Кубышкой бренной
Взорвётся вдруг
И по Вселенной
Свои разбросит семена.

* * *

Когда мороз
И снег идёт,
Земле тепла недостаёт,
Но странно мне иное:
В тот самый час,
Как бы назло,
Уходит от Земли тепло
В пространство мировое...

Земля
Среди других планет
Добра,
Как истинный поэт.

2. И в жизни, и в теории...

* * *

И в жизни,
И в теории
Привыкли повторять,
Что колесо истории
Не повернётся вспять.

Будь так,
Как говорится,
Но не о том же речь,
А речь идёт о спицах –
Их надо поберечь.

* * *

Их взяли,
Тронутыми гарью,
На поле, выжженном дотла:
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.

Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.

Война!
Она и сталь калечит.
Мартен как госпиталь, и в нём
Её, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнём.

Чужая сталь –
С её виною,
С позорной метою креста, –
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.

Чиста,
Как в первое плавленье,
Когда она передвойной
Ещё ждала предназначенья
Стать трактором и бороной.

И потому,
Не странно даже,
Что, становясь всё горячей,
Она, чужая, вместе с нашей
Сливается
В один ручей.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

У домен
Есть своё отличие.
Здесь выход чугуна
Не зря
Торжественностью и величием
Подобен выходу царя.

Пред башнею,
Где руды плавятся,

Все,
Кто в заботах ночь не спал,
Стоят и ждут:
Сейчас появится
Его Величество Металл.

Он вышел...
Люди расступаются.
Растроганные красотой.
Идёт –
И звёзды осыпаются
С его короны золотой.

Не скрыть,
Не спрятать изумления
Ни горновым,
Ни мастерам...
Но,
Ожидавший поклонения,
Он поклонился людям сам.

* * *

Пересохли жаркие ручьи,
Отпыхали, отшумели страсти...
Возвратясь от доменной печи,
Охнул, слёг и ...
Умер старый мастер.

Не было сединки в бороде,
Даже грудь, по слухам, не болела,
Просто у него в большом труде
От железа кровь отяжелела.

И зимой
По стуже ледяной,
Знойным летом, в мареве белёсом,
Взятое из недр земли родной,
Поездами шло к нему железо.

Дань земли,
Что брал он, велика:
Из ручьев горячих,
Бивших в створы,
Огненная вышла бы река,
А из руд
Могли сложиться горы.

И теперь
За всё, что в недрах брал,
Что в огне горячем переделал,
Он земле в уплату отдавал
Маленькое сухонькое тело.

Никому,
Кто знал его давно,
Не казалась малой эта плата.
Сухонькое, лёгкое, оно
Стоило того,
Что было взято.

* * *

Я понимаю нетерпенье
От жизни
Ждущих
Больших благ.
Что было жизнью поколенья,
То для эпохи
Только шаг.

Солдатам на войне,
Считавшим
Последним фронтом
Каждый фронт,
Перед рывком
К земле припавшим,
Казался близким горизонт.

Всё вынесли:
Борьбу,
Лишенья,
А мир, от всех утрат седой,
Он всё ещё несовершенен,
Он всё ещё кипит враждой.

Себя
Кому же неохота
Приходом счастья наградить!
Ещё не кончена работа,
Ещё душа полна заботы,
Но срок –
И надо уходить...

Живых
Живое нетерпенье
Так близко
И понятно так.
Что было жизнью поколенья,
То для эпохи
Только шаг.

И мы живём,
Уже забывши,
Трудами тех,
Кого уж нет.
Так от звезды,
Давно погибшей,
Ещё идёт к нам
Тёплый свет.

* * *

... Студентами,
Стремясь к геройскому,
Чужую мудрость жадно пьём.
По Пушкину,
По Маяковскому,

По Циалковскому живём.
За институтскими дверями
Расстанемся с поводырями
И, примеряясь ко всему,
Живём по сердцу своему.

Как у коня скользят копыта
На почве от дождя сырой,
Так на коварных хлябах быта
Мы спотыкаемся порой.
Не по великому примеру,
Умноженному на веку,
Один ударится в карьеру,
Другой начнёткопить деньги...

* * *

... Я говорил:
Живи, как можется,
Но в цельности не погреши.
Храни ш а г р е н е в у ю кожицу
Своей податливой души.
Перед зазнавшимся начальником
В час спора
Не сиди молчальником.
Начальники –
Отцы для нас,
Но тоже с целями земными,
А потому-то и за ними
Ещё нам нужен глаз да глаз...

* * *

... Скажи,
Кого нам упрекать,
Что сталось так,
Что так случилось?
История не научилась
Страницы светлые писать.

Опять земля подожжена:
Кипят моря и сохнут реки.
Опять земля напряжена
В своём крутом
Межзвёздном беге.

Опять дымит
Земная ось.
Проходит жизнь,
Внушая жалость.
Марьяна, как тебе жилось?
Марьяна, как тебе дышалось?

Хоть на земле
Не меньше мук,
Хоть, мучаясь, кричим:
«Доколь же?!»,
Марьяна, милая, вокруг
Людей крылатых
Стало больше.

Они своё
Не проглядят,
Как мы с тобою проглядели.
Мы к радостям не долетели,
Они, Марьяна,
Долетят!

* * *

... Что сон?!

Фантазия!

Найтье!

Но станет жизнь вдвойне ясна,
Когда реальное событие
Ворвётся продолжением сна.
Гагарин!.. Юрий!..
В счастье плачу,
Как будто двадцать лет спустя,

Отбросив тяжесть неудачи,
Взлетела молодость моя.
Всё близко сердцу.
На планеты
Как будто я и впрямь летал.
Скажи, горячего привета
Мне там никто не передал?

И не стыжусь
И не краснею,
Что ты, свершая свой полёт,
На двадцать лет пришёл позднее
И на сто лет уйдёшь вперёд.
Мы люди разных поколений,
Но на дороге голубой
Я рад всем точкам совпадений
Моей судьбы
С твоей судьбой.
Чем круче хлеб,
Тем жизнь упорней.
Я рад, что мы с тобой взошли
От одного большого корня
Крестьянской матери-земли.

Деревня,
Школа,
Логарифмы,
Литейка,
Лётная пора.
Всё было схожим.
Даже рифмы
На остром кончике пера.
Мы жили словно в дружной паре,
Точнее – шли мы следом в след.
Я просто Горин,
Ты – Гагарин,
Но двадцать лет
Есть двадцать лет!

Недаром же
По воле века,
Приход достойных торопя,
Меня испытывала Вега,
Чтоб не испытывать тебя.
Чтоб волю дать твоим дерзаньям,
Когда ты рос, как все, шаля,
Меня подвергла испытаньям
В те дни тревожная Земля.

Чтоб, дерзкий,
Ты взлетел с рассветом
И возвратился в добный час,
Мы всё стерпели,
Но об этом
Я поведу другой рассказ.
Я расскажу иными днями,
В словах по сердцу и уму,
Какими трудными путями
Мы шли к полёту твоему.

(Написано в ночь с 12 на 13 апреля 1961 г.)

ТРИ ВОДЫ

Горит душа,
Горят сады,
Великий зной
Томит природу.
В извечном поиске воды
Копай, копай –
И встретишь воду.

То будет
Первая вода.
Она неглубоко под нами.
Она питается дождями,
Она бывает не всегда.

Недавно шумный ливень лил,
И вот,
Омывшая всё поле,
Она ещё под цвет земли,
И в ней ещё так много соли.

Близка,
Она вас напоит,
Когда ещё стоит прохлада,
Когда и жажда не томит
Ни тела,
Ни души,
Ни сада.

Ищи вторую,
Глубже рой,
И ты дороешься в глубинах
До чистой до воды второй,
Придержанной на плотных глинах.

Она давно томится тут,
Пути глухие пробивая.
Её уже охотней пьют,
Хотя она не питьевая.

Струится, будто нити вьёт
На глине красной и ослизлой.
Она ещё во всём капризна
И в засуху,
Глядишь,
Уйдёт.

А ты копай.
Не требуй платы.
Устало не гляди в зенит.
А ты копай,
Пока лопата
Торжественно не зазвенит.

Остановись и жди тогда,
Со дна потерянного русла,
Мерцая холодно и тускло,
Проступит древняя вода.

Она светла.
Не замути.
Она прошла,
Чтоб выйти ясной,
Все мимолётные соблазны,
Все смуты долгого пути.

Она бугрится и дрожит,
Лепечет что-то,
Гальку моя.
Пришла.
Уже не убежит
Ни летним зноем,
Ни зимою.

* * *

Ёлки-палки,
Гнёзда белкины,
А над ними спевка птиц...
Я хожу по Переделкину
Сам не свой,
Как Датский принц.

И душа моя
Встревожена
И тоскует неспроста:
От прохожих отгорожена
Вся лесная красота.

Как причина
И как следствие,
Слышился ушам моим:
«Мы на грани сумасшествия!..
Не напрасно ли шумим?..»

Обжигают
Мысли гневные.
Что берёзки, чёрт бери,
Как красавицы гаремные,
Прозябают
В заперти.

Сосны
Загнаны во дворики.
Но спасибо высоте,
Потому что все заборики
По колено красоте.

* * *

Долго
Поклонявшийся железу,
Сделавшийся пасмурней
И злей,
К людям не тянусь,
Тянусь я к лесу.
Мне в лесу
Отрадней и теплей.

Что-то чувствую
В себе больное...
Может быть, порывисто дыша,
Обо всё железное, стальное
Иступилась чуткая душа.

Люди – судьи.
Что мне пользы в судьях?
А в лесу, повеселев умом,
Буду снова думать я о людях,
О любимой,
О себе самом.

Веряя,
Что путь ещё не пройден,
Сяду в затенённом уголке,
Стану свою душу на природе
Править,
Как на вечном оселке.

* * *

Мой знакомый,
Захмелевши, тужит:
Говорит,
Что человек
Стал хуже.

Говорит,
Что против жизни прежней,
Той, ещё не брошенной в разбег,
Человек стал
Несравненно грешней,
Стал порочней
Новый человек.

Морщась,
Заключает он устало:
– Страха божьего
В душе не стало.

Страх ему?!

Да пропади он прахом!
Средь людей,
Не знающих оков,
Праведность,
Внушаемая страхом,
Во сто крат
Позорнее грехов.

Так легко
Дойти до разделенья:
Бог – одним,
Другим – товарищ Ленин.
А ведь помню,
До большой удачи
В службе, в дружбе
И в других делах,
До машины,
До богатой дачи
Был ему не нужен
Божий страх.

Видно, хочет он,
Чтоб божьи страхи
Выполняли роль
Цепной собаки.

* * *

Вот попробуй
И душу вырази,
Если ночью
И ночь не впрок,
У соседа
На строгой привязи
Плачем плачет
Малый щенок.

Отучают его
От радостей,
Приучают
В страхе ночей
К дикой злости,
К волчьей зубатости,
А щенок не поймёт
Зачем.

Ты на злость
Его не натаскивай,
Ржавой цепью
Его не бей,
Я ведь знаю щенка,
Он ласковый,
Ищет дружбы
У всех людей.

Мой Варяг,
Это, брат, собачище,
Да и то не бывал
В цепях.
У меня собаки
В товарищах,
И щенки у меня
В друзьях.

Ночь холодная
Пасть развязила.
Ты не плачь, щенок, –
Сам реву...
Я убью
Твоего хозяина,
Цепь железную
Разорву.

* * *

Под статейки
О колхозном праве
Что-то перестали
Сеять травы.

Под крутые,
Боевые речи
Что-то перестали
Сеять гречу.

При решенье
Мировых вопросов
Что-то перестали
Сеять просо.

Что-то в царстве
Света и металла
Масла конопляного
Не стало.

А ведь, помню,
От такого масла
В старом блюдце
Тряпочка не гасла.

КОНИ

В холмах башкирских,
На буром склоне,
С весёлым ветром
Затеяв спор,
Играли кони,
Скакали кони,
Летели кони
Во весь опор.

Дымились ноздри
Взметались гривы –
Гнедые,
Рыжие знамена...
Терялись птицы,
Взлетев пугливо
С дороги
Дикого табуна.

Земля степная
Была избита,

А кони
Резвы и горячи.
Стучा.
Отскакивали
Копыта,
Как
Гуттаперчевые
Мячи.

За нами стелется
След «Победы» –
Следу горячему
Не родня...
Недаром наши
Отцы и деды
Жизнь на кон ставили
За коня.

ГУСИ

В те дни,
Когда горят леса
Огнём нежарким увяданья,
Когда разбудит небеса
Гусей отлётных гоготанье,
Когда гортанный дикий звук
Внизу гусынь встревожит важных, –
Тогда
Стада
Гусей домашних,
Волнуясь,
Сходятся на луг.

Здесь, на лугу,
Как в смутном веке,
Они шумят,
Они галдят

И машут крыльями в разбеге,
Как будто тоже полетят.

Но сытым небо не даётся...
И, пошумев какой-то срок,
Идут домой.
И раздаётся
Гусынь довольный гоготок.

* * *

Говорят,
Что красоты не стало.
И река, и берега в снегу.

Полыхают ветки краснотала
На крутом
На белом берегу.

Холодно.
Безоблачно.
Бесстрастно.
Приутихи даже ветерки.
Среди белых кружев
Так прекрасно
Незастывшее лицо реки.

Всё как в сказке:
Сгубленная злыми,
Принявшими самый добрый вид,
Междур берегами снеговыми
Мёртвою царевною лежит.

Никого вокруг себя не вижу.
Только я,
Наполнив болью грудь,
Только я один сегодня вышел
Проводить её в последний путь.
Только я один её утрачу,

День запомнив этот и число,
Только я один стою и плачу,
Будто мне
Опять не повезло.

* * *

То млею,
Теплом разогретый,
То стыну от холода весь.
Почти как у нашей планеты,
У сердца
Два полюса есть.

Но время идёт.
Не согреться.
Уже – велики, велики! –
С холодного полюса сердца
Сползают на юг
Ледники.

Поверженный,
Льдами прижатый,
В снегу,
Что летит и летит,
Поэзии мамонт косматый
Последнюю песню
Трубит.

РЯБИНА

Мне даже страшно –
Так она тонка.
Так высока!
При каждом резком звуке
Дрожит
И от любого ветерка
Всё гнётся
И заламывает руки.

Придёт гроза,
И буря налетит,
Всю до земли согнёт
И распластает...
Гром отгремит,
Громада туч истает.
Взгляну в окно:
А тонкая стоит!

* * *

Вы помните,
В года былые
Мы,
Громких звуков лишены,
Пласти взрывали вековые
Спокойствия
И тишины.

А нынче
Гул во всю страну.
И скоро,
Подобрев к остаточкам,
Целительную тишину
Мы будем получать
По карточкам.

3. Уже полжизни, как твержу я...

* * *

... Уже полжизни,
Как твержу я,
Хлебнувши горького до дна:
У мещанина и буржуя
Природа подлая одна.

Как тощий клоп
Из узкой щели,
Трави его иль не трави,
Так мещанин,
Идущий к цели,
Не пощадит чужой крови.
Такие – им же несть числа! –
Наглеют,
Начиная робко.
Мещанство –
Старая похлёбка.
Где вызревает
Вирус зла...

* * *

Философы
И просто умницы
По песням, что вокруг поют,
И по тому,
Как людям любится,
Здоровье мира узнают.
Уже отмеченный сединами,
Пишу о молодой любви.
Так крови капелька единая
Расскажет обо всей крови.

Мы говорим:
Любовь.
Страдание.
Тревожные во всех концах,
Сил мировые колебания
На наших скажутся сердцах.
В любой любви,
Как непреложное,
Как боль отдачи при стрельбе,
Всё скажется.
И наше прошлое
Ещё заявит о себе

* * *

Мир дремучий,
Мир такой горючий,
И огонь то низок,
То высок,
Что не отличить,
Где дым,
Где туча,
Где зола,
А где речной песок.

В эту
Мировую непогоду
Мне бы
Отряхнуться
Добела
Так, как лебедь
Пасмурную воду
Стряхивает
С белого крыла.

Молодость
На горести поката.
Грудь расправил –
И душа чиста.
Юного,
Меня легко когда-то
Поднимала в небо
Красота.

Нынче
Не до лёгкого подъёма,
Крылья песен
Что-то тяжелы.
Слишком много
В наших водоёмах
Накопилось
Всяческой смолы.

И лечу
Уже не я,
А годы...
Мне бы
Отряхнуться
Добела –
Так, как лебедь
Пасмурную воду
Стряхивает
С белого крыла.

* * *

Слова – дрова.
Нас греет речь,
Нас мыслей обжигает пламя.
Душа пытливая, как печь,
Всё время топится словами.

И сырость слов,
И сырость дров
Один и тот же грех имеют:
Трещат,
Дымят,
Но мало греют
И душу в непогодь,
И кров.

Слова
Бывают
Хороши,
Но дым от них
Такого рода,
Как будто у живой души
Забиты сажей дымоходы.

И потому я,
Как родня,
Двумя приветствую руками

Во имя доброго огня
Союз поэтов
С печниками.

* * *

Не бойтесь гневных,
Бойтесь добреньких;
Не бойтесь скорбных,
Бойтесь скорбненьких.

Несчастненькие
Им под стать.
Всегда с глазами смутно-красными,
Чтоб никому не помогать,
Они прикинутся несчастными.

Заметив
Слёзный блеск в зрачках,
Не доверяйте им
Ни чуточку...
Я, попадавший к ним на удочку,
Порвал все губы
На крючках.

* * *

... А может, и капризней,
Бывает часто в яблоневой жизни.
Когда недуг ей корни поразил,
Когда коснулась гибельная хмара,
То яблоня цветёт особо яро,
Истрачивая все запасы сил.
Но вот скажи, и все сочтут за бредни
Слова о том,
Что этот цвет последний.

Напрасно хоть в очках,
Хоть без очков
Заглядывать на донышки цветков,
Там не найти обещанную завязь.

– Какая жалость! – скажет, наперёд
Беды не угадавший садовод,
Припоминая промахи и каясь.
Но покаяния звучат века,
Как самоотпущения греха...

ПОЛЫНЬ – ТРАВА

Витая в облачных туманах,
Последних ожидая виз,
Они сидят на чемоданах
И ждут отправки в Коммунизм.

Они душой и телом «Новы».
– Скорей, скорей! – твердят всегда...
Хоть завтра, хоть сейчас готовы
Они отправиться туда.

Другие грязи не боялись,
А эти, презирая труд,
От пережитков очищались,
«Очистились» – сидят и ждут.

Таким легко:
Спиной к заботам,
Лицом в мечтательный туман...
А мне идти с моим заводом.
Опять не выполнившим план.

А мне дорогами крутыми
На поиск небывалых дней
Идти с соседями моими,
Со всей оравой их детей.

А мне шагать с моей любимой
Сквозь кухонный переполох,
С моей нигде не заменимой
И даже в лучшей из эпох.

А мне, забыв о нареканьях,
Без страха, без обиняков,
Ругаться, спорить на собраньях
И наживать себе врагов.

Горячим словом,
Словом бьющим,
О, если б мог я передать
Всю ненависть к лениво ждущим –
Жизнь слишком коротка, чтоб ждать!

До времени –
Пока вы ждёте –
Моя седеет голова...
Ведь вы же нашу жизнь крадёте,
Как сок земли –
Полынь-трава!

* * *

Средь тех,
Кому мечтается,
В толпе
При свете резком
Всё чаще мне встречаются
Глаза со звёздным блеском.

С безуминкой
Они глядят,
Так,
Будто бы
На Марс летят.

Увидев их,
Я сторонюсь,
Мешать им неохота.
Похоже, что вернуть боюсь
Из дальнего полёта.

ЕЩЁ О ЗОЛУШКЕ

Поэту, сравнившему себя с Золушкой

Когда неряха моет пол
Истории наследия,
Уже захлюстив свой подол,
Страшно её усердие.

За чистоту его борясь,
Казалось бы, неистово,
Она лишь переносит грязь
На половицы чистые.

Сегодня бал –
Скорей, скорей!
Бездумная головушка,
Так захотелось в сказку ей,
Что притворилась Золушкой.

Сегодня бал –
И, что скрывать,
На бал успела модница,
А пол за нею домывать
Придётся домработнице.

Сегодня бал.
На ножках лак.
Там – юный принц, заметь её!
– Забудет Золушка башмак
Размера сорок третьего.

По мне,
Пусть ходит на балы,
И потому тем более
Не доверяйте ей полы
В следах и крови и золы,
Оставленных Историей.

НЕЧТО О СОБАКЕ

Мой Джек,
Тебя я не учу,
И ты не будешь
Прирученным.
Мой милый Джек,
Я не хочу,
Чтоб слыл ты
Псом псевдоучёным.

В Москву не рвись,
Живи, брат, тут,
Главенствуй
В деревенской драке.
Мой честный Джек,
В Москве живут
Высокомерные собаки.

А у иных
Забитый вид.
Там даже маленькая моська,
Выслуживаясь, норовит
Нести хозяину
Авоську.

Там руки лижут,
Не любя,
Там, и любя,
Тебя замучат.
С постельной сучкою тебя
Консолидации научат.

Научат
На тахте лежать
И, приобщив к манере тонкой,
Тебя научат подражать
Неврастенической
Болонке.

Ах, Джек мой,
При твоём уме,
При стати
Ты уже с изъянцем.
Не мною,
А в чужой семье
Ты назван Джеком
Иностранцем.

Я рад,
Что сложная судьба
Тебя не трогает
Ни крошки.
Уже у пятого столба
На это всё
Ты поднял ножку.

В ЦИРКЕ

Львы и псы?
Приём не нов.
На арену драк и драчек
Дрессировщик грозных львов
Выпускает злых собачек.

Те и лают и визжат,
Заглушаемые рыком,
На арене мельтешат,
Застелив глаза владыкам.

Чтоб казалось,
Что у львов,
А у грозных и тем паче,
Злее не было врагов –
Этих шустреньких собачек.

БЮРОКРАТ и ДЕМОКРАТ

Как у русского народа
Уживаются подряд
Два врага, два антипода –
Демократ и бюрократ.

Бюрократов нам хватает,
Потому как в сфере благ
Снега меньше выпадает,
Чем исписанных бумаг.

Не найдёшь для точных справок
Всех главенствующих мест –
Министерство,
Главк,
Подглавок,
Управление
И трест.

В этажах ещё пониже –
Дескать, милый, наших знай! –
Есть для местного престижа
Что-то «Обл» и что-то «рай».

Словом, в лучшем идеале
Возникает вертикаль.
В нижней точке вертикали
Есть своя горизонталь.

Никаких тебе качаний,
Твёрдо знай – откуда, чей.
Виза есть для оснований,
Для бумаг и для речей.

Наделяют, оделяют,
Вниз да вверх...
Ни дать ни взять

Бюрократы начинают
В демократию играть.

О-хο-хο!..
Не скоро виза
С этакого высока
Приопустится до низа
И дойдёт до колоска.

Бюрократы не внакладе,
Бюрократу всё равно,
Что на золото в Канаде
Купим нужное зерно.

Только всё ж,
Нуждаясь в средствах,
Уплывающих от нас,
Начинают в министерствах
Пробуждать сознанье масс.

Здесь теперь,
Как мудрый личит
Не пугаться мелочей,
Демократа даже ищут
Для критических речей.

Вопрошают:
«Кто виновник?
Нет виновника, а жаль!»
Распаляется чиновник,
Потрясая вертикаль.

Гнёт размашисто и круто,
Гнёт со всею страстью, но
Вздрагивает почему-то
Только нижнее звено.

Завершились передряги,
Стихи выгромы грозы,
И опять летят бумаги
В эти самые низы...

Жизнь, она – не по плакату,
Для какого же рожна
Истинному демократу
Бюрократия нужна?!

Демократ – борец, оратор,
Нарушающий уклад,
Демократ, он реставратор,
Богу брат
И чёрту сват.

Демократ, он тесто месит
С горькой выпечкой в народ,
Демократ из формы лезет,
Бюрократ – наоборот.

Для любого содержанья
Форма – норма для него.
Ведь чиновник послушанье
Ценил более всего.

Как-никак, а выгиб спинный
Доблестью не назовёшь.
Послушанье с дисциплиной
Путать всё-таки негож.

Не на службу стрелы точим,
Не на звания и чин.
Что ж, когда-то, между прочим,
Был чиновником Щедрин.

Тот Щедрин, как знаем все мы,
Тем и знаменитым стал,
Что на родственные темы
Злые сказочки писал.

В силу же каких реалий
Тот щедринский чинодел
Из губернских канцелярий
В наши, братцы, пересел?

И опять летят бумажки
Абы есть и абы пить.
Быть чиновником не тяжко,
Трудно деятелем быть.

1983

КАНДИДАТУ

Мы отдадим все наши голоса,
Чтоб голос твой был громче и сильнее.
Иди вперёд, и пусть твоим глазам
Живая даль откроется яснее...

Иди вперёд! Всю силу правоты
И всю любовь найдёшь ты в сердце нашем.
Мы трудное замыслили, но ты
Исполни всё, что мы тебе накажем.

Большой войны невероятный груз
Мы пронесли, все трудности изведав.
Во имя мира береги Союз!
Во имя жизни береги Советы.

Вослед войне идут пути труда,
Вослед войне идут пути заботы –

Поднять из пепла наши города,
Восстановить и выстроить заводы.

У нас теперь великих дел гора.
Ты погляди в поля – они бескрайни,
Но им нужны машины, трактора,
Нужны колхозам новые комбайны.

Будь с нами до конца.
Душа мечты
Переживёт все радости и боли,
Мы изберём тебя, и должен ты
Исполнить всё согласно нашей воле.

* * *

... Ты, критик,
Как бы мы ни пели,
Не говори, впадая в страх,
Что наши песни не созрели
Судить о горьких временах.

И не советуй нашим лирам,
Воспевшим честные бои,
Отдать трагедии свои
Иным векам,
Иным Шекспирам.

Над нами, говоришь, не каплет,
Повергнут, говоришь, Макбет...
Но жив народ – извечный Гамлет.
Быть иль не быть?
Подай ответ.

Закрытое плитой надгробной,
Уже зарытое навек,

Непознанное зло способно
Недобрый выбросить побег.

Брат Родину любил. За это
Врагами был он оклеветан
И на крови тюремных плит
Был именем её убит.

Что из того, что честный воин
Погиб не в тысячном строю!
Он тех же почестей достоин,
Как и погибшие в бою.
Но, возвратясь
Под наше знамя,
Он, мёртвый,
Нас, живых винит.
Пойми же, Родина глядит
И судит
Нашими глазами...

Для трёх,
Для двух,
Для одного
Обиженного человека
Есть память лет...
А память века –
Для человечества всего.

* * *

Спешить?
Лететь?
Припомните,
Что Чехов
До Сахалина
На телеге ехал.

Неторопливо
Ехал на телеге,
Но как правдиво
Говорил о веке.

А мы летим,
Безумием гонимы,
Всё мимо жизни.
Мимо,
Мимо,
Мимо...

А мы летим.
О, постоять,
Взглянуть бы!
А мы летим
И пролетаем
Судьбы.

Наш век летит.
И мы за ним.
А вдруг
У нас поводья
Выпадут
Из рук?

Наш век ревёт,
И винтовая лопасть
Несёт,
Несёт...
Эй, осторожней:
Пропасть!

* * *

... И мысль,
Как молнии разбег,

Застыла, не стирая ночи,
Что в осуждении жесточе
Бывает подлый человек.
Другая разум потрясла:
Кто в чистоту теряет веру,
Теряет истинную меру
В понятии
Добра и зла.

* * *

Мой друг,
Вгоняй в строку
Что отошло,
Что стало.
Мы на своём веку
Повидели немало.

Минула
Бед гора,
Минули муки встреч.
Пора, мой друг, пора
Других предостеречь.

Глава 2 НЕ ЛЕВЕЕ СЕРДЦА

* * *

Мы спорили
О смысле красоты,
И он сказал с наивностью младенца:
– Я за искусство левое. А ты?
– За левое...
Но не левее сердца.

СЕРДЦА

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт наш враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

* * *

Весёлый,
С грустными
Раздумьями
О трудном хлебе
И железе,
Сижу я с вами,
Слишком умными,
И рассуждаю
О поэзии.

Смешна мне
Ваших фраз
Значительность.
Слащавость вашей
Инфантильности
И ваша бледная
Начитанность,
Самовлюблённость
До умильности.

Не соблазняюсь
Лужёной глоткою.
Но нет вредней
И бесполезнее,
Чем замыкание
Короткое
На этой самой...
На Поэзии.

Поэзия –
Не строчка ловкая,
Что Музой томною
Подарена,
Поэзия –
Железо ковкое,
Когда с ней
Слетит окалина.

Не та,
Чернильная,
Бумажная,
Не та,
Виньетками
Увитая,
Поэзия –
Душа отважная
Для всех семи ветров
Открытая.

* * *

Известный спор
Меж школами и школками
Закончу я,
В сознанье правоты.
Хоть наши Музы
И ходили голыми,
Поэзия не терпит наготы.

СТАЛЬ

Ты уверяешь,
Что родились мы
Смягчать сердца
И просветлять умы?

Пожалуй, что
Оно бы так и было,
Когда б живому
Вольно жить и цвесь,
Когда бы в жилах
Наша кровь не стыла
Ото всего того,
Что в мире есть.

Светлить умы
Жестокости тупой?
Смягчать сердца
Идущих на разбой?

Светлить!
Смягчать!
Прекрасен твой порыв,
Но я признал
Смягченье не любое.

И сталь смягчают,
Прежде закалив,
Что б не ломалась та
Во время боя!

* * *

Себе сказал
И говорю другим,
Всем говорю
С упорством постоянным:

Язык любви
Не может быть нагим,
Язык борьбы
Не должен быть туманным.

* * *

Я писатель –
Не пустой мечтатель,
Никакого зла не убоюсь,
Всё ж с тревогой
За переключатель
Радиоприёмника берусь.

Предо мной
Глазок в тот мир трепещет...
Шум прошёл, мне душу омрачив,
Будто птица чёрная зловеще
Прошумела крыльями в ночи.

Загудела,
Зашептала хвоя...
А за нею, где-то вдалеке,
Где-то за морями волки воют
На моём,
На русском языке.

Наш язык,
Все беды переживший,
В чистоте прошедший по векам,
О, язык наш,
Ленину служивший,
Как ты дался, праведный, врагам?

Человек
Характера незлого,

Знающий давно,
Где яд,
Где мёд,
Против слова я бросаю слово,
Против самолёта – самолёт.

ТЕМ БЕРЕГАМ

Мои желанья
По-людски просты,
Моя работа
Облита слезами.
О, сколько раз
Я возводил мосты
Меж злыми
И враждебными сердцами.

И всякий раз
Был тяжкий труд не впрок,
И всякий раз,
Казалось бы, из стали,
Разорванные фермы
Строф и строк
Над пропастью
Бессильно повисали.

Какие же мосты
Нужны морям,
Тем берегам,
Где надо мной хоочут,
Беснуются,
Подобно дикарям,
И атомные стрелы
В злобе точат.

Не к Богу,
К людям руки я воздел.
Взываю к вам
И говорю я с вами:
Хотите вы,
Чтоб тот водораздел
Мы завалили
Добрьми сердцами?

Что мы жестки,
В том нашей нет вины –
Ищите зло
В своём жестоком стане.
История усталая от войны,
Но от борьбы с войною
Не устанет!

* * *

Писатель некий
Предался врагу,
Сбежав от нас,
Ведёт себя болтливо.
Предательство
Не ново на веку.
Ещё один предатель –

Эко диво!

* * *

Тем, жалким,
Что не нам поют,
Тем, что с врагами
Втайне ладят,
Тем, что Россию предают,
За рубежом
Неплохо платят.

Узнав цену
Измен своих,
Слепцы,
Вы думали спесиво,
Что платят вам
За вас самих,
А вам платили
За Россию!

* * *

Мои собратья
Нагло врут,
Утешась мыслью той,
Что ежели они умрут,
То вновь когда-нибудь взойдут
Цветами и травой.

Как будто в том,
Что есть поэт,
Природа не теряла,
Как будто у природы нет
Другого матеряла.

Как будто без его солей,
Без горсточки тщеты
В урочный год
Не хватит ей
На травы и цветы.

Друзья,
Всё это бред пустой,
Есть у неё запас,
И травостой
И древостой
Взойдут помимо нас.

Чем прорости –
Не в том вопрос.

На этот милый свет
Каким бы чудом ни прирос –
В том утешенья нет.

Нет, нет и нет.
И я б хотел,
Хоть в свете,
Хоть во мгле
Уж если не бессмертьем тел,
То добротою наших дел
Остаться на земле.

* * *

В лесах,
В кустах,
Густых и прочих,
Весь превращаясь
В бег и слух,
Под хриплый лай
И визги гончих
Зверь совершает
Жизни круг.

Охотник ждёт,
И он дождётся.
Охотник знает:
Есть закон,
Что зверь затравленный
Вернётся
На место,
Где был поднят он.

Тогда рука взведёт курки...
Но я печалюсь
Не об этом.
Я говорю, что и поэтам
Даны подобные круги.

Когда поэзия не шалость,
Усилий требует полёт.
В какой-то час
Придёт усталость:
Что ж, и железо устаёт!

Тогда, усталый,
Но не хилый,
Чтоб стать сильней
И боевой,
За прежней дерзостью
И силой
Спешит он к юности своей.

Темна,
Близка
Защита леса...
Дай Бог ему
В тот крайний срок
Не встретить своего Дантеса
Уже взводящего курок.

* * *

Всё выскажу,
Ни перед кем не струшу,
Не отступлю
Ни перед какими лицами.
Невысказанный гнев
Убивает душу –
Не становитесь
Самоубийцами.

ДВА ЛИЦА

Случится же!
Как будто смелый,
Ведь как-никак

Зовусь певцом,
Стою. бывало, оробелый
Перед ответственным
Лицом.

Перед Лицом,
Не очень высшим,
Но всё же,
Надо понимать,
Перед Лицом,
Уже привыкшим
Хоть чем-то,
Но повелевать.

Перед Лицом,
Чей взгляд упорный
Внушает
С чувством правоты,
Что он единственный,
Который
С высокой правдою
На «Ты».

И вот –
О, странность,
О, подробность! –
Однажды пронял
Смех меня.
И страх,
И скованность,
И робость
Перед Лицом
Утратил я.

Он был ещё
В суровой справе,
А мне забавно...
В чём секрет?

Да в том, что я
Его представил,
Каким он был
В двенадцать лет.

Представил я
Совсем иного,
Когда он был
В кругу ребят
И простодушен
До смешного,
И лопоух,
И конопат.

Над ним
Хихикали девчача...
Ну, словом,
Рос он на селе
Без государственной печати
На государственном
Челе.
Теперь
Мой опыт
Что-то стоит!

И вот я с опытом моим
Придумал самое простое,
Чтоб не робели
Перед ним.
Я предложил,
Чтоб над чинушей
Повесили его портрет,
Где лопухами
Вянут уши –
Каким он был
В двенадцать лет.

* * *

Он был вельможен,
Был он важен,
Был всеми
Почитаем он...
Порой ответит
На поклон,
Порою
Не заметит даже.

Однажды
Он сидел,
Как князь,
А я, как властный
Консул Рима,
Не торопясь,
Не поклоняясь,
Прошёл невозмутимо
Мимо...

И он подумал,
Что я тож
Куда-то
Даже выше вхож.
Он стал любезен...
И едва ли
Стихи нуждаются
В морали.

* * *

О злые тайны,
Вы всегда химеры.
Где тайна есть,
Там всё теряет меру.

В недобрых тайнах
Коренится зло.

Таится боль
Прикушенного крика.
В них всё не так:
Великое – мало.
Всё, всё не так:
Ничтожное – велико.

И смутно,
А не знаю,
Что со мной,
Как будто искупался
В тине липкой.
Вот пошептались
За моей спиной,
Вот обожгла
Змеиная улыбка...

С чего бы
Зашептаться
Не в добрे,
С чего бы зашипеть
Шипенъем твари?
Гляжу пытливо,
Как в слепой игре
С разгадкой при ударе:
Кто ударил?

Зову я друга:
«Милый, помоги,
Освободи меня
От боли мнимой».
Но вот и друг
Глядит куда-то мимо...
О злые тайны,
Вы мои врачи!

На вас иду
И не сутулю плечи.
О тайны тёмные,

Пока дышу,
Я вам не дам
Доверчивых калечить.
Коль есть во мне вы,
Сердце обнажу!

* * *

А был ли хаос?
Скажем без оглядки:
Во всём закономерен
Вечный бег,
Во всём земном
Извечный был порядок,
Иначе б
Не родился человек.

* * *

Свеженький,
Как пионер,
Ворковал он
Благонравно:
– Не министр
И не премьер,
Почему ж
Седеешь рано?

Мне министры
Не в пример.
Честолюбием
Не брежу.
Я поэт,
А не премьер,
Но обязанности
Те же.

Как не быть
Тут седине,

Если думаешь
В заботе
О такой
Большой стране
О таком
Большом народе.

ЗАМЕТЫ

Он и впрямь
Какой-то разный,
Как редиска разноспелый:
Поглядишь – снаружи красный,
А раскусишь,
Видишь – белый.

* * *

Он говорит
И страстно, и глубоко,
Но странно видеть
Сытого пророка.

* * *

Собака
Любит пост,
С начальством
Любит встречи,
Но отрубили хвост,
Вильнуть собаке
Нечем.

* * *

Любит совесть?
Нам не в новость
Доброта людей таких.

Негодяи любят совесть,
Когда совесть –
У других.

* * *

Что пчела
Врага карает,
Трутня не касается.
Трутень мёд не собирает –
Вот и не кусается.

* * *

Есть в дружбе
Доброе ядро,
Прекрасно слово – друг,
Но дружба –
Не бюро
Приятельских услуг.

* * *

Кто любит сласть,
Тот сладости добьётся.
Была бы власть,
А подхалим найдётся.

* * *

Заботясь о своём
Довольно добром даре,
Он сберегал себя,
Как скрипку Страдивари,
Но, избежав всё зло,
Все страхи мук,
Он начал издавать
Фальшивый звук.

* * *

Негодяй!..
Стыда не зная,
Завершив позорный труд,
Почивал он,
Негодяи,
Видно, тоже устают.

* * *

Как мы пишем?
Как летаем мы?
Все по-разному смелы:
Воробы летают стаями,
Одинокими – орлы.

* * *

И Бог,
И чёрт –
Они всё время в паре:
Талант с бездарностью
Не развести.
На каждого из нас
Есть свой Булгарин,
Готовый доглядеть
И донести.

Где лев,
Там и шакал,
Шакала, ищет
Отброшенную кость
В густой траве.
Порою лев
Не доедает пищи,
А потому шакал
Всегда при льве.

Прошла пора
Булгаринских доносов,
Но жив Булгарин,
Хоть и не в чести.
Поэт, будь строг:
Не оставляй отбросов,
Пусть он, шакал,
Подохнет без кости!

* * *

– Что ты молчишь? –
Услышал я упрёк. –
Ведь ты бы мог
Нам рассказать о многом.
– При чём здесь вы?!

Своим высоким слогом
Я разговаривать
Учился с Богом,
А Бога нет –
Вот я и приумолк.

* * *

Мне Библия
Романа не святей,
Но, знающему счёт
Добру и худу,
Обидно всё же
Видеть средь людей
Зашитников
Предателя Иуды.

Забыв и стыд,
И правый суд времён,
Мне говорит
Его адвокатура,

Что будто вовсе
Не предатель он
И не подлец...
А сложная натура.

* * *

Нет, это не наветы,
Что будто не дружны мы.
Поэты, как планеты,
Взаимно притяжимы.

И те, что дружбой слиты,
И те, что мечут громы.
Слетит один с орбиты,
Несдобровать другому.

* * *

Грозит,
Враждуя,
Кronа кроне,
Шумит,
Оспаривая высь.
А между тем
В земле
Их корни
Уже давно
Переплелись.

* * *

Жаждем истины во всём,
Жаждем веры, между тем
Стало меньше аксиом,
Стало больше теорем.

В сфере солнечных орбит
Заменился нешутийно
Доказуемый Евклид
Недоказанным Эйнштейном.

В прямоту путей своих
Вносим новые охваты:
Нет и не было прямых,
Все прямые кривоваты.

Но скажу вам горячо:
Ничего вы не добьётесь,
Если вам на каждый чох
Нужно дюжину гипотез...

* * *

Поэзия –
Не профессия,
Поэзия как любовь:
Если уж есть,
Так есть она,
А нет –
И не суесловь.

Ах поэты,
Проказники,
Как вам строчить не лень.
Поэзия – это праздники,
А праздник
Не каждый день.

* * *

Это как же так?
Это что ж такое?
Кто придумал мрак
Вечного покоя?

Если сатана –
Утопить до дна,
Если это Бог –
Вилы ему в бок

Да сказать вконец:
– А ещё творец!

* * *

Один ругал меня
Так круто,
Что круче
Даже не бывать.
Другой хвалил,
Но так
Как будто
Хотел кому-то
Продавать.

* * *

От голготы
Младенческой
До гробового рва
У жизни человеческой
Есть разные слова.

Заговоришь ли с музами
Касательно судеб,
Слова должны быть вкусными
И тёплыми, как хлеб.

И чтоб в любви
Не гасли мы,
Не впали в тиши и сонь,
Слова должны быть

Страстными,
Нагими, как огонь.

Есть вялые,
Безвольные,
Есть омуты без дна,
А есть слова застольные
Для смеха и вина.

Зато
В кровавой роздыми,
Когда врага не жаль,
Слова должны быть
Острыми,
Жестокими,
Как сталь.

ДРУЖБА

Закон у дружбы
Был всегда суров,
Ни жалости не зная,
Ни боязни,
За фальшь и скуку
Стихотворных строк
Мы предаем друг друга
Страшной казни.

Солгавшего
Легко предостеречь
От злой беды,
Ещё, быть может, дальней.
Мы – как мечи,
А создаётся меч

Меж молотом,
Огнём
И наковальней.

Всё в дружбе есть:
Огонь, чтоб согревать,
И молот есть,
Взлетающий упруго,
И наковальня,
Чтобы поддержать
При дружеском ударе
Сердце друга.

Так будем же
Крепить себя в огне
От дружеских ударов
Закаляться,
А в смертный час
Спиной к спине
Мы станем, друг,
И будем драться.

* * *

Любовью,
Гневом
Сердце мая,
Людей привык я разделять
На тех, которых я не знаю,
И тех, которых смог узнать.

И этих,
Что узнал поближе,
Я, приглядевшись,
Так делю:
Одних до радости люблю,
Других до боли ненавижу.

Часть 3 **РАСПАХНУТОЕ СЕРДЦЕ**

Глава 1 СИБИРЯК, Я РОС В ЛЕСНОМ КРАЮ...

КОРНИ

Сибиряк,
Я рос в лесном краю,
Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
Знаю родословную свою
Только до четвёртого колена.

Что за ним –
Не слышал ничего я.
Прадед был,
И – помню из преданий –
Он ходил по Волге с бечевою
От верховья
К Астрахани дальней.

В некий час
Не Волга ли внушала
Прадедовой силе богатырской,
Чтоб она не мешкая спешила
К вольным рекам
Стороны сибирской.

Он простился с лямкою тую
И проехал полземного шара...
По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.

Говорят,
В дороге лошадь пала.
И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок вёрст без мала
Вёз телегу
Прадед мой Левонтий.

А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошёл на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.

Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О, мои решительные деды –
Знатоки земли и рудознатцы!

Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.
Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.

Жёны-горевухи голосили,
А они, прощаясь, с поле с рожью,
Что-то про судьбу свою басили
И опять пускались в бездорожье.

Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.

Говорят,
Что строил образцово,

Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.

Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

* * *

Как только станем взрослыми,
Займём какой-то пост,
Начнут долбить вопросами:
– Где жил?
– Как жил?
– Как рос?

И кто бы ни расспрашивал,
Я честно отвечал:
– Жил бедно.
Всё донашивал
Со старшего плеча.

Рос быстро.
Скажем, валенки.
Войдёшь в их пустоту
И сразу видишь – маленький.
А делать что?
Расту!

По слову
Жизнь мне давшего
В торжественной ночи,
Вот так от брата старшего,
Меня не увидавшего,
Я имя получил.

А имя то хорошее,
Браток звался Василь,
Немного было ношено.
Отец сказал:
– Носи.

На мне одежда латана
Сгорала, как в огне,
И только имя братово
По-прежнему при мне.

Его точили недуги,
Не делая старей,
Его трепали недруги,
А имя всё добрей.

МУЗА

Поле было спокойно, и весь я
Замер, словно бы кто пригрозил,
В непонятном тогда равновесии
Молодых неизведанных сил.

А вокруг – никого!
Вспоминаю:
Сонный зной осенял деревца,
Вдруг явилось откуда – не знаю –
Очертанье родного лица.

Облик тёмные косы венчали,
А глаза, где не видно ни зги,
Были полны глубокой печали
И какой-то суповой тоски.

Будто в них моё горе таится.
Надо мною лицо наклоня,
Что-то хочет сказать, но боится
Горькой правдой обидеть меня.

А меж тем, продолжая гаданье,
Отойдёт и глядит – в стороне –
Будто знает про все испытанья,
Что положено выстрадать мне.

Будто знает по страстному гуду,
По неровному стуку в груди,
Что осилию все беды,
Что буду
Среди тех, кто пойдёт впереди.

Что, познав и любовь и уменье,
Весь отдамся родному труду.
Мне действительно было виденье
На девятом году.

* * *

И видел я
Незримое доселе:
Над головой моей издалека,
Похожие на древних птиц,
Летели
Напуганные чем-то облака.

Да, да, они летели,
А не плыли,
Они спешили,
Изнизу горя,
Как будто серо-пепельные крылья
Им обожгла высокая заря!

А по земле,
Неся с собой прохладу,
Хлеба и травы делая темней,
Ещё тревожней пробегало стадо,
Причудливое стадо
Из теней.

Казалось,
Не был мир ещё распознан
И, смутный,
Ждал рожденья моего,
Казалось,
Был он только-только создан
И я свидетель
Первых дней его.
Казалось,
Всё, что есть под небесами,
Я должен был
Обжить и обогреть...

Как хорошо
Однажды посмотреть
На старый мир
Такими вот глазами!

* * *

Вспоминается детство
И мать моя, жница,
Пятистенной избы
Вековой полумрак,
А в переднем углу
Вся в иконах божница,
На которой я прятал
Свой медный пятак.

У меня был расчёт,
Да к тому же и тонкий,
Что не каждый решится
К богам на визит.
Ну, а ежели что,
Любопытной сестрёнке
Николай Чудотворец
Перстом погрозит.

Ото сна и ко сну
Перед Девой Пречистой
Бестолково взлетала
Моя пятерня.
А уж старшие были
Давно коммунисты,
Между ними и мамой
Шёл спор за меня.

Я душою –
То к ним,
То к обиженной маме,
А у мамы дела
Да привычка страдать.
И однажды в грозу
Перед всеми громами,
Есть ли Бог или нет,
Я решил испытать.

Помню,
Воздух от молний
Взрывался, как порох,
Наплывала тяжёлая,
Душная гарь.
Я решил.
Я взбежал на Астахов пригород.

Я, бледнея, сказал:
– Если есть ты – ударь!

И ударило.
Молния трижды сверкала.
Трижды неба разлом
Надо мною зиял.
Трижды детское сердце моё
Замирало.
А потом – ничего,
Отошло,
Устоял.

Был тот день для меня
Днём второго рожденья,
Днём начала открытий,
Исканий моих.
Если я убеждён,
Нерушимы мои убежденья,
Потому что
Я жизнь свою ставил за них.

* * *

... Глядел,
Припоминая брата,
И говорил: родился я
Под орудийные раскаты,
Почти как царское дитя...

А через год
Не от пирожного,
Не от медов в златом ковше
Везли меня сквозь хмаръ таёжную
Ко хлебной дедовой меже.
В час отдыха
Меж невоспетыми,
Но не забытыми досель,
Междо оглоблями воздетыми
Моя качалась колыбель.
Сама тайга меня качала
На зависть лиственным лесам
И положила там начало
Моим стремленьям
К небесам...

К РОДНЫМ МЕСТАМ

Нет, нас не память с юностью роднит,
Она сама в нас вечным хмелем бродит.
Не потому ли жизнь меня хранит
И смерть при встрече стороной обходит.

Мне помнится, когда я подрастал
В толпе белоголовых ребятишек,
Я знал, как скрыться в зелени куста,
Как проползти ложбиной, как услышать

Вечерний шум полей. Спасибо вам,
Прекрасные от века и до века!
Спасибо перелескам и буграм,
Спасибо ручейкам и рекам,

Спасибо всем, испытанным в огне,
Проверенным в труде и дружбе,
Спасибо тем, кто изготовил мне
Нигде не изменившее оружье.

Ведь мы от них всё лучшее ведём –
И мужество своё и разум.
Настанет день, и мы домой придём,
На нас посмотрят и узнают сразу.

Не памятью о годах озорства –
Мы за три года стали вдвое старше –
Но по суровым признакам родства
Узнают нас и скажут: « Это наши!»

СЛЕДЫ

Вспоминается:
В книге я встретил
Очень горькие строки о том,
Будто в семьях лишь первые дети
Обладают богатым умом.

Говорил я с обидой ребятам:
– Вот настанут большие дела,
Разве я виноват, что девятым
Мать на поле меня родила.

Не скажите,
Что был я нескромен
Тем, что грань разнолетья стирал, –
Братья были
Строители домен,
Удивительных дел мастера.

Для обиды
Есть разные поводы:
Я догнал бы, но, как на беду,
Начались торопливые проводы...
В сорок первом году.

Никогда,
Никогда не забуду:
Мать глядела и мяла платок...
Разорвать наши взгляды с минуту
Даже поезд, казалось, не мог...

Никакие меня неудачи
Не сумели пригнуть и сломать.
Стал я первым в семье,
Но иначе...
Вспоминая потерянных, плачет
Моя старая тихая мать.

Даже если и слёзы бывают,
Их не видит никто.
Поутру
Слишком быстро они высыхают
На холодном сибирском ветру.

Даже больше –
Весенними днями,
Когда жизнь проступает во всём,
Их смывает косыми дождями
На горячий крутой чернозём.

Помню путь
К материнскому дому:
Проходя за пределом предел,
По-иному, совсем по-иному,
Не по-детски на мир я глядел.

Отдохнув на траве придорожной,
После стольких
Стремительных лет
Я шагал по земле осторожно,
Сапогами печатая след.

Было грустно.
Скажу откровенней:
Наклоняясь над тёплой пыльцой,
Я как будто ослаб на мгновенье
И присел на родное крыльцо.

Вечерами
Здесь братья сидели
И делились заботами дня...
Всё, что сделать они не успели
В этой жизни,
Легло на меня.

Чтоб сказать
О потерях негрубо,
Вспоминая братанов своих,
Целовал материнские губы
Много раз –
За себя и за них.

ПРИТЧА

– Там, на горе,
Построен будет храм, –
Сказал Строитель,
Показал на камень. –

Возьмёшь его обеими руками
И понесёшь,
И к сроку будешь там.

Счастливый тем,
Что я,
А не другой
Был в ранний час
Строителем замечен,
Я камень приподнял над головой
И, пригибаясь,
Опустил на плечи.

Понёс его на горные места,
Сбивая с трав предутренние росы,
И не заметил сам,
Когда устал
И как решил,
Решил я камень сбросить.

И бросил бы,
И сел на камень тот.
Но, трудный путь усталостью итожа,
Спросил себя:
«А кто же понесёт
Его наверх?
Когда не я,
То кто же?!»

ТРУДОВАЯ КНИЖКА

Одна страница перелистнута,
Шесть строк –
И книжка прочтена.
Но в эти строки мною втиснуто
Полжизни, не считая сна.

Она скромна.
Сусальным золотом
Её никто не покрывал.
Вот первая строка –
Под молотом
Два года я её ковал.

Душа от гордости расправилась
У парня, росшего в селе,
И каждый видел,
Что прибавилось
Одним рабочим на земле.

Второй строкой
Три года отнято,
Она была в литейной отлита...

В те дни,
Не очень отдалённые,
Она казалась огневой.
Теперь остыла, закалённая,
И отливает синевой.

Шесть строк,
И кованых и плавленых
Шесть строк,
Коротких и простых,
Шесть вех,
Негаданно поставленных
На поворотах
На крутых.

Шесть глав
Неповторимой повести
О судьбах на земле родной,

Шесть строк –
Как шесть упрёков совести
За не написанное мной...

Припоминаю наставления
Литейщиков и кузнецов,
На что потратить вдохновение,
И красоту, и силу слов:

– Пиши, да так,
Чтоб сердце плавилось
В неубывающем тепле,
Чтоб каждый видел,
Что прибавилось
Одним поэтом на земле...

– Пиши, – сказали, –
Коли пишется,
Коль жизнь способности дала,
Но так, чтоб трудовая книжица
Всем книгам
Матерью была!

* * *

Высокой дружбой
Похвальюсь.
Мои друзья –
Поэты, зодчие,
Но всё сильнее
К вам тянусь,
Мои товарищи
Рабочие.

Хвалюсь, –
Добра моя строка!
Но мысль одна
Бросает в холод:
Не разучилась бы рука
Держать при этом
Серп и молот.

МАСТЕР

Три года живу я в столице,
Люблю я столицу...
И вот
Когда она вся озарится,
То чем-то напомнит завод.

Припомнится город сибирский,
И тут же привидится мне:
Летят автогенные брызги,
Скользя по кирпичной стене.

И вдруг ни с чего затоскую,
Да так, что сдержаться нет сил,
И вспомню тогда мастерскую
И цех, где я мастером был.

Представлю на миг лишь единый
Пролёты больших корпусов,
Бульдозеров гнутые спины
И вздохи чугунных прессов...

Рабочих
За именем имя
Проходит минутой такой...
И станет завидно, что сними
Работает мастер другой.

И может быть, так,
Междуречим,
Хорошую память храня,
Какой-нибудь старый рабочий
Ему говорит про меня:

Москва, мол, кому не приснится!
И он-де, упрямый такой,
Уехал за песней в столицу,
А песня живёт в мастерской.

И скажет ещё,
Что теперь я
Решил подучиться и сам,
Охотно уйдя в подмастерье
К московским большим мастерам.

Тогда неуёмным желаньем
И верой наполнится грудь,
Что я своё прежнее званье
Сумею обратно вернуть.

СЕСТРЕ

Опять, как перед зеркалом, стою.
За худенькие плечи обнимая,
В глазах сестры читаю жизнь свою,
Забытые черты припоминая.

Всё кручे лоб,
Всё реже рыжий чуб,
Темней глаза, прямолинейней брови,
И линии когда-то добрых губ
Становятся точнее и суровей.

Мишенью
Для ходячих остряков
Не станет ли седое благородство?
Всё чаще я гляжу на старииков,
Уже предвидея будущее сходство.

Но, изменяясь,
Сохранить бы рад
Изо всего, чем наделён в излишке,
Всё тот же тихий,
Любопытный взгляд
Простого деревенского мальчишки.

РАБСКАЯ КРОВЬ

Вместе с той,
Что в борьбе проливалась,
Пробивалась из мрака веков,
Нам, свободным,
В наследство досталась
Заржавелая рабская кровь.

Вместе с кровью
Мятежных,
Горячих,
Совершавших большие дела,
Мутноватая жижица стряпчих,
Стремянных
В нашу жизнь затекла.

Не ходил на проверку к врачу я,
Здесь проверка врача не нужна.
Подчинённого робость почуяв,
Я сказал себе:
Это она!

Рос я крепким,
Под ветром не гнулся,
Не хмелел от чужого вина,
Но пришлось –
Подлецу улыбнулся
И почувствовал:
Это она!

Кровь раба,
Презиравшая верность,
Рядом с той,
Что горит на бегу, –
Как предатель,
Пробравшийся в крепость,
Открывает ворота врагу,

Как лазутчик,
Что силе бойцовой
Прививает трусливую дрожь.
Не убьёшь её пулей свинцовой
И за горло её не возьмёшь.

Но борюсь я,
Не днями – годами
Напряжённая длится борьба.
Год за годом,
Воюя с врагами,
Я в себе
Добиваю раба.

* * *

... Осмотрел он
Душу инженера.
Осмотрел,
Потрогал хворь её
И спросил:
– А вера где?
Без веры
Это не душа.
Утильсырье!..

* * *

... Как горестно
В беде прозреть,
Печальным светом озариться,
Душою заново родиться
И, народившись, умереть!
Как часто думал я о нём,
О мудром смысле очищенья.
Душа, омытая огнём,
Достойна моего прощенья...

Глава 2 **ВЕРИО В ЖИЗНЬ, НО ТАКУЮ...**

* * *

Имел бы я
Всевесчий ум пророка,
Я б заглянул
В грядущие года:
Куда меня,
Взметённая высоко,
Пригонит жизни
Быстрая волна?

Имел бы я
Магические призмы,
Я подсмотрел бы
Вопреки годам,
Что даст мне мир,
В который был я призван,
И что я сам
За это миру дам.

Хотя б на миг
Из тех далёких далей
Единый миг
Приблизился ко мне,
Чтобы понять,
Зачем меня призвали,
Что должен я
Исполнить на земле.

* * *

Кто б жизнь мою
Окинул оком
И кто бы догадался сам,

Что я стою живым упрёком
Несправедливым небесам.

И кто бы проявил участье,
Постигнув главное одно:
За что рождённому для счастья
Любви и счастья не дано?

ВЫБОР

Я жить хотел
Не как-нибудь,
А так,
Чтоб с радостью да с толком,
И потому свой трудный путь
Искал настойчиво и долго.

Я – в небо.
Звёзды говорят:
«На облаках легко и пышно,
Но если на Земле скорбят,
То этой скорби здесь не слышно.
Другому право передай
Купаться в голубом просторе,
А сам спустись и попытай
Своё призвание на море...»

Я – к морю.
Плещет предо мной
И повторяет многократно:
«Ты пешеходный,
Ты земной,
Взгляни и уходи обратно.
Иди туда, где был рождён,
А я, повздорив с океаном,
Приду к тебе туда с дождём,
Приду к тебе туда туманом...»

От моря,
От его речей
В горячий цех пришёл я вскоре.
Огонь мартеновских печей
Как будто сговорился с морем:
«Иди!
Постигшие руду,
Мы не разминемся друг с другом.
Иди, а я к тебе приду,
Приду предпружником и плугом».

Я – в поле.
А поля цвели,
Напоминая берег пенны.
Я – плоть и кость родной земли,
Вошёл по грудь
В разлив ячменный.

* * *

Мне рваные брюки
Сегодня приснились,
Взгрустнул я: заплата нужна.
Но Муза тогда надо мной наклонилась,
И вот что сказала она:

«Ты молод,
И помощь мою не отбрасывай.
За всех вас болея душой,
Я брюки чинила поэту Некрасову
И опыт имею большой.

Не каждому
С песнями жить припеваючи,
Не каждому – море любви.
Некрасов был гений,
А ты начинающий...
Терпи, мой хороший, терпи!»

* * *

Верю в жизнь, но такую,
Чтоб как реки – с разливом...
Загрущу,
Затоскую,
Если стану счастливым.

Если стану счастливым,
Если стану спокойным,
Если стану ленивым,
Для борьбы недостойным.

От полдневной истомы,
От вечерней прохлады,
От уютного дома,
От цветущего сада
Унесут меня с топотом
Кони огненной масти...

Пропадай оно пропадом,
Моё тихое счастье!

* * *

... Землёй рождённый,
Преданный лесам,
Я с детских лет стремился к небесам,
Как к высшей правде жизни и познанья,
Где бедствуют особенной бедой,
Где плачут не обычную слезой,
А золотыми звёздами страданья,
Но грузом человеческих забот
Отринут был
От голубых высот.

Познавшему людские недомоги,
Что до того мне,
Как страдают боги!

За Демона не стал бы я рыдать,
Когда бы он в трагическом кошмаре
В той неземной любви к земной Тамаре
Не попытался человеком стать.
Теперь людская боль мне поневоле
Становится больнее
Личной боли...

* * *

... Любовь!
Горят её костры,
Мудреют люди в добром свете.
Любовь и Правда –
Две сестры,
Идущие через столетья,
Две песни счастья и добра,
Всегда звучащие призывно.
Одна беспечна и наивна,
Другая сдержанно мудра.
Когда они придут к порогу,
Ты дверь души
Для двух открай.
В наградах первой мало проку
Без одобрения второй.
И потому, себя не радуя,
И гордый
И суровый Дант
К любимой,
Как за высшей Правдою,
В чудовищный
Спустился Ад.

А цех –
Не древнее предание,
Дверь проходной –
Не тёмный грот.
Земным, но трудным испытанием
Меня испытывал завод.

Огнями,
Громом,
Грозной силищей,
Усладой,
Мукою труда.
Он был и Адом,
И Чистилищем,
И даже Раем иногда.

Здесь мир тревог
Из-за тревожности,
Которой людям не избыть,
Здесь безграничные возможности
И не любившим полюбить...

* * *

... – Ты сильный! –
Это утешенье
Я часто слышал от друзей.
Они печали приносили
И горечь на душевном дне
И апеллировали к силе.
Которой не было во мне...

Но сила,
Как бывает в сказках,
Пришла ко мне
От волн ангарских.

И чтоб друзьям
Не только мнилось,
Пришла от волн
И природнилась.

От них и мускулы тугие,
От них и добрые слова.
Те волны, где вы?
Где, какие
Ворочаете жернова?..

* * *

Нелегко
Рождённому в Сибири
Нежным быть в метельном мятеже
И слова тяжёлые, как гири,
День за днём вынашивать в душе.
Слово – это тяжесть,
Слово – это
До поры неустранимый гнёт.
Иль оно пригнёт к земле поэта,
Иль поэт
Им недруга убьёт.

* * *

Жизнь поэта
Непростая штука,
Если он страстями опалён,
Жизнь поэта,
Да не жизнь, а мука,
Если он влюблён, –
А он влюблён.

Пощупил
Весёлой эпиграммой,
Подмигнул звезде –
И мир разъят.
Вот уже ему
Семейной драмой,
Мировой трагедией
Грозят.

Милая моя,
Мы счастьем бредим
Большим,

Чем встречаем наяву.
В наших душах
Тысячи трагедий...
И ещё одну
Переживу.

* * *

... Моей бедой,
Моей отрадою
И даже смыслом бытия,
Моей единственной наградою
Была возвышенность моя.
Наивный,
Гордый в непорочности,
Я, радости творя из мук,
Бродил при звёздах
В одиночестве
И говорил:
– Будь счастлив, друг!

Красивому
К красивой хаживать,
А я любовь свою
Сгублю.

Любил я чувства приукрашивать,
Да и теперь ещё люблю.

В огромный,
До конца не познанный,
Страстями полный до краёв,
Хочу я в мир, не мною созданный,
Внести красивое,
Своё...

* * *

Предо мною
Новый трудный путь.
Помоги усталость мне стряхнуть,
Помоги от прошлого забыться,
Новые желанья пробуди,
Помоги душою обновиться
Для большого, трудного пути.

Обнови
От недугов и хворей
И от наговоров обнови,
Ты моя,
Испытанная в ссоре,
В добром мире,
В неутешном горе,
В беспокойном счастье
И любви.

ОСЕННИЙ ЛЕС

В осенний лес,
Как в сон и неизвестность,
Тропинка порыжевшая прямая.
На всём, куда ни гляну,
Вижу трезвость
И строгую задумчивость ума.

Так женщина с прекрасными чертами,
К покинувшему чувства сохранив,
Сидит весь день с открытыми глазами,
В колени рукodelье уронив.

Порой в душе надежда шевельнётся,
Что он,
Как только птицы прилетят,

Припомнит дорогое и вернётся...
Глаза, не веря,
Холодно глядят.

Лесная речка меж стволов блеснула, –
Я вижу игры волн, давно ручных,
И берега крутые, словно скулы
Сибиряка,
На выгибах речных.

В лесу светло.
Берёзкам-белоножкам
Укрыться бы за хвойной темнотой.
Подружки озадачены немножко
И смущены своею наготой.

Как девушкам,
Им не во что убраться,
Как модницам,
Обидно им до слёз:
Они вчера разделись искупаться,
А ветер взял и платья их унёс.

Озябшие,
Они дрожат и гнутся,
Упрятав ноги в коврики из мхов;
Стыдливые,
Они друг к другу жмутся
В кругу рябых
Чубатых женихов...

Иду вперёд,
Волнуясь и тревожась
За всё, что ни увижу пред собой.
Есть в судьбах леса маленькая схожесть
С большою
Человеческой судьбой.

* * *

Мне, рабочему,
Всё по силе,
Мне, строителю,
Всё с руки:
На домах
Стропила
Стропилить,
Окосячивать
Косяки...

Знаю тайну
Весенних почек,
Знаю сладость
Медовых сот.
Понимаю
Работу строчек,
Как товарищ мой
Гесиод.

ВЕСНОЙ

Во мне,
И почему – Бог весть,
Когда весна ещё в начале,
Есть что-то смутное и есть
Какой-то холодок печали.

Но мысли сердце обожгут
И боль сильнее обозначат...
Почудится, что где-то ждут
И, не дождавшись, тихо плачут.

Всё, что любил,
Всё, что хотел,

Коснётся вдруг сердечных граней,
Как груз незавершённых дел
И неисполненных желаний.

И ничего
Не отложить,
Ни от чего
Не отрешиться.
Мне время это пережить –
Как будто заново родиться.

* * *

Где-то ходим,
Чем-то сердце студим,
Ищем сказку не в своей судьбе.
Лет с двенадцати пошёл по людям
И в конце концов
Пришёл к себе.

И всего на свете интересней
Стало то,
Что было от сохи...
Здравствуйте, покинутые песни!
Здравствуйте, забытые стихи!

* * *

С душой,
Не созданной
Для драк и споров,
С неробкою,
Но доброю душой,
Я в этот мир
Печалей и раздоров,
Должно быть,

Преждевременно
Пришёл.
И потому,
Чтоб недругу
Не вторить,
Я научился
Гневаться
И спорить.
Для той любви,
И светлой
И наивной,
Был создан я
На празднике ночей,
Я приходил лишь
На её руины
И склеивал
Обломки кирпичей.
И склеил я.
Не оробел.
Не сник.
Своей любви
Я здание воздвиг.

* * *

Так мне велит
Души моей настрой:
Пусть буду
Испытаньям я подвержен,
Пусть жизнь со мною
Поступает твёрже,
Но только не обходит
Красотой!

Написано во сне
27.11.1972

Глава 3 **КУДА Я – ТАКОЙ?** **КОМУ Я – ТАКОЙ?..**

* * *

Куда я – такой?
Кому я – такой,
От горькой любви
Потерявший покой?

И взгляд мой безумен,
И вид мой ужасен.
Спокойным и тихим
Я просто опасен.
Опасен я тем,
Что мечтой увлекаю,
Что страстью своей
На любовь обрекаю,
Что делом и словом
Творю поневоле
В любви не согласных
На малую долю.

Куда я – такой?
Кому я – такой?

* * *

Вот пишу,
И грустно мне,
Потому как выписано;
Про любовь в моей стране
Многое написано.

Про любовь-разлуку есть,
Про любовь-свидание.

И читать не перечесть
Строчек назидания,

С кем ходить
И где гулять.
Есть такие броские,
Что легко по ним справлять
Свадьбы комсомольские.

Станут с ними
Чуть пьяней,
Веселей закружатся.
А мои всего нужней
В горький час супружества.

Пусть коснётся
Прядки прядь
Над моим пророчеством.
Моё горе повторять
Людям не захочется.

* * *

Семнадцать...
Двадцать...
В годы те,
Что понимал я в красоте?!

Румянца ль видя густоту
Иль бровь, приподнятую круто,
Я счастлив был,
Я красоту
С беспечной молодостью путал.

Теперь мне далеко за тридцать,
И потому тоскливой пса
Бездомного
Гляжу я в лица,
Ищу любимые глаза.

Ровесниц вижу увяданье,
Уже не юности расцвет,
А пережитого страданья
Мнлей мне
Благородный след.

Давно забылись
Дни свиданий,
Но то стыдливей, то бойчей
Свет запоздалых ожиданий
Всё светится в глуби очей.

Румянец спал
Пыльцой цветочной,
И бровь не просто приподнять.
Та красота была непрочной,
А эта...
Эту не отнять.

* * *

За что я мучусь,
Непонятно,
С печалью Каина на лбу?
Какие солнечные пятна
Влияют на мою судьбу?

В каких высотах,
Сферах света.
В каком космическом kraю
Прошла безвестная планета
И затенила жизнь мою?

А было просто,
Было ясно.
Теперь же слышу
В строе строф

Какой-то отзвук
Своевластный
Каких-то звёздных
Катастроф.

В душе
И смута и смятенье.
Вот так в тоске
Из-под стрехи
При каждом
Солнечном затменье
Кричат тревожно
Петухи.

Задолго
До премудрой силы,
Летящей от земных границ,
Моя душа уже ловила
Поток космических
Частиц.

Поток, рождённый
В мире дальнем,
Он пробивал
Извечный мрак,
А мы с душой моей
Не знаем:
Что ж больно так?
Что ж горько так?

Не знаем мы,
Куда нам деться
От непонятной
Муки сей...
Какая власть
Миров над сердцем.
А власть Земли
Ещё сильней!

* * *

Как мне постылы
Назиданья
Покорности:
Страдай!
Терпи!
Я в мир пришёл
Не для страданья,
Пришёл для счастья
И любви.

* * *

Грустно мне бывает и тревожно,
Кажется, что сил моих в обрез.
И когда мне станет слишком тошно,
Я иду в дремучий русский лес.

В тишине и сутеми лесной
Думаю о жизни под сосной.

Та сосна корява и стара,
Та сосна сурова и мудра,
Та сосна печальна и спокойна,
Тише струй в большой-большой реке,
Словно мать,
Меня ладонью хвойной
Осторожно гладит по щеке.

Руки приопустит мне на плечи
И ведёт со мной такие речи:

«Будь, как я,
Не ставшая покорней
Оттого, что ветер ветви гнёт.
Слушай!..
В жизнь пускай поглубже корни.
Как земля,
Она не подведёт».

* * *

Прозябаю на ветру,
На миру, словам внимая.
Истин сверху не беру,
Я их снизу поднимаю.

Испытанья не страшны.
Чтобы светом возгораться,
Наши истины должны
Только снизу подниматься.

Истины не входят в стих
От общения с богами.
Нет, я каждую из них
Отрабатывал боками.

* * *

Твердишь ты,
Что расстаться нам пора,
Что ты в своих надеждах обманулась,
Что вся моя любовь к тебе –
Игра.
Не слишком ли игра подзатянулась?

Игра в любовь,
Я знаю, не к добру,
Игра в любовь коротенького срока.
Семь лучших лет потратить на игру,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

Старею я,
Люблю тебя одну.
Седею я до времени, до срока.
Семь лучших лет отдать за седину,
Семь лучших лет!
Не слишком ли жестоко?

СЕМЕЙНЫЙ РАЗГОВОР

Много ли нужно –
Малую малость,
Чтоб разлетелось
Всё за версту...
Каждая лошадь
Хоть раз, да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду.

Любим похвастать
Века вершинами,
Будто кто гонит –
Бегом да бегом...
Слишком привыкли
Играть машинами,
Силу смирять
Простым рычагом.

Сам заводской,
Но моя романтика
Выше дела
И выше слов.
Больно видеть,
Как автоматика
В души внедряется
Раньше цехов.

Хочешь и ты,
Чтобы всё впритирочку,
Чтобы не рвал
Семейных пружин,
Хочешь, чтоб я
Превратился в дырочку,
Вбитую в ленту
Счётных машин.

Хочешь, чтоб я
Был, как все, хорошим,
Мне ж та хорошесть –
Как острый нож.
Любишь меня
На многих похожим
И ненавидишь,
Когда непохож.

Нет, не хочу,
Чтобы Жизнь обрекалась
На одну
Для всех борозду...
Каждая лошадь
Хоть раз, да брыкалась,
Каждая лошадь
Рвала узду...

* * *

...Какое счастье женщину любить,
Когда она тебя страстями полнит!
И если моё тело её помнит,
То как же голове моей забыть?..

* * *

...Но женщины
Иначе память полнят,
Они не головой, а плотью помнят...

* * *

Если б
Богом я был,
То и знал бы,
Что творил
Женщину!

Если б
Скульптором стал,
Высек бы
Из белых скал
Женщину!

Если б
Краски мне дались,
Рисовала б
Моя кисть
Женщину!

Но
Не бывшую со мной
И не ставшую женой
Женщину!

* * *

Я жил – не заметил
Ни дня,
Ни причину,
Что первую мне
Прописала морщину.

Я жил – не заметил,
Пора спохватиться,
Что было мне двадцать,
Что стало мне тридцать.

Я жил – не заметил;
Заметив, не плачу,
Что много утратил,
Что больше утрачу.

Желанному счастью
Шагая навстречу,
Я, может быть,
Встретив его,
Не замечу.

* * *

Тяжела,
Себе не рада
В белой гриве голова.
И глядит он
Сонным взглядом
Отдыхающего льва.

В нём
За сонными глазами,
За потухшей кромкой дня,
За далёкими годами –
Где-то Африка своя.

* * *

Рожью
В клочьях тумана
Дремлет чуб мой, редея...
Не смущайся,
Что рано
Невозвратно седею.

В зное
Бурные всходы
Урожая не дарят.
Меня старят не годы –
Мысли горькие старят.

Если соков потребных
Стебельку не напиться,
Вместо зернышек хлебных
Чёрный куколь родится.

* * *

Поумнела голова –
Стали лёгкими слова,

Лёгкими, как мячики,
Что бросают мальчики.

А бывали времена,
Не давались письмена,
В строчки неуклюжие
Лезло слово дюжее.

Поседела голова,
Всё ей стало трын-трава,
Кроме всеми мыслимой
Самой нужной истины.

* * *

Всё слова, слова,
Всё речи, речи!
От родимых пашен вдалеке,
Я давно не выходил навстречу
И лицо не подставлял пурге.

Море жизни,
За вину ль какую
Я прибит к бумажным берегам?
Трижды замерзавший,
Я тоскую
По ветрам,
Тоскую по снегам.

Я тоскую по крутым морозам,
Я тоскую по гремучим грозам,
По тревоге:
Быть или не быть?
Я – такой.
Нужны мне испытанья,
Мне нужны тревоги и страданья.
Я без них
Не научился жить.

Всё слова
И всё речей водица
Вместо снега, леса и зари...
Городскому,
Мне всё чаще снится
Белый снег,
И снятся снегири.

* * *

Я не испытывал давно
Такой тоски,
Такой тревоги,
Как будто жизни вижу дно,
Остатки вижу
Дней немногих.

В душе
Сплошная гололедь.
Тоску весеннюю почуяv,
Ни сочинять,
Ни пить,
Ни петь
И даже плакать
Не хочу я.

Что я?!

И звери по весне
Впадают в краткую унылость.
Былое умерло во мне,
А новое
Не народилось.

* * *

Одинок я,
Где моя родня?
Все близки,

И все в далёкой дали.
Женщины не верили в меня
И моих детей
Не сберегали.

Что ж, скажу,
Печаль невелика,
Просто были мы
Душевно разны.
Те, что рассуждали свысока,
Думали, как все:
Гуляка праздный!

Лишь одну
Ославить не хочу –
Ту, что видела
Всегда крылатым,
Но и та ждала, что улечу
В некий час
Маршрутом невозвратным.

Что ж, скажу,
Не мне – другим урок,
Чтобы прочитавший эти строки
Не был в жизни
Так же одинок:
Будто близкий всем
И всем далёкий.

* * *

В наше счастье
Веры больше нету.
Мне обидно,
Что в чужом краю
Принял я за чистую монету
Лёгкую привязанность твою.

И не то мне жаль,
Что, пламенея,
Я тебя и нежил и ласкал.
Жаль мне то,
Что, от тебя пьянея,
Я своей любимой
Не искал.

Поглядеть бы
На любовь-потерю,
Тронуть кудри
Ласковой рукой...
В мире есть такая.
Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений
Сердце бъётся
В поисках порук.
В мире было столько
Потрясений,
Сколько было горестей...
А вдруг?..

Может быть,
В надежде тосковала,
Всё ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня
Недоставало,
Чтобы жить
И в жизни устоять?..

Есть такая!
Каторжной работой
Сто каналов

К ней готов прорыть.
Если сердце
Бьётся для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

* * *

Скажи, моё сердце,
Кому ты верно?
Зачем я от каждой пьянею?
Ответь, почему дорогое вино
Сберечь для одной
Не умею?

По нашему краю
Красавиц не счасть,
Но сердце, вперёд увлекая,
Стучит и стучит:
«У меня уже есть
Другая,
Другая,
Другая...»

Молчи
Не хочу я твой призрак ласкать,
Вздыхать без надежд и отрады.
А сердце всё гонит:
Мол, надо искать.
И я соглашаюсь,
Что – надо!

Веди меня сердце,
Скорее веди,
Иначе разлука измает.
Так маленький деспот
В немалой груди
Любовью моей управляет.

* * *

Не затем я
Горячее сердце ковал,
Не затем я покоя
Ему не давал,
Не затем я поил его
Горькой отравой,
Чтобы стало оно
Для кого-то забавой...

Я надеждой,
Как молотом,
По сердцу бил,
Я ковал своё сердце
Для вечной любви,
Чтобы билось не пульсом,
А праздничным звоном,
Чтобы знали, что значит
Быть сердцу влюблённым,
Чтоб Звездана,
Тоскуя в краях неземных,
Услыхала набаты
Моих позывных...

Вот зачем
Я ковал своё сердце!

* * *

Счастливый,
Я не нужен никому.
Счастливым быть
Мне стыдно одному.

Счастливый
Тяготеет к облакам,

К высоким звёздам,
Где легко и вольно.
Счастливые как боги,
А богам
Ни жалостно,
Ни горестно,
Ни больно.

Печали,
Огорченья,
Страхи все
Я испытать душою
Не премину,
Как добрый врач,
Который на себе
Испытывает
Новую вакцину.

Как он,
В бреду
Над страхом проплыvu,
Над жаркой бездной
Чёрной лихорадки,
Ещё угарный,
Потянусь к тетрадке,
Чтоб записать победное:
«Живу!»

Я коль живу,
То, значит,
И другой
Сумеет жить,
Переболев однажды.
Я нужен людям
Именно такой,
Каким сумеет быть
На свете каждый.

В ДЕРЕВНЕ

За окном
Густеет сумрак ночи,
Завывает дикий зверь в лесу.
Будто кто-то неумело точит
Острым камнем ржавую косу.

Стареньkim железом крыша крыта,
И под ней,
Увенчанный трубой,
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями и тобой.

Не журил никто,
Не утешает
И не покушается на честь.
И ничто на свете не мешает
Видеть мир таким,
Какой он есть.

Плох, хорош ли –
Никуда не деться,
Из него при жизни не уйдёшь,
Только знаешь,
Если приглядеться,
Он, по правде,
Всё-таки хорош.

Из борьбы,
Из сутолоки вечной,
Весь в крови, в поту,
Едва дыша,
Человек выходит человечней,
И душевнее его душа.

Холод пусть,
И не осилить дрожи,

Пусть всему живому нелегко,
Но в подойник
В этот холод всё же
Тёплое струится молоко.

Благодарный
Истинам открытым,
Снова я готов на жизнь и бой.
Хорошо на время быть забытым
Верными друзьями
И тобой.

* * *

Я ночь люблю за то,
Что в тишине,
Когда другие спят,
В постелях нежась,
Все звуки дня,
Гудевшие во мне,
Приобретают чистоту
И свежесть.

Я ночь люблю
За темноту её,
Когда ни звёзд
И ни луны при этом;
Люблю её за то,
Что в жажде света
Сильней горит
Сознание моё.

* * *

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал:
Все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь
С трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,
И сколько ни прошло бы их, –
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,
Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истощный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мяте же,

Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал – и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты всё-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила.

И голос твой
Меня увлёк...
Разгорячённого от бега
Ты привела на огонёк
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

* * *

В многомудром кураже
Знатоки и слов и слога
Говорят, что о душе
Говорю я слишком много.

Мудрость века вороша,
Похваляясь эрудицией,
Говорят, что ты, душа, –
Не душа, а только фикция.

Чем же ты нехороша
Тем, которые в бесстрастности
Говорят, что ты, душа,
Кем-то выдумана
В праздности.

Как им втиснуть
В мысль и в страсть,
Что в далёкой смутной вечности
Ты, родная, зачалась
Ради высшей человечности.

* * *

Я атеист и поэт,
Я жалею, что Бога нет.

Был бы мудрый,
Жил бы Всевышний,
Меньше бы бед
Случилось со мной.
Этот Всевышний
Был бы не лишний
Даже при наличии
Власти земной.

Я спросил бы:
«Великий Боже,
Как стишкы,
Скажи от души?»
И ответил бы Боже,
Похлопав в ладоши,
И сказал бы Боже:
«Пиши... Хороши!»

Но, увы!
Уже сколько лет
Есть Щипачев,
А Господа нет.

* * *

Я и эпик,
Я и лирик,
А могу и на трубе.
Каждый вечер панегирик
Сочиняю сам себе.

Каждый вечер говорю:
«Я тебе, Василий,
Сочиню и подарю
Стих ещё красивей».

И когда
Скажу вот так-то
И пишу, себя пьяня,
Появляется редактор,
Отрезвляющий меня.

* * *

Отдам народу
Сердце,
Руки,
Но только пусть не говорят,
Что я слуга народа...
Слуги
Всегда с хозяином хитрят.

* * *

Ну вот,
Опять я начудил,
Разлил себя,
Как пиво пеняясь.
Кто старость
В детстве ощущил,
Тот и до старости
Младенец.
Не торжествуй
И не стыди,

Иначе стану
Безрассудней.
Пусть виноват,
Но не суди,
И без тебя
Так много судей.
И без тебя,
В конце концов,
Найдётся тот,
Кто глянет строго.
Мне ль в мудрецы,
Ведь мудрецов
На всей земле
Не так уж много.
Мне жить,
Как пало на роду:
Расплескиваясь
И волнуясь,
С годами
В детство не впаду,
А если и впаду,
То в юность!

Я – СЛОВНО ДОМ...

Я – словно дом...
За беглецом – беглец,
В нём каждый год
Меняется жилец.

Сначала в доме
За его пазами
Жил мудрый мальчик
С тихими глазами...

Трудолюбивый,
Жадный до всего,
Всё в дом тащил
И украшал его.

Для бурь и стуж,
Предвидя с ними встречи,
Он душу сложил
В меру русской печи.

Когда оставил он
Своё жильё,
В его проектах
Уже было всё.

За мальчиком
Жил юноша в дому,
Во всем послушный
Мальчику тому.

Тот наказал взлететь
Во звёздный рост –
И юноша взлетел
Почти до звёзд.

Тот наказал не пить
И он не пил,
Табачным дымом
Стены не коптил.

И вдруг явился,
Не подав вестей,
Неукротимый
Человек страстей.

Дом задрожал
И загудел от встрясок,
От переделок,
Выпивок и плясок.

Ещё сырой,
Не выстоянный в лето,
Дом затрещал,
Огнями перегретый.

Не только в дом, –
Теперь страстью ведомый,
Жилец уже
Потаскивал из дома.

Но тут на смену
Жизни гулевой
Пришёл суровый
Мастер цеховой.

В нём уже всё –
Бунт сердца,
Крик души –
Смиряли
Заводские чертежи.

Те чертежи –
Дороги в бездорожье,
Как истины
Несовместимы с ложью.

Они учили
В тех хитросплетеньях
Мир прозревать
Во многих измереньях.

И лишь потом,
Познавший тайну эту,
Я дал себе
Прибежище поэту.

Мечтатель,
Истязатель сам,

И кроме –
Он всех вернул,
Кто жил однажды в доме.

Всех,
Всех вернул,
Смешал в себе охотно –
И мальчика,
И лётчика,
И мота.

Он мог весь дом
На брёвна раскатить,
Чтобы дорогу к милой
Намостить;

Мол, как Нерон
С потёмками в мозгу,
Полдома сжечь,
Чтоб осветить строку.

Душа поэта
Где-то кочевала,
Случалось,
Что в дому
Не ночевала.

Поэт строчит,
Пыхтит,
Дымит
К тому же, –
Поэту хорошо,
А дому – хуже.

Старело всё,
Что прошлое скопило:
Кривились стены,
Падали стропила.

Венцы в беде.
Сменить бы два венца
И снова ждать
Хорошего жильца.

Глава 4 **МНЕ Б, НЕ ГОРБЯСЬ** **ПОД НОШЕЮ...**

* * *

Не хватит
Срока моего.
Все требует
Меня всего.

Жена – всего,
Стихи – всего,
И даже мой «Урал»

Стрекочет,
Чтобы я его
Всю жизнь
Не покидал.

Друзья – всего,
Враги – всего.
Не хватит
Срока моего.

* * *

Дымок свивается в колечки...
Должно быть, начал я стареть,
И потому, присев у печки,
На огонёк люблю смотреть.

Горят сосновые поленья,
Дрожит на них огонь,
И мне
Далёкой юности виденья
Являются на том огне.

Трещат дрова.

При каждом звуке
За огненною белизной
Я вижу, как ломает руки
Любовь, покинутая мной.

Почудится:
Огня извивы
Ей молодое тело жгут.
И станет на душе тоскливо,
Как будто вызван я на суд.

Гляжу,
Уставясь без улыбки
В лицо косматого судьи,
И вижу все свои ошибки,
Все заблуждения свои...

Но вот
И печь отрозовела,
Кудряшек дымчатых не вьёт...
И всё, что мучило –
Сгорело,
А что не мучило –
Живёт.

* * *

Мы постареем.
Может статься,
Мы слишком рано поседеем,
Но мы,
По совести признаться,
Претензий к жизни не имеем.

С отцами
Не были мы в ссоре,
Что приняли от них не рай.
Мы жили.
Радости и горя –

Всего нам было через край.
О, сколько нужно сил весенних,
Чтоб оказалось по нутру
При всех тяжёлых потрясеньях
Стоять на мировом ветру!

Через солёные моря
Людской крови,
И слёз,
И пота
Мы путь прошли от буквarya
До межпланетного полёта.

И пусть нас недруги корят,
И пусть пророчат нам забвенье.
Мы жили.
В поздних поколеньях
Ещё о нас поговорят.

* * *

Все замечают:
Я дobreю.
Не понимают,
Что старею.

Друзья,
А что здесь понимать,
Умрём – аукай не аукай!..
Как перед вечною разлукой,
Мне хочется
Всех обнимать.

Не полукавить,
Не польстить,
Нет, нет, но тем, что досадили,
Сегодня хочется простить,
Простить,

Чтоб и меня простили.
Наглеют
Недруги-враги,
Заметив в буйных прядях проседь,
Друзья мои, пора отбросить
Раздоров наших
Пустяки.

Любовь и дружба –
Вот блаженство!
Мне даже кажется, ей-ей,
Почти что верхом совершенства
Скандалный
Марков Алексей.

Все замечают:
Я добрею.
Кто знает,
Может быть, мудрею.

* * *

А я когда-то думал,
Что седые
Не любят,
Не тоскуют,
Не грустят.
Я думал, что седые,
Как святые
На женщин
И на девушек глядят.

Что кровь седых,
Гудевшая разбойно,
Как речка,
Напоившая луга,
Уже течёт

И плавно,
И спокойно,
Не подмывая
В страсти берега.

Нет,
У седой реки
Всё то же буйство,
Всё та же быстрина
И глубина...
О, как меня подводит седина,
Не избавляя
От земного чувства!

* * *

Мне сказали:
Полно, море смоет
Боль обид
И пыль земных дорог.
Мне сказали:
Море успокоит
Ото всех прилипчивых тревог.

Вот и море!
Вот оно волною,
Гальками прибрежными шуршит.
Ничего, что пережито мною,
Не смывает –
Только ворошит.

* * *

Весь отцвёл,
Поседел, постарел...
До того постарел –
Если женщина
Ночью приснится,

То поутру болит поясница.

* * *

Есть разная
На свете тишина.
Есть тишина,
Когда молчит жена,
Молчат соседи
После бурной ссоры.

Есть тишина,
Когда, истогнув чад,
Отгрохотав,
Надолго замолчат
В огне и дыме
Рухнувшие горы.

Есть тишина могилы.
Страшно вроде,
Но пострашнее
Тишины могил
Та тишина, когда
Во всей природе
Наступит равновесье
Вечных сил.

Та тишина,
Всевластная,
Большая,
Когда природа,
Как судья, молчит,
Но и своим молчаньем
Вопрошает:
Послушаем,
А что в тебе звучит?

В чужих страстях

Прослыть нетрудно
Страстным,
Прослыть певучим,
Когда я пою.
Ты музыку
Стихий моих
Стогласных
Не принимал ли глухо
За свою?

Страшней всего
К такой большой тиши
Прийти однажды
С тишиной души...

* * *

Душа родная,
Что с тобой?!

Наш горький век –
Не век Перикла,
Наш горький век –
Всё время бой.
Ты ужаснулась
И притихла.
Душа родная,
Что с тобой?!

Душа родная,
Будь собой!
Не заблуждай себя
Минувшим.
В минувшем был
Всё тот же бой
И боль была.
Так перед лучшим,
Душа родная,

Будь собой!

* * *

Гордиться?
Чем?
Стихом?
Едва ли!
Уж лучше нищему – сумой.
Меня словами награждали
Все говорившие со мной.
Я строчкой этой,
Мыслью этой
Лишь занятое отдаю.
Ты,
Он,
Весь мир
И вся планета
Работали на мысль мою.
Любовью,
Счастьем,
Строчкой,
Книгой
Дань отдаю другим творцам.
И даже ненавистью дикой
Я весь обязан подлецам.
Я весь в долгах,
Куда ни сунусь,
Повсюду забрано вперёд.
Минули
Отрочество,
Юность,
Приходит зрелость...
Долг растёт!

* * *

Если что случится –
Да хранись от зла! –
Уходя в больницу,

Сделай все дела.
Чтобы сердце грелось –
Нежность торопи.
Если не успелось –
Объяснись в любви.

Поступись в гордыне,
Снизойди до птиц:
Семечками дыни
Угости синиц.

Плюнь на все бумаги,
Пылью не тряси.
Сироте-собаке
Кости отнеси.

Выходя из дома,
Брось поклон земной
Всем, всему живому,
Бывшему с тобой.

Если жив останешься,
В этом не раскаешься.

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

B. B. Костоглодову

Не по своей вине
Мои стихи и песни
Несут со славой мне
Бесславные болезни.

Не благо,
Что пиит,
Что есть огонь наитий.
Здесь мой дуадинит

Всех строчек знаменителей.
Во мне
Для ваших глаз
Закреплены фиксажем
Воронки старых язв,
Как лунные пейзажи.

Напрасно я потел,
Мой доктор досточтимый,
Когда лечить хотел
Весь мир неизлечимый.

Ах, в нём
То плач,
То стон,
В огне земля и небо.
Поздоровел бы он,
И я поздоровел бы.
Пока в нём
Много слёз,
Страданья и мученья,
Мне не в коня овёс
Хорошее лечение.

Вы лечите меня,
Меж тем
Всё полновесней
Взамен меня моя
История болезни.

* * *

Сроками,
Остатними годами
Я как зверь,
Обложенный флагжками.

Время,

Что загонщик,
С криком, стуком
Дни и ночи
Держит на бегу.
Всё пытаюсь
Вырваться из круга,
Но, как прежде,
Остаюсь в кругу.

Знаю,
Мне, матерому, известно:
Выход есть из круга,
Есть тропа...
Но незафлажкованное место
Сторожит
Охотница-судьба.

* * *

Что пользы
Вечно малым пробавляться:
Бояться жить
И умереть бояться!

МОЙ АДРЕС

Въезжая
На Кутузовский, уже
Вы гость мой,
Ибо, шумом оглоушив,
Вы будете въезжать
Мне прямо в душу
И славно ехать
По моей душе.

По ней,
Моей душе,

Машины мчатся,
Гудят,
Визжат,
Кудахчут.
Что ж, терплю.
Вы приезжайте,
Можете стучаться
И за полночь,
Я всё равно не сплю.

* * *

Мне житейская мудрость
Известна давно:
Грусть и боль –
Это сёстры незнанья.
Когда сердце
Всему вопреки влюблено,
А в ответ
И надежды любви не дано,
Вместо радости –
Только страданье.

Голос разума
Сердцу умолкнуть велел.
Не сержусь,
Что с тобою разняли.
Благодарен за то,
Что ты есть на земле,
Знал я то,
Что другие не знали.

Сердце было
Случайной улыбкой пьяно.
Счастье жду
Терпеливо опять я.
Когда ты на земле,
То возможно оно.

Ясным утром
Не веришь, что было темно,
Что у ночи
Мы были в объятьях.

Разум сердцу внушал:
Эту ночь не пройти,
Она землю
Кругом охватила.
Благодарен за то,
Что на трудном пути
Ты недолго,
Но ярко светила.

* * *

Мне куда-то надо скрыться,
Мне куда-то надо спрятаться,
Чтобы словом не раскрыться
До того, как слово скажется.

Мне куда-то надо деться
От пророчества вороньего,
Чтобы новой песне спеться
Без припева постороннего.

Но зато, чтоб стало это,
Сталось так, как должно статься,
С гордым именем поэта
Надо чаще расставаться.

* * *

До всенародного признанья
Пути заведомо трудны.
Поэт обязан
Жить в изгнанье,
Хотя б

От собственной жены.

* * *

Мне говорят: пиши!..
Твердят: пиши!
Писать бы рад,
Но, забывая дело,
Сижу пустой,
Как будто из души
В потёмках
Что-то вынуто,
Что пело.

Быть может,
Вовсе не желая зла,
Моей любви
Доверчивую пташку
Себе на память
Женщина взяла,
Когда я спал
С душою на распашку.

А если женщина
Здесь ни при чём?
А если...
Если,
В небесах плутавшим,
Душа убита атомным лучом.
Совсем случайно
На неё упавшим.

Не в том загадка:
Петь или не петь, –
А жить или не жить!..
Разгадка, где ты?
Ведь есть
Четыре стороны у света,
На все четыре

Надо поглядеть.
Всё оглядеть:
И Запад и Восток,
Но отыскать
Первопричину боли,
Чтобы в душе,
Как на бесплодном поле,
Высокой мысли
Выходить росток.

* * *

I. Мухачеву

Отцветает тополь,
Белый пух кружится.
Покружившись вдоволь,
На виски ложится.

Стал он сединою,
Этот пух крылатый...
Наконец-то мною
Найден виноватый.

* * *

В какие страны и края
Уходит молодость моя?
Когда бы знал туда я путь,
Пошёл бы я её вернуть.

* * *

Как в чаще,
В юности тревожной,
Не глядя слишком далеко,
О жизни думается сложно,

А совершается легко.
Зато теперь,
Как в старой роще,
Просторней стало и видней.
О жизни думается проще,
А совершается трудней.

* * *

Всё, что сказал –
Ценой седин.
Ценой моих страданий добыто.

У счастья не бывает опыты,
Для счастья год –
Как день один.

* * *

Я ваших сочувствий
Не слушаю,
Что из носу кровь потекла.
Борьба – это самое лучшее,
Что жизнь
Подарить мне смогла.

* * *

Хочешь ведать,
Как писалось?
На душе
За жизнь мою
Всё скипелось,
Всё слежалось.
Отколю –

И выдаю.
ТРЕТЬИ ПЕТУХИ

Сергею Воронину

Из ночи,
Из тьмы,
Как из берлоги,
Лезет нечисть
Отжитых веков.
Я боюсь устать,
Упасть в дороге,
Не дождавшись
Третьих петухов.

Но цветёт,
Цветёт,
Цветёт вдали
Розовый цветок
Большого роста.
Вся Земля в изъянах,
У Земли
Шелушится
Старая короста.

Путь её
Нелёгок
И непрост.
В распрях доброго
И злого духа
Так и жмётся
К частоколу звёзд
Со своею
Древней почесухой.
А душа?
Не для тебя ль,
Ранимой,
Розовый цветок

Вдали цветёт?
Жизнь прекрасна
И неумолима,
Жизнь через меня
Перешагнёт.

Всё перешагнёт,
Не медля в шаге:
Мерзость,
Подлость,
Смуты,
Мятежи,
Наше горе, слёзы,
Наши страхи,
Наши боли
Сердца и души.

У неё
Свои на счастье виды.
Через кровь пройдёт
До лучших дней...
Пусть!
Но как же
Все мои обиды
Примирить мне
С гордостью моей?

Как же
Перед нечистью
Не сдаться,
Не чертя
Спасительных кругов,
Как же мне,
Не уступив,
Дождаться
Предрассветных

Третьих петухов?

* * *

Всё чаще, чаще падаю,
Всё чаще грудь болит.
Уже вино не радует,
А только тяжелит.

Любил и пил запальчиво
И разгадал давно,
Что женщины обманчивы,
Как сладкое вино.

А жизнь была не гладенькой,
Не чистенъким кювет.
Уже кому-то дяденька,
Уже кому-то дед.

Здесь новые возможности.
Но горько между тем,
Поскольку к новой должности
Я не готов совсем.

* * *

По мере славы
И по мере дней
Всё больше у меня
Учителей.

Все знатоки,
И все чему-то учат
В одной надежде,
Что меня улучшат.

Один из них

Почти что приказал,
Чтоб не скудел мой стих
Строокою жгучей:
– Режь правду-матку
Недругу в глаза! –
А сам свои отвёл
На всякий случай.

Другой взывал
К таланту моему,
Слезой молил,
Чтоб нежным оставался.
– Да не хочу! –
Ответил я ему.
Он завздыхал:
– Так-так, уже зазнался!..

Вот и боюсь
Послушаться оплошно.
Учиться б рад,
Заучиваться тошно.

* * *

Сочиняем,
Пишем,
Строчим,
Заседаем.
Все – родня.
А в буфете, между прочим,
Смеляков, как строгий отчим,
Косо смотрит на меня.

От поэзии любимой
Отлучённый за грехи,
На базарах со слепыми
Стану петь свои стихи.

Не в ладах с литературой,

Братъ начну из добрых рук
Не деньгами, а натурой:
Сладкий блин
И горький лук.

Будут женщины к базарам
По дорогам грязь месить;
Обо мне, ешё не старом,
Разговоры разносить.

Пропою самозабвенно,
Зарыдав и загнусив,
Про любовь и про измены
На моей родной Руси.

Пропою про урожай
И про Вегу, как фантаст.
Глядь, какой-нибудь Державин
Заприметит
И воздаст.

И тогда,
Обретши слово,
Неподвластное суду,
С бородою Льва Толстого
К вам, товарищи,
Приду.

МОЙ ЧИТАТЕЛЬ

Не Богом кроен,
Не богиней шит,
Но и себе и прочим
Цену знает.
На вечерах
В восторге не визжит,
Перед начальством

Шапку не ломает.
Бывает часто,
Пышный переплёт
В себе скрывает скуку
Мысли тощей...
Поэта книгу,
Ставшую потолще,
Он, мой читатель,
Часто не берёт.

Нарядами
Его не проведёшь.
Он рано помудрел,
Борясь и строя.
Весёлый,
Дерзкий,
Как же он похож
На моего
Любимого героя.

Душою нежной,
Сердцем золотым,
Как в жизни,
И в моих стихотвореньях
Он не святой,
Поскольку стать святым
Ему и мне
Мешает нетерпенье.

Он в стих не лезет,
Как мальчишка в сад,
Чтоб вишнею неспелой
Насладиться,
А коль войдёт,
Не вытолкнешь назад,
А коль войдёт,

Заставит потрудиться.
А коль войдёт,
Войдёт не налегке,
Утяжелит
Лирическую тему.
Большой,
Он не поместится в строке,
Подай ему весь стих,
Подай поэму!

Пиши,
Волнуйся,
Мучайся,
Страдай,
Но молодому,
Поступаясь многим,
Не фифу,
А любимую подай.
Он жить в стихе
Не хочет одиноким.

Он к ней пробьётся,
В помыслах высок,
А без любви
Смиришь его едва ли:
Перемахнёт
Через заборы строк,
Барьеры рифм –
И поминай как звали.

С читателем,
А он во всём таков,
Свою мечту
Отыскивая в буднях,
Задолго до поэм
И до стихов
Встречались мы
На трудных перепутьях.

В дни горя,
В дни бесславья своего
Лишь в нём ищу
Надежду и опору.
Любовью
Дружбою
И даже ссорой
Я без уступки
Выстрадал его.

* * *

... Славлю новое словом,
Только больно до жалости,
Что и в юном, и в новом
Вижу много от старости.

Всё беру
С их настроем!
Пусть, кого ни увижу я,
Обернётся героем
Моего троекнижия...

К СТИХАМ

Не радуюсь
Высокому родству,
Смотрю я с болью
На поэмы эти.
Так смотрит мать,
Когда в семье растут
Большой любви
Глухонемые дети.

Не знаю,
Время ли тому виной,

Моя ли кровь,
Как знать,
Моё ли имя?
Вы научились
Говорить со мной,
Но, дети,
Надо ж говорить с другими.

Не избежать
Ни равнодушных глаз,
Ни строгих глаз,
Что видят все пороки.
Хорошие мои,
Быть может, вас
В чужой душе
Задержат на пороге.

Не обижайтесь,
Добрый мир широк,
Не бойтесь
Ни дождя,
Ни зимней стужи.
Возьмите от меня
Терпенья впрок,
К другим идите
И стучитесь в души.

* * *

Года мудрей,
А понимать трудней.
Живу м мучаюсь
В бессильной страсти,
Как скорбный Бог,
Что сотворил людей
И потерял над ними
Силу власти.

По мере дней
Ошибки всё видней.
Тем дальше истина,
Чем старше годы.
Не потому ль
Я так люблю детей,
Что дети ближе
К замыслу природы.

* * *

Мне б,
Не горбясь под ношью,
Надо с прежней охотой
Сделать что-то хорошее,
Сделать доброе что-то.

Мне б
Взрастить, что посеяно,
Ну хотя бы до всхода,
И уйти, как Есенину,
Под защиту народа.

Глава 5 НЕ СОБИРАЮСЬ ЖИТЬ В РАЮ...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Я сам себя судил,
И суд был очень строгим,
Перед тобой, народ,
Я провинился многим.

А начались грехи
Для молодых обычным:
Свой дар писать стихи

Считал я даром личным.
Второй мой тяжкий грех,
Прощавшийся другими:
Я думал, неуспех
Хулит моё лишь имя.

А недругов своих
Нападки злые встретив,
Я отступал от них –
И в этом грех мой третий.

Судьбу свою связав
С народною судьбою,
Я не имею прав
Пренебрегать собою.

АГАСФЕР

Цветистым узором
Вам жизнь начертила
Красивые будни
В спокойном пути,
А мне она в сердце
Смятенье вселила
И, как Агасферу,
Велела идти.

Иду.
Мне дорога
До боли знакома,
Сойти бы с неё,
Но – огни впереди,
И звёздная крыша
Вселенского дома
Мне давит на плечи
И шепчет: «Иди!»

Иду.

Эту скорбную ношу веками
Я гордо
По жалкой земле проносил.
Я шёл через смерть
Огневыми полями
И Жизни щадить
Никогда не просил.

И даже тогда,
Когда бренное тело
Запнётся о выступы
Вырытых ям,
То тень моя
Встанет из гроба и смело
Опять побредёт
По родимым полям.

* * *

В горячке
Выпил все отравы
До самой горькой и хмельной.
Капризы
И любви и славы
Уже не властны надо мной.

Ещё душа не долюбила,
Ещё до радостей горазд,
Но радостней того, что было,
Мне, знаю, жизнь уже не даст.

Случится, память потревожу –
Тогда, повторов не теряя,
Начну бояться быть похожим
В любви на прежнего себя.

И радость встреч,
И провожанье

Под невысокое окно
Вдруг огорчит,
Как подражанье
Чему-то бывшему давно.

А слава?
Кто-то стал спесивей,
Кого-то в ней не узнаём.
Она была куда красивей
В воображении моём.

Я представлял себе, как знойно
Горит над чубом славы круг.
Она была моим достойна
Воображаемых заслуг.

Иному без неё тревожно,
А мне с давно пережитой
Спокойно,
Ибо всё ничтожно
В сравнении
Со славой той.

Над глупым сердцем
Есть управа,
Над суетностью
Страж двойной.
Капризы и любви и славы
Уже не властны
Надо мной.

* * *

... В иронии
Не зацвести,
Как я, влюблённый,
Цвёл вначале.
Ирония – дитя печали,

Марьяна, милая, прости!
Теперь в конце
Вся жизнь видна.
Однажды сказано правдиво:
Любви несчастной нет, она,
Какой бы ни была, –
Счастлива.

Я радости не смог обрести.
Всё, что сказал,
Страданьем добыто.
У счастья
Не бывает опыта,
Лишь у несчастья опыт есть.
Я и другой открыл секрет,
Познав все горести и сласти:
Есть биографии несчастья,
У счастья
Биографий нет...

* * *

В небесах
Монотонные песни разлук...
От пустынных полей,
От холодной земли
Улетают на юг,
Улетают на юг,
Улетают на юг журавли.

Если сердце устанет
Стучать для людей,
Если страсти во мне откипят,
Призову лебедей,
Попрошу лебедей –
Пусть мне осень мою

Протрубыт.

* * *

В небе откружил,
В звёздах отлетал.
Горячо я жил,
Сердце потерял.

Шевелю губами,
Разучившись петь.
Не маши крылами,
Если не взлететь.

* * *

Что смерть моя?..
Она в беседе дружной
Не вызовет особых пересуд.
Друзья мои мой гроб единодушно
Поднимут за углы и понесут...

И понесут туда неторопливо,
Где от ветров состарились кресты...
Процессии навстречу выйдешь ты
И, как дитя, уставившись пытливо
На длинный гроб.
Уста наивно спросят:
– Не скажете ли мне,
Кого выносят?..

На твой вопрос
Наивный, но сердечный
Один, быть может, искренне вздохнёт:
– Ах, этот Мир, в котором всё не вечно!
Хорошая, здесь уместился тот,
Которому повсюду было тесно,

Так тесно было, так нехорошо...
Он широту искал – и вот нашёл.

А что ещё, не знаю, но известно,
Как с нежностью почти что неземной
Он говорил о Девушке одной...

Ты бред мой
В изложении убогом,
Лишённым даже малых подоплёк,
Завистливым, быть может,
Встретишь вздохом,
Хотя тебе и будет невдомёк,
Что это я в предгробовой судьбе
На смертной грани думал о Тебе.

РЕКВИЕМ

Я устал сражаться
с химерами.
Ж.-П. Марат

Пусть!..
Мы друг друга
Разлюбили.
Но Жизнь мою,
Любовь мою
Не торопись
Толкать к могиле, –
И так качаюсь
На краю.

Мне было трудно,
Но упрямо
Я долго ждал
Судьбы иной...
Не вышло.
Пусть из тёмной ямы

Повеет смертной тишиной.
Я, в Счастье
Веривший глубоко,
Себя от счастья
Отрёшил.
Уйду из Жизни
Без упрёка,
Довольный тем уже,
Что жил.

Всё унесу:
Свои страданья,
Виной которых – я и ты,
Неутомлённые желанья
И оскорблённые мечты.

Всё унесу,
Как добрый гений,
Привыкший к тяжести земной.
Всю горечь
Многих заблуждений
Ты можешь схоронить
Со мной.

И не жалей!
В потере – малость!
Не мучь себя
И не вини.
Свою коротенькую жалость
Со мною вместе схорони.

Забудь могилу –
Будь же стойкой!
Когда-нибудь, ломая твердь,
Вблизи её начнётся стройка
И ты приедешь...

Поглядеть,
Как экскаватор
Полной горстью,
Легко разворошив погост,
Мои изломанные кости
Швырнёт
На глинистый откос.

Тогда, выдерживая почерк, –
Да снизойдёт
К тебе твой дар! –
Напишешь ты
Свой лучший очерк,
Потом...
Получишь гонорар.

* * *

Как стану умирать,
Бог даст, не на миру,
Не подходи ко мне,
Являя сердца живость,
Не оживляй во мне
Мою стыдливость,
Вдруг застыжусь тебя
И – не умру!

* * *

Как умру,
Моё забудь ты имя.
После ласк
В полночной тишине
С лучшими, чем я...
Да, да, с другими

Говорить не надо обо мне.
Жёны о мужьях,
Чтоб стыд утишить,
Нежно говорят, других любя.
Мне,
Когда случалось это слышать,
Больно было так,
Как за себя.

Если спросят,
Что так мало жил я,
Ты в своём ответе не таи
То, что я страдания чужие
Принимал всё время,
Как свои.

* * *

Я не завидую орлам,
Парящим в небе голубом.
Я сам бываю часто там,
Где видно на сто вёрст кругом.

С невероятной высоты,
Где кровь хмельная бьёт в виски,
Земной не видя красоты,
Я, верно, умер бы с тоски.

Любые страхи нипочём,
Но я страдал,
Когда внизу
Река казалась мне ручьём,
А пруд похожим на слезу.

И даже город мой мельчал
И становился всё бедней.
Я с высоты
Не замечал

Снующих по нему людей.
Я с неба совершил побег.
Меня оттуда вниз несло,
И всё, что создал человек,
Опять росло,

р о с л о,
р о с л о...

Я не завидую орлам.
Земной – с земли не убегу.
Я человеческим делам
Не удивляться
Не могу.

* * *

Не пойму,
Что такое со мной?
Моя грусть,
Моя боль безутешней.
Я какой-то иной:
Хоть земной,
Но чужой
И почти что нездешний.

Не пойму
Ваших жестов и слов,
Когда разум
Скорбит, потрясённый.
Я от звёзд,
Я от гибких миров
Чужедальней пыльцой
Занесённый...

Не пойму,
Почему я такой,
Ножевой,
Безответно-вопросный.

Часто мучаюсь
Смертной тоской,
Весь измаянный
Памятью звёздной.

Будто кто-то толкает:
Бери же разбег
И верни себя
Звёздной пучине.
Может, память
Бросает на брег
И дельфина
По той же причине?

Не зову тебя,
Мрачный финал.
Боль и грусть
Мне давно надоели.
Может, это не грусть,
А сигнал
О невзгодах
В земной колыбели?

1982

ОБЛАКА

Всё небо в ярком звёздном свете.
Хоть и богат его наряд,
Я равнодушен... Блестки эти
Мне ничего не говорят.

Не поддаётся измеренью
Вся высота его, пока
Не заскользят угрюмой тенью

Предгрозовые облака.
Я светлым быть хотел.
В начале
Умел я сердце охранять,
Но жизнь без горя и печалей
Мне трудно было бы понять.

* * *

До того,
Как средь множества прочих
На твоей появиться земле,
Мимо звёзд, набежавших из ночи,
На стальном я летел корабле.

Наши сроки межзвёздные кратки:
Там минута – здесь жизнь.
Не таю,
Лишь на время одной пересадки
Забежал я на землю твою.

Забежал,
У огня отогрелся
И так многое сделать хотел,
Но в глаза я твои загляделся
И успеть
Ничего не успел.

А меня уже –
Ты ведь не слышишь –
Мой корабль отдыхнувший зовёт;
Тише ветра,
Дыханиятише
Он сигналы свои подаёт.

И хочу я,

Согласно науке,
Чтобы ты уже с первого дня
Бесконечной
Последней разлуки
Улетевшим считала меня.

* * *

Не собираюсь
Жить в раю,
Да и в аду, поверьте,
Но, смертный,
Всё же признаю
Своей души
Бессмертье.

Она, как тело, не умрёт,
Она за телом не пойдёт,
Зачем душе такое тело?
Она, как душам долг велит,
Покинув тело, отлетит,
И примется за то же дело.

Начнёт она везде летать,
Мои творенья объяснять.
Чужда дешёвенкой эстрады,
Начнёт она творить добро
За критиков и за бюро
Литературной пропаганды.

Итак, душа
Живёт, дыша,
Бунтуя в смертном теле.
Умру,
Но будет жить душа
При том же

Умном деле.
ПОСВЯЩЕНИЕ МАТЕРИ

Фёдоровой
Ульяне Наумовне

К МАТЕРИ

Говорила о юности,
Вспоминала без радости
Свою юность отцветшую
Моя старая мать.
Говорил ей: не юность ли?
Повторял ей, не радость ли,
Если песню весёлую
Можно вновь запевать.
Не уйдёшь недолюбленной,
Не уйдёшь недоласканной,
И о прожитом станешь ли
Горевать и рыдать?
Говорю ей, не радость ли?
Повторяю, не счастье ли?
Если нам твои горести
Не пришлось повторять?
Скорби сердца не выбиться
Криком чайки подстреленной.
Счастью яркими перьями
В темноту не взлететь.
Что ни час, то красивое,
С каждым днём всё уверенней
По дороге намеченной
Мы идём молодеть.
Не вздыхай по ушедшему –
По истоптанной юности.
Радость в домик наш просится,
Принимай её, мать!

(Стихотворение опубликовано
в Иркутской областной газете
«Советская молодёжь»)

18 января 1940 года)

МАТЕРИ

Есть такой порыв неодолимый,
Когда всё высокой страстью дышит
Пишет сын стихи своей любимой,
Только писем
Он тебе не пишет.

Не писать же в них,
Что не на шутку,
Как отец кулачный бой и пьянку,
Полюбил он вопреки рассудку
Лёгкую, как ветер,
Москвитянку.

Вся она
Сплошное заблужденье.
Нужно – до чего невероятно! –
Возвратиться с ней
К её рожденью,
А потом
Вести её обратно.

Верю я,
Что люди очень скоро
Подобреют в мудрости глубокой,
Но любовь, как яблоко раздора,
Навсегда останется
Жестокой.

Ты прости,
Совсем небоязливым
Прикоснулся я
К такому стану
И такому сердцу,
Что счастливым
Никогда, наверно,

Я не стану.
СОВЕСТЬ

Упадёт голова –
Не на плаху,
На стол упадёт,
И уже зашумят,
Загалдят,
Завздыхают.
Дескать, этот устал,
Он уже не дойдёт...
Между тем
Голова отдыхает.

В темноте головы моей
Тихая всходит луна,
Всходит, светит она,
Как волшебное око.
Вот и ночь сметена,
Вот и жизнь мне видна,
А по ней
Голубая дорога.

И по той,
Голубой,
Как бывало,
Спешит налегке,
Пыль метя подолом,
Пригибая берёзки,
Моя мама...
О, мама!
В мужском пиджаке,
Что когда-то старшой
Посыпал ей из Томска.

Через тысячи вёрст,

Через реки,
Откосы и рвы
Моя мама идёт,
Из могилы восставши,
До Москвы,
До косматой моей головы,
Под весёлый шумок
На ладони упавшей.

Моя мама идёт
Приласкать,
Поругать,
Побранить,
Прошуметь надо мной
Вековыми лесами.
Только мама
Не может уже говорить,
Мама что-то кричит мне
Большими глазами.

Что ты, мама?
Зачем ты надела
Тот старый пиджак?
Ах, не то говорю!
Раз из тьмы непроглядной
Вышла ты,
Значит, делаю что-то не так,
Значит, что-то
Со мною неладно.

Счастья нет.
Да и что оно!
Мне бы хватило его,
Порасчётливей будь я
Да будь терпеливей.
Горько мне оттого,

Что ёщё никого
На земле я
Не сделал
Счастливей.

Никого!
Ни тебя
За большую твою доброту,
И ни тех, что любил я
Любовью земною,
И ни тех, что несли мне
Свою красоту,
И ни ту,
Что мне стала
Женою.

Никого!
А ведь сердце весёлое
Миру я нёс,
И душой не кривил,
И ходил только прямо.
Ну, а если я мир
Не избавил от слёз,
Не избавил родных,
То зачем же я,
Мама?..

А стихи!..
Что стихи?!

Нынче многие
Пишут стихи,
Пишут слишком легко,
Пишут слишком уж складно...
Слышишь, мама,
В Сибири поют петухи,
А тебе далеко
Возвращаться

Обратно.
Упадёт голова –
Не на плаху,
На тихую грусть...
И пока отшумят,
Отгалдят,
Отвздыхают, –
Нагрущусь,
Настыжусь,
Во весь рост поднимусь,
Отряхнусь
И опять зашагаю.

1964

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ

«Мама,
Милая мамочка!» –
Много дней повторял.
Хлеб давали по карточкам,
Я же их потерял.

Тридцать лет,
Как упрямо
Не роднюсь с той порой,
Десять лет моя мама
Спит в могиле сырой.

Мама,
Милая мамочка,
С горя сердцем остыл,
Когда хлебные карточки
В старой книге открыл.

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

МАРЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

1

Одна, последняя верста...
Вот с высоты горы отлогой
В широкую ладонь моста
Упала узкая дорога.

Где, выступая с двух сторон,
Деревья, точно на параде,
Всей тяжестью душистых крон
Касались тонких перекладин;

Где на высокую дугу
Завился хмель, созревший в пору.
И я уже почти бегу
По травяному косогору.

Меня прохладою обдав,
Ручей примчался на братанье.
Гремела светлая вода,
Как будто по моей гортани.

Ручей, играя, то сверкал,
То меж ветвями хоронился,
Являлся, искры высекал
И мчался дальше...

Я склонился
Так низко, что была видна
Вся глубь.

Я посмотрел – и замер:
Не детство ли моё со дна
Глядело ясными глазами,
Забытыми давным-давно?

Губами в дрогнувшие губы
Я неотрывно впился,
Но
Лицо перекосилось грубо
И потонуло...

Долго вниз
Глядел я, затаив дыханье, –
Там плыл смородиновый лист,
Кружка мои воспоминанья.

* * *

За лесами ли, за горами ли,
Будто с милой вновь сидим
Неподвижно, точно замерли,
Настороженно глядим,

Как высокою травою
Пробираясь в ранний час,
На дорогу вышли двое,
Так похожие на нас.

Впереди мальчишка смелый –
Не мальчишка, а гроза.
У него спадает белый
Чуб на серые глаза.

А у девочки по ситцу
Быются тёмные косицы.

Дни летят, как птицы в стае,
Соблюдая свой черёд...
Смотрим, парень подрастает,

Видим, девушка растёт.
Стали косами косицы,
Превратилась тропка в путь...
Но любовь, что часто снится,
Паренёк ещё боится
Поцелуем отпугнуть.

И стоит он безответно...
Мне бы, той межой скользя,
Подойти и незаметно
Подсказать бы, да нельзя.

Подсказать бы, что в разлуке
Будут раны, будут швы,
Будут всяческие муки,
Будет горе...
Что же вы?!

У синеющих отрогов,
На границе двух долин
Их широкую дорогу
Расколол зелёный клин.

К верстовым далёким знакам,
Подставляя ветру грудь,
Он пошёл широким шагом, –
И его не повернуть.

Мне прибредилось, приснилось,
Как, печальная, она
Незаметно растворилась
В голубом разливе льна.

Лён слепит голубизною
И качается врасхлёст...
Никого передо мною:
Лишь ручей

Да старый мост.

* * *

Как тягостного разлученья
Необходимые посты,
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

Они дороги наши сводят
На брёвна, павшие внакат;
По ним всегда вперёд уходят,
Но не всегда идут назад.

Мост старили дожди и ветры,
Но я нашёл и оглядел
Давно оставленные меты,
А свежих не было нигде.

Как в летопись,
По старым пятнам
Вписал я всем чертям назло:
«Домой вернулся в 45-м...
А ниже – месяц и число».

В раздумье
Я сидел на слеге.
Мне слышался издалека
Неторопливый скрип телеги
И стук пустого котелка.

Мне слышалось воды теченье,
Заворожившее кусты.
Полны великого значенья
Простые сельские мосты.

* * *

А ветер, вея, льнул к лицу,

Шептал тихонько: «Насовсем ли?»
Допрашивал, взметнув пыльцу:
«Не позабыл ли нашу землю?»

Обидно было, что нельзя
Налюбоваться вдоволь ею.
Хотелось показать друзьям,
Где я живу и чем владею.

И огорчало лишь одно:
Пять лет назад вон там бескрайно
Синело озеро...
Оно,
Невозмутимое, как тайна,
Теперь травою заросло,
Осокой заросло зелёной.

И всё-таки в своё село
Входил я,
Встречей окрылённый.

* * *

Домой уже брели стада,
Подёрнутые дымкой смутной,
Когда надвинется страда,
То улицы совсем безлюдны.

Лишь марьевские кузнецы
Стучат упрямо молотками.
Зато поля во все концы
Как бы усеяны платками.

Лучи косые вдруг блеснут,
Как будто, уходя с покоса,
Колхозницы домой несут

Зарю вечернюю на косах.
Мне трудно было бы узнать
Черты покинутой подруги.
Но мать... Ко мне шагала мать,
Раскинув для объятья руки.

В лучах зари она росла,
На холм входя тяжеловато, –
Казалось, на плечах несла
Всю тяжесть позднего заката.

2

Верила всё, что дождётся, –
Мать не умеет иначе.
Плачет, когда расстается,
Встретится – тоже поплачет.

С прежнею вносит заботой
Старую ложку и вилку,
Будто пришёл я с работы
От полевой молотилки.

Будто пришёл я и надо
Прежде поесть и напиться –
Просто пришёл из бригады
В дядькиной бане помыться.

– Вот!..
Помоги-ка, сыночек!.. –
Вынесла, виданный с детства,
Жёлтый такой туесочек,
Круто промазанный тестом.

– Выпей!.. –
За сердце хватает
Сок, побежавший сильнее.
Пью я, а мать наблюдает

И почему-то пьянеет.
Вот он, мой дом!
Почему же
Верит душа и не верит?..
Стали и ниже и уже
Настежь открытые двери.

Тётка Агаша в просвете,
Меж косяками дверными, –
Вся как на старом портрете,
Только с чертами иными.

Сердце от жалости стынет,
Глядя на скорбные руки...
Думал, что спросит о сыне,
Думал, что спросит о друге.

Вот, отойдя понемногу,
К маме она обратилась:
– Анна, какому ты Богу
Так терпеливо молилась?

* * *

А где-то рядом, за окном,
Играет гармонист
О том, что с веток, невесом,
Слетел последний лист.

Вослед стремительным годам
Он кружится,
И пусть
По тонко тронутым ладам
Перебегает грусть.

Ах, не грусти ты и не тронь
Потерянных имён,
Косноязычная гармонь

Неведомых времён!..

* * *

На горьком аромате трав
Настоян был горячий воздух.
Как прежде, голову задрав,
Гляжу на марьевские звёзды.

Не надо б,
Но глаза ксят,
Глаза глядят не наглядятся...

Моё хозяйство! Пусть висят,
Когда-нибудь и пригодятся.

Мне, видевшему столько зла,
Что мне теперь миры иные!
До звёзд ли, если есть дела
Первостепенные, земные!

Она, мол, ждёт, сказала мать,
И я иду по старым тропам
И начинаю привыкать,
Как пахнет тмином и укропом.

Широкая тропинка та
Казаться стала узкой-узкой...
Вдруг распахнулась темнота
Мелькнувшей рядом белой блузкой.

В тот миг не видел ни лица,
Ни чёрных кос, сплетённых туго,
Не мы сначала, а сердца
Узнали в темноте друг друга.

Крылами рассекая мрак,
Над нами птицы пролетели,
Так хорошо и чисто так

Давно-давно мы не глядели.
Сказал, что лучшей не встречал
Я в землях русских и нерусских.
Как будто ветер закачал
Цветы, расшитые на блузке.

И сразу замерли цветы,
Когда, склонившись к ней, красивой:
– Другого не любила ты? –
Некстати так её спросил я.

Горячую струну лишь тронь,
Струна заплачет и застонет...
– Ты что!.. – И девичья ладонь
Сказала всё моей ладони.

3

Не гость,
Не какой-то прохожий
Когда-то я здесь вырастал.
Чем дальше мы шли, тем дороже
Нам были родные места.

Мы шли на крутые отроги.
Мы шли по долине,
И нас
На пыльной широкой дороге
Шумливый догнал тарантас.

– Садитесь!..
На свадьбе на вашей
Вина с медовухой попьём!..
– На вашей на радости, Маша,
Мы грустную песню споём...

«Я на горушке стояла,
Я Егорушку ждала,

Кашемировым платочком
Я помахивала.
Молодова, удалова
Я приманывала.

Прилетели наши гуси,
Гуси серенькие,
Помутили гуси воду,
Воду светленькою.

Зачерпнула я ведёрком
Воду мутную,
Понесла я свою долю,
Долю трудную...»

Мне больно и страшно обидно,
Что в тесном кругу среди них.
Как прежде, бывало, не видно
Соперников гордых моих.

Я в жизни своей необычной
Себя не старался спасти.
Прости меня, друг закадычный,
Мой верный товарищ, прости!

Я знаю, печальная доля –
От ратных трудов отдохать.
Не жаль тебе спелого поля,
Не сеять тебе, не пахать...

* * *

С пылью на лапчатых шинах,
Все довоенной поры,
Грузные автомашины
Мчались на гребень горы.

Словно узор рисовали

На подорожной пыли.
Вырвались, побуксовали
И потерялись вдали.

От молотильной бригады
Автомашинам вдогон
Пёсткая шла кавалькада,
Пересекая загон.

* * *

Коровы круглогие
Домой везут воза,
Полуприкрыв широкие
Печальные глаза.

Трава густая снится им,
Зелёная скользит
За тёмными ресницами,
За длинными...
Вблизи,
Спокойная, вся белая,
Раскланялась со мной.
Мол, видите, что делаю, –
Приходится самой.

Что трудности имеются,
Понятно даже ей.
Мол, время ли надеяться
Теперь на лошадей?

Работа напряжённая!
При деле при таком
Она и запряжённая
Всё пахнет молоком.

О том, чтоб не работала,
Вернула прежний вид,
На белой шее ботало,

Что колокол, гудит.
И звон тот не утишился
И не ушёл на спад –
Он долго-долго слышался,
Тревожный, как набат.

* * *

И вскоре,
Молчанье нарушив,
У Маши спросил я, упрям:
– Зачем, бередя мою душу,
Ты водишь меня по полям?
Не рад я такому показу,
Его нелегко перенесть...

Сказала:
– Чтоб сразу...
Чтоб сразу...
Увидел ты всё, что ни есть.

Чтоб не было места укорам,
Что встретил меня не в раю...—
Мы вышли к мосту, на котором
Оставил я надпись свою.

Сказал,
Что слова не сотрутся
Под ливнем, какой бы ни шёл.

Сказал, что герои вернутся,
Что будет опять хорошо.

Сказал,
Что они не забыли
Крестьянскую сладость труда...
И слышу:
– Они приходили...

Ушли, не оставив следа...

Нахмурила строгие брови,
Продолжила с болью она:
– Ты прав, приходили герои,
Мы видели их ордена...

Ты прав, они храбро сражались
И кровь проливали не раз...
Там смерти они не боялись,
А здесь, о себе лишь печались,
В заботах оставили нас.

Я понял:
У женщины право,
У женщины высшая власть.
О женщины!
Русская слава
Под сердцем у вас зачалась.

Красавицы русских селений,
Из вас поклонюсь я любой
За то, что судьба поколений
Становится вашей судьбой.

Я слушал упрёки подруги,
Целуя под аркой моста
Её грубоватые руки,
Сказавшие правду уста.

4

Казалось мне,
Что воздух пашен
Меня, пришедшего, обмыл.
Я чище сделался и даже
Ещё влюблённее, чем был,

В свои поля,

В простор бескрайний,
Покрытый дымкою слегка,
В неповоротливость комбайна,
Идущего издалека.

Ему легко,
Ему просторно!
И, чувствуя земную дрожь,
Волнуясь, перед ним покорно
Склоняется густая рожь.

Он движется
Всё торопливей,
Врезаясь в голубой проём.
Он тонет в золотом заливе
Необычайным кораблём.

* * *

Сердце моё отвердело,
Руки окрепли в боях.
Нас оторвали от дела
На неоглядных полях.
В тёмножелезные ночи
В дальней немецкой стране
Стали мы, нет, не жесточе...

Дайте рукою рабочей
К миру притронуться мне!

* * *

Мотор движения просил
Настойчиво, до дрожи страстно.
Все сорок лошадиных сил
Вдруг двинулись вперёд согласно.

Комбайн, качаясь, описал

Широкий круг.
Без возраженья
Нескошенная полоса
Попала в наше окруженье.

Мне слаше музыки был звук,
Которого давно не слышал.
Чем уже становился круг,
Тем солнце опускалось ниже...

И ночью
Явно неспроста,
Над головою нашей свесясь,
Выглядывал из-за куста
Наш с Машею
Медовый месяц.

На терпком аромате трав
Настоян был горячий воздух.
Как прежде, голову задрав,
Гляжу на марьевские звёзды.

Не надо б,
Но глаза косят,
Глаза глядят не наглядятся...
Моё хозяйство!
Пусть висят –
Я ж говорил, что пригодятся.

1946

МУЗА

В деревне
Пустовали гумна.
Лицом смуглa и тёмно-руса.
По зреющим полям бездумно

Бродила марьевская Музा.
Был зной.
Трава от зноя вяла.
Полями, тропами лесными
Брела и землянику мяла
Она подошвами босыми.

И останавливалась часто,
И снова шла...
В разгаре лета
Среди таких, как я, вихрастых
Искала своего поэта.

Быть может,
И прошла бы мимо,
Но рожь, стоявшую стеной,
Раздвинула, ещё незрима,
И наклонилась надо мною.

С тоскою глядя, ворожила...
Меня в моё девятилетье
На чуткость испытать решила –
И, чуткий,
Я её приметил.

Стояла
Скорбная такая!..
Вперёд как будто поглядела
И, на тревоги обрекая,
Уже заранее жалела.

Миг –
Что зерно.
Вся жизнь в том миге.

В глазах печального свеченья
Легко, как по раскрытой книге,

Прочёл я тайну обреченья.
«Мир повстречает новостями,
Но ты полюбишь эти земли,
Душою,
Телом
И костями
Почувствуешь ржаные стебли.

По жизни всей – до поседенья
Ты пронесёшь в душе пытливой
Мучительное изумленье
Судьбой крестьянки
Терпеливой».

И вот
Глаза уже иные:
«Дитя земли и революций,
В тебе все радости земные
Одною радостью вольются.

Дитя голодного сусека,
От всех невзгод
Возьмёшь ты долю;
Дитя мечты,
Все боли века
Войдут в тебя одною болью.

На все обиды и утраты
Гляди, преодолев страданья,
Как на торжественную плату
За свет
Душевного познанья.

Ты больше всех
Меня полюбишь.
Всю жизнь свою
В любой прохожей
Искать похожую ты будешь,

Но так и не найдёшь похожей.
За тяжесть, что тебя не в меру
К земле пригнёт
И горем тронет,
Я дам тебе такую веру,
Перед которой
Горе дрогнет».

Не знаю,
За какие вины,
Печалью глаз
И губ дрожаньем
Она раскрыла мне глубины
Своих земных переживаний.

Моя крестьянская, босая,
Прощально, помню, улыбнулась,
Перед глазами угасая,
Ушла...
И только рожь качнулась.

Всё – было.
С головой седою
Играть ли в рифмы,
Как в игрушки?
Всё это было за Удою,
У старой
Дедовой избушки.

1960

ОТЕЦ

Мой отец
Конокрадом не был,
Как ходила молва тех дней,
Просто слишком уж работелно

Он всю жизнь
Любил лошадей.
И меняться
И торговаться
С видом хитрого знатока.
Всё хотел отец доменяться
До орловского рысака.
Всё хотел,
Чтоб копыта били
Гулко, до неба,
Как в мороз.
Доменялся же до кобылы,
Что потом отвели в колхоз.

О, знаток
Лошадиных граций,
Он к тому же играл, как бес.
Всё хотел отец доиграться
До каких-то больших чудес.
Всё он верил,
Что за червонцем
Грив колышется ореол,
Что к ногам,
Поиграв на солнце,
Упадёт золотой орёл.
Всё он верил
Той подлой карте,
Что доводит до маэты.
Так однажды
В слепом азарте
Проиграл горюн хомуты.

Не по низкой
Своей культуре,
А по-моему, верняком,
По широкой своей натуре
Был родитель мой игроком.
В играх силою он хвалился,

К супротивнику став лицом,
Но не дрался,
А только бился
И боролся
Честным борцом.
На весёлой
На русской пасхе
И на празднике уразы,
Соблюдая устав татарский,
Забирал мой отец призы.

Эх вы, эх,
Золотые гривы,
Гривы синие, как туман!..
И ходил мой отец счастливый
И мечтал обхитрить цыган.
Подвела не гулянка-пьянка,
Горе в том,
Как признал он сам:
У цыгана была цыганка,
Ворожившая по глазам.
Умолила и упросила,
А ведь, помнилось, не хотел...
Всё потом казалось красивым,
Всё, на чтобы
Ни поглядел...

Незнакомое
Так знакомо!
Мне б тихонько делать дела,
Но какая-то хромосома
Страсть отцову передала.
Для отца
И пьянеть при фарте,
И призы татарские брать
Было так же,
Как на бильярде
Мне Березина обыграть.

Всё иное.
Иные вкусы.
Мне ни пасха,
Ни ураза,
Ни цыганка уже,
А Муза
Завораживает глаза.

Не манила и не просила,
Обмануться сам захотел.
Вот и кажется
Всё красивым,
Всё, на что бы
Ни поглядел...

Всё хочу,
Чтобы в строчках были
Только огненные слова.
А по строчкам –
Трусца кобылья,
Будто снова
Везу дрова...
Вновь пишу,
Будто лезу драться,
Сжавши гневные кулаки.
Всё хочу, хочу дописаться
До какой-то
Большой строки.

1965

ХОЗЯЙКА

Березник...
Заприметив кровлю,
Антенн еловые шесты,
Как перед первою любовью,

Вдруг оробел за полверсты.
Свет Марьевка!
Но где же радость?
Где теплота?
Где встречи сласть?
Томительная виноватость
В груди отравой разлилась.

Виновен?
В чём?
Припоминаю
Всю трудно прожитую жизнь,
Ромашки белые сминаю,
Топчуясь на месте,
Хоть вернись.

Напомнили мне стебли-травы,
Напомнил голубынь-цветок.
Что я хотел ей громкой славы.
Хотел.
И сделал всё, что смог.
Другой деревни нет известней
Ни по соседству, ни вдали.
Она заучена, как песня,
Поэтами моей земли.

Слова кресалами кресаля,
Высокий я возжёг костёр.
Что ж горько так?
Не от письма ли
С унылой жалобой сестёр,
Что жизнь в деревне
Стала плоше,
Что хлеб попрел,
Раздельно скошен,
Что в роковом ряду имён
Их председатель

Вновь сменён...
А помню,
Светлым и крылатым,
Когда и рук не натрудил,
Мальчишкою в году тридцатом
Я агитатором ходил.

Но главное не в окрыленье,
Не в силе слова моего.
Со мною был товарищ Ленин,
И люди слушали его.

К забытым радостям причастен,
Я шёл и мучился виной,
Что нет в моей деревне счастья,
В тот год
Обещанного мной.

Я тихо шёл...
На повороте
Из придорожного леска –
Авдотья, что ль?..
Ну да, Авдотья
Гнала брыкастого телка.

В одной руке пушился веник.
Другой придерживала свой
В углах подоткнутый передник
Со свежей ягодой лесной.

Теперь усталой и болящей,
Когда-то, дальней из родни,
Высокой,
Статной,
Работящей
Записывал я трудодни.

– Вась, ты ли? –

С нежностью великой
Пахнуло в милой стороне
И веником,
И земляникой,
Душевно поднесённой мне.

– Поди забыл... Испробуй нашу...
Ладонь, шершавая с боков,
Была как склеенная чаша
Из тёмных,
Мелких черепков.

Румянясь,
Ягода лежала,
Тепличной ягоды крупней,
Светилась,
Нежилась,
Дрожала,
Как будто вызрела на ней.

Душистая, меня лечила,
С души моей снимала страх,
Но всё-таки она горчила
Рассказом о простых делах,
Что жизнь в деревне
Стала плоше,
Что хлеб попрел,
Раздельно скошен,
Что в роковом ряду имён
Их председатель
Вновь сменён...

И продолжала без утайки,
Судила без обиняков,
Как вседержавная хозяйка,
Сельхозначальство и райком.

Кольнула областное око,

Бросала и повыше взгляд –
На тех, кто учит издалёка
Доить коров,
Поить телят.

На миг замолодели очи,
Расцвёл и выцвел
Синий мак.

Про совещанья,
Между прочим,
Авдотья мне сказала так:

– Зовут всеё первых да первуших,
А им и так неплохо жить.
Собрать бы нас вот, отстающих,
Да с нами и поговорить.

Э-э, я претензию имею.
Передний, крайний – все родня.
Наш фельдшер, ежли я болею.
Так он и слушает меня.

И что болтаю! –
Хитро глянув,
Прутъё перебрала в руке. –
У нас, у старых, как у пьяных,
Не держится на языке.

А где ж телок?
Убёг?
Гляди-ка! –
Простылась попросту кивком
И, пахнущая земляникой,
Поторопилась за телком.

А я-то думал,
Как зазнайка,

Что в чём-то виноватым был...
Она судила как хозяйка
Своей земли,
Своей судьбы.

И всё ж, не позабыв урока,
Я шёл, виновный до конца,
Не в роли
Юного пророка,
А в долгे
Зрелого бойца.

1960

ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА

Я был у старших на примете,
И вот однажды мне велят
На комсомольском комитете
О красоте прочесть доклад.
Мой вкус был самый деревенский,
А други просят:
– Не забудь
О красоте, ну, знаешь, женской
В своём докладе помянуть. –
А что я знал?
Что есть сутулость
И есть девическая стать?
На чём Душа моя споткнулась,
Не надо мне напоминать.
И всё же будущего ради,
Марая белые листы,
Задумал я в своём докладе
Раскрыть все виды красоты:
Всё то, чем люди восторгались,
С чем шли, рассеивая мрак.
Все темы прочие давались,
А тема женская –

Никак!
Не помогал мне опыт древний,
Что лёг в пудовые тома...
Всё лезет на глаза деревня,
Подслеповатые дома,
И щучьи зубы частокола,
И ребра старого плетня,
И школа сельская...
Та школа,
В которой около меня
Сидела Граева Наташа...

В те дни она такой была,
Что ничего природа наша
Прекраснее не создала.
В деревне, помню, говорилось
С насмешкой острою, как нож:
— Ты что-то, девка, загордилась —
Как Ната Граева идёшь!

Теперь
Хочу увидеть снова
Всё то, что память сберегла.
И речка времени былого
Перед глазами потекла.

Избрал я место наудачу
У каменного голыша,
Сижу за кустиком — рыбачу,
Ловчусь перехитрить ерша.
С настойчивостью непонятной
Мечтаю о его клевке
И всё смотрю,
Как луч закатный
Разнежился на поплавке.

Не видел я, как по откосу
Прошла она,

Как на песок
Одежду сбросила
И косы
Под синий спрятала платок.
Но видел я,
Как стихли воды,
Когда она к реке прошла –
Фантазия!
Каприз природы!
Причуда света и тепла!
Она, омытая лучами,
Когда вода коснулась стоп,
Легонько повела плечами,
Как будто сбросила озноб.

Волна пред нею расступилась
И снова преградила путь...
Блестели плечи,
Золотилась
Её заносчивая грудь.
Там,
Над речною глубиною,
Произнесли мои уста
Ещё не троганное мною
Большое слово:
Красота.

Ничем
Не помешав Наташе,
Преодолев блаженный стыд,
Я подстерёг её тогда же
У зеленеющих ракит.
Как, вспоминаю, сердце билось,
Когда, проплавав полчаса,
Она пришла, остановилась
И заглянула мне в глаза!
Смутилась вдруг,

Стыдливой стала...
В моих зрачках –
Ей-ей, не лгу! –
Себя, должно быть, увидала,
Какой была на берегу.

А старики –
И это тяжко –
Судили Нату под гармонь:
– Конём любуются в упряжке,
Конь на гульбе
Ещё не конь...

Спеша продлить воспоминания,
Как в прежние твержу я дни
Знакомое ей заклинанье:
«Ты с глаз моих не уходи!»
Но время воздвигает стены,
И самой страшною стеной
Огни и дымы дней военных
Заколыхались предо мной...

И вскоре
Я её увидел,
Взглянув на мир из-под руки,
Не на гульбе –
В том самом виде,
Как выражались старики.
Увидел с тёмными горшками,
Перекалёнными в печах,
С шестипудовыми мешками
На перекошенных плечах.

Порядок слов,
Звучавший мило,
Теперь бросал всё тело в дрожь:
– Ты что-то, девка, приуныла –

Как Натка Граева идёшь!..
При встрече
На дороге пыльной
Её глаза несли мне весть,
Что от работы непосильной
Вся свяла, не успев расцвести.
Лицо обветрено и грубо.
И шла она,
Не шевеля
Губами,
Потому что губы
Потрескались,
Как в зной земля.

Давно успела позабыть,
Что до поры иссохли груди,
Что стала по земле ходить,
Как ходят пожилые люди,
Что живость света и огня
В её глазах давно заснула.
В мои с надеждой заглянула –
И отшатнулась от меня.

В моих,
Повидевших немало, –
А в них я всё сберечь могу! –
Себя в соседстве увидала
С той, прежней, Натой,
Что стояла
Передо мной
На берегу.

Я знал,
Что из морщин бессчетных,
Примеченных издалека,
Любая чёрточка почтна,

Как честный шрам фронтовика.

* * *

За боль,
За раннюю сутулость
Спеши сторицею воздать.
Найди же, чем не стала юность
И чем она могла бы стать!
На чем от самого рожденья
Не отразятся
Ни ветра,
Ни мировое потрясенье,
Ни горе одного двора.

Ищи прекрасное на свете,
Суди, оправдывай, вини
И по нетронутой монете
Монету стертую цени.
Не изменив мечтам заветным,
По жизни в поисках пройди.
В каком-то облике бессмертном
Наташу Граеву найди.
Её судьба да будет вехой,
Повсюду видной хорошо.
Искал я.
И в книжонке ветхой
Её бессмертье я нашёл.
Рука, листавшая устало,
Успела, к счастью, долистать
До той,
Кем милая не стала
И кем она могла бы стать.

Я видел:
В радостном полёте
Кисть жизнетворца создала
Всю красоту горячей плоти,
Причуду света и тепла.

Влюблённый и ревнивый гений
В слиянье радости и мук
Набросил матовые тени
На лёгкие изгибы рук.
Такой летит туда, где боги!
И он, уже не тратя сил,
Куском парчи,
Упавшим в ноги,
Её чуть-чуть отяжелил.

Едва приметными мазками
На долгий срок.
На вечный срок
За тёмными её зрачками

Свет человеческий зажёг.
Тем светом ей
Печаль, тревогу
И горе изгонять дано.
С такой легко искать дорогу,
Когда становится темно.

Она стыдлива без ужимок,
Как та,
Которую я знал...
И это был
Всего лишь снимок,
А где же сам оригинал?
Где рождена?
В какие эры,
В какой из поднебесных стран?
И кто она?
Прочёл: «Венера».
А чуть пониже: «Тициан».
И тут же на бумажной сини
Отчётливо и на виду
Приписка: «Собственность России».
Прекрасно!

Я её найду!

И снова,
В поиски ушедший,
Всем говорю:
Мол, так и так...
Смеются:
– Что за сумасшедший!
Венеру ищет! Вот чудак! –
Какой-то полный незнакомец
Откашлялся и пропыхтел:
– Избаловали!..
Комсомолец,
А тож – Венеру захотел!

Иду,
Чем дальше, тем смелее
По городу – через снега,
Иду в картинных галереях
Через минувшие века,
Через сокровища народов,
Не падая пред ними ниц,
Через толпу экскурсоводов,
Учеников и учениц.

Переходя от века к веку,
В людской толкаясь тесноте,
Они пришли сюда, как в Мекку,
На поклоненье красоте.
И красоте той благородной
Себя отдавши целиком,
Тянусь и я к ней,
Как голодный
За хлебным тянется пайком.

Её ищу я в каждом зале,
В простенках каждого угла.
– У вас Венера не была ли?

– Нет, – отвечают, – не была.–
Вновь объясняю по порядку:
– Амур и зеркало...
Рукой
Венера поправляет прядку... –
Вновь слышу:
– Не было такой.

Но вот совсем неподалеку
Бородка над толпой всплыла.
Блеснуло старческое око
Из-под очков.
– Была! Была! –

И вспомнил я,
Как поезд мчался
В лесную родину мою,
И я с таким вот повстречался
В металлургическом краю.
Теперь мне вспомнилось,
Как ночью,
В огнях увидев домен ряд,
Похвастал кто-то:
– Между прочим,
Я строил этот комбинат. –
Добавил, ус крутнувши лихо,
Что ставил там прокатный стан,
А старец, вот такой же, тихо
Заметил:
– Вы и Тициан.

Тогда,
Болтавшие о многом,
Толкуя обо всём слегка,
Как на обиженного Богом,
Взглянули мы на старика.
И он притих,
Ни об искусстве,

Ни о других делах страны
Уже не говорил,
Лишь с грустью
Посматривал со стороны,
Как спорил с химиком строитель.
Так грустно на исходе дней
Разочарованный родитель
Глядит на выросших детей.
Теперь стариk подвижен, светел.
Узнал и вновь не узнаю.
– Вы вспомнили её?! –
Ответил:
– Я вспомнил молодость свою.

Мы шли,
И не было мне странно,
Что говорил он не шутя:
– Вы знаете, у Тициана
Она не первое дитя... –
Дрожало старческое веко,
А он твердил мне об одном:
– Полвека! Да, мой друг, полвека
Я был её опекуном.

Все чёрточки лица страдали,
Кривились, будто был он пьян.
– Что ж стало с ней?
– Её продали.
– Куда?
– Туда... за океан.

Мы продаём
И лес и кожи,
Но красоты нехватка в нас!
Едва ли нужен и возможен
Большого горя пересказ.
Он знал,
Что жили небогато,

И ведал, продана зачем,
Но только личные утраты
Не восполняются ничем...

Когда
В Магнитогорске рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.
Он говорил об этой встрече так,
Словно сам с ней в рабство плыл.
– Я парусиною прикрыл
Её блистательные плечи. –

Он рисовал мне
Небо в тучах,
Над палубой туман густой...

За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.

* * *

И с ней
Не встретясь,
Я простился.
Нерадостен был мой уход.
Заснул я поздно.
Мне приснился
Металлургический завод.

Мне снились волны
В кудрях пены,
Бегущие за край Земли,
Мне снились грузные мартены,
Похожие на корабли.
Пусть окна в них
Прикрыты плотно

И лишь на каждом красный глаз,
Но и в зашторенные окна
Бьёт пламя,
Обжигая нас.

Но что такое?!

Шум стозвучный
Вдруг стих, рассеялся угар.
С открытым ртом стоит подручный,
Бородку щиплет сталевар.

В глазах у парня бес запрыгал,
И не возьму никак я в толк,
С чего он громко загыгыкал:
– Гы, баба!.. Голая!.. –
И смолк.

Гляжу я,
Тоже ошарашен,
Дивлюсь, как на печной пролёт
Походкой легкою Наташи
Венера русая идёт.
Боса, парчой полуоткрыта
В угоду прежним временам,
На крошки ступит доломита,
Поморщится –
И снова к нам.
Глядит всё пристальней,
Всё строже.
Ни слова нам не оброня.
Хочу, мол, посмотреть,
За что же
Вы про...
Вы отдали меня.

Старик,
Тихонько увлекая
Меня от гостьи и зевак,

Спросил негромко:
– Кто такая? –
Я к мастеру, мол, так и так...
Мол, помните,
Когда здесь рыли
Для первой домны котлован,
Она плыла за океан.
Навстречу ей машины плыли.

И мастер,
Подошедший близко,
Остановился перед ней

И поклонился низко-низко,
Сняв кепку с головы своей...
Помедлил,
Дав словам отсрочку,
Потом, прижав ладонь к груди,
Заговорил:
– Прости нас, дочка...
Всё видела, теперь суди.
Бывало, бьюсь,
Из кожи лезу,
И недопью и недоем.
Мы пропадали без железа,
И рабство нам грозило
Всем.
Как строились,
Душой болея,
Ты, вечная, нас не поймёшь.
И что тебе!
Ты, не старея,
До коммунизма доживёшь.

Захочешь жить у нас, к примеру, –
Гости без никаких бумаг... –
Старик вздохнул:
– Вот так, Венера...

По батюшке не зная как.
Я посмотрел
И вздрогнул даже.
В горячем отлеске огня
Уж не Венера,
А Наташа
С укором смотрит на меня.

Вновь покорила
Ясность взора
Глаз тёмных, затаивших зов,
Как затенённые озера

Среди нехоженных лесов.
В них,
Укрываясь от напастей
Души глубинной чистотой,
Надежда на большое счастье
Всё ходит
Рыбкой золотой.

Друзья не сразу догадались,
Что говорит она со мной:
– Вы перед вечной оправдались,
Попробуйте перед земной...

* * *

Не знаю,
Так ли я ответил,
Когда в суровой простоте
На комсомольском комитете
Читал доклад о красоте.
Встречая взглядом
Взгляд сердечный
Сидевший прямо предо мной,
Я с грустью говорил о вечной

И с болью вспомнил о земной.
Я говорил,
Как перед Натой:
История от первых дней
Ни перед кем не виновата, –
Виновны только перед ней.
Одной цепи я вижу звенья,
Сработанные не вчера:
И мировые потрясенья,
И горе одного двора.

На всё
Я в жизни вижу отклик,
От горя к радости мосты.

Судьба Наташи – это подвиг.
А подвиг стоит красоты.

Глазами встретившись с одною:
– Ты знаешь ли, – сказал я ей, –
Какой заплачено ценою
За легкий взлёт
Твоих бровей? –
Не знаю, так ли
Двум мальчишкам,
Зевнувшим нехотя в кулак,
Сказал я, может, строго слишком.
Послушайте,
Сказал я так:

– Всё позабудется на свете,
Всё сгладится в конце концов.
Вам, избалованные дети,
Не вспомнить бедности отцов.
Вам подавай лишь то, что мило,
Красавицу и сад в цвету.
Кровь пролилась,
А не чернила

В сражениях за красоту.
Вам огорчительно до боли,
Вам оскорбительно до слёз,
Что материнские мозоли
Не пахнут лепестками роз.

Наташи прежней мы не встретим,
Но людям жить и быть красе.
На этот раз уже не детям,
На этот раз сказал я всем:
– Рост красоты по дням и годам
Мы обеспечим – верю я,
Как обеспечен курс рубля
Всем достоянием народа!

Мечтатель,
Верный почитатель
Земных красот,
Признайся, брат,
Что виноват,
И я, читатель,
С тобой в растратах виноват.
Мы равнодушны и незрячи,
Не знаем,
Что смелей резца
Моя ль,
Страны ли неудача,
Морщинку, складку обозначив,
Коснётся каждого лица.
Судьбу,
Сгибающую лучших,
Мы не берём за горло:
«Стой!»

*За красоту
Людей живущих,
За красоту времён грядущих
Мы заплатили красотой.*

1956

БЕТХОВЕН

Он счастья ждал...

Когда ему дались
Все звуки мира –
От громов гремучих
До лепета листвы;
Когда дались
Таинственные звуки полуночи:
Шуршанье звёзд
На пологе небес
И лунный свет,
Как песня белой пряжи,
Бегущей вниз...

Когда ему дались
Все краски звуков:
Красный цвет набата,
Малиновый распев колоколов,
Далась ручьёв
Серебряная радость,
Дались безмолвья
Чёрная тоска
И бурое кипенье
Преисподней...

Когда ему дались
И подчинились
Все звуки мира
И когда дались
Все краски звуков, –
Молодой и гордый,
Как юный бог,
Стоящий на горе,
Решил он силу их

На зло обрушить.
Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,

И образ он призвал
Любви своей,
Отдав всю страсть
Высоким заклинаньям.

На зов его,
На тайное – «приди»
С улыбкою,
Застенчивой и милой,
С глазами тихими,
Как вечера,
Вошла Любовь,
Напуганная жизнью.

Вошла Любовь,
Печальна и бледна.
Но чем печальнее
Она казалась,
Чем беззащитнее
Была она,
Тем больше сил
Для битвы
В нём рождалось.

Уже потом
От грома,
От огня,
От ветра,
От воды,
От сдвигов горных
Он взял себе такое,
Перед чем
В невольном страхе

Люди трепетали.
Когда же это всё
Соединилось
И стало тем,
Что музыкой зовётся,
Пришли к нему
На гордое служение
Апостолы
Добра и Красоты.

Они пришли
И принесли с собою
Валторны,
Флейты,
Скрипки,
Контрабасы,
Виолончели
Трубы и литавры,
Как верные его ученики.

По знаку
Бурное его творенье
Со злом
За счастье
Начало боренье,
За чистоту,
За красоту страстей,
С жестокостью,
С пороками людей.

В громах и бурях
Небывалой моци,
Преодолев презрение своё,
Он полоскал их души,
Как полощут
В потоке чистом

Старое бельё.
И вот уже,
Испытывая жажду
Добра,
Любви,
Красивой и большой,
Томились люди,
И тянулся каждый
За просветлевшую
Своей душой.

Недоброд
И пагубное руша,
В борении
Не становясь грубей,
Он вскидывал
Спасённые им души
И в зал бросал,
Как белых голубей.

Великие
Преодолев мученья,
Всей силою
Своих волшебных чар
Он победил.
И мир его встречал
Слезами
И восторгом
Очищенья.

Он вышел в ночь
Сказать своё спасибо
Громам,
Ветрам,
Луне золотобокой,
Сказать спасибо
Водам серебристым
И поклониться

Травам и цветам.
Он проходил
И говорил спасибо
Высоким звёздам,
Что ему светили,
Косматым сосновам,
Рыжим тропкам леса
И перелётным иволгам
В лесу.

А на заре,
Когда он возвращался
К своей Любви,
Раздав благодаренья,
У городских ворот
С ухмылкой мерзкой
Несправедливость
Встретила его.

– Ты зло хотел убить, –
Она сказала. –
Убей свою любимую сначала.
Любовь, тебе, великий,
Изменила,
Тебя
Пустому сердцу предпочла.

Он был упрям
И сразу не поверил,
Всё шёл и шёл.
Гонимый той же страстью,
Всё шёл и шёл,
Пока лицо Измены
Не подступило вдруг
К его лицу.

Бетховен вздрогнул
И остановился,

Закрыл глаза
От горя и обиды
И, голову клоня
Перед судьбою,
Взревел,
Как бык,
Ударенный бичом.

И лоб его,
Досель не омрачённый,
Тогда и рассекла
Кривая складка,
Что перешла потом
На белый мрамор
И сохранилась в камне
На века.

Убитый горем,
Он восстал из праха,
Тряхнул своей
Бетховенскою гривой,
Сжал побелевшие
От гнева губы
И стал опять
Похожим на бойца.

— Ты сгинешь зло, —
Грозил ему Бетховен,
А вместе с ним
Грозил и всем порокам, —
Вы всё-таки погибнете,
Пороки,
Умрёте, —
Он сказал, —
В утробе зла!

Постыдные,
Сегодня вы живёте

Лишил только потому,
Что я ошибся,
Лишил только потому,
Что в нетерпенье
Не соразмерил
Голоса стихий.

Людское зло
Я изгонял громами,
Людской порок
Я изгонял огнями,
Не догадавшись вовремя,
Что ими
И без того
Уже разбужен страх.

На этот раз
Начну совсем иначе,
Возьму в расчёт
Совсем иные силы.
Я поступал
Как гневный небожитель,
А поступлю
Как скорбный человек.

На этот раз
Из всех звучаний мира
Всё нежное возьму в подмогу.
И то,
Чего не сделал
Страхом кары,
Свершу любовью я
И красотой.

Закрылся он,
Подобно колдуну,
Что делает из трав
Настой целебный,

Призвал на помощь
Горести свои,
Чтоб силу дать
Страстям исповедальным.

Теперь он взял
От всех земных красот:
От птиц,
От зорь,
От всех цветов.
От речек –
Всё чистое,
Всё доброе, чему
В любви притворной
Люди поклонялись.

Всё это взял он,
Как пчела нектар,
Как листья свет,
Как тёмный корень влагу.
Всё это взял он
И соединил
Своей неутолённою
Печалью.

Соединив,
Разъял,
Как белый свет
На переливы радуг
Семицветных
Разъять способны
Капельки дождя,
Когда они
Встречаются с лучами.

Ещё разъял –
И с нотного листа
Глядели знаки

Красоты дробимой.
Так нужно было,
Ибо красота
Лишь в чистом сердце
Станет неделимой.

– Да сгинет зло! –
Сказал себе Бетховен,
В зал поглядел
И пригрозил порокам:
– Вы всё-таки погибнете,
Пороки,
Умрёте вы
В самой утробе зла!

Он подал знак,
И в сутеми вечерней
Запели скрипки
И виолончели.
И повели,
Перемежая речи,
По горестным
Извилинам души
В тревожный мир
Исканий человечьих,
В тот новый мир,
Где не бывает лжи.

И юных повели,
И поседелых,
И павших всех,
И не успевших пасть –
За самые далёкие пределы,
Где злое всё
Утрачивает власть.

Они вели
К той милой,

Чистой,
Гордой,
К Возлюбленной,
Чьё имя Красота,
Дойти к которой
По дороге горной
Всю жизнь мешала им
Недоброта.

И отреклись они
От жизни прошлой,
Порочной и корыстной,
В первый раз
Не от беды,
Не от обиды ложной
Заплакали,
Уже не пряча глаз.

Как дровосек
Со лбом разгорячённым,
Усталым жестом
Смахивая пот,
Он поклонился
Новообращённым
И вышел в ночь
Из городских ворот.

Он вышел в ночь
Сказать своё спасибо
Лесам,
Полям,
Создавшим человека,
И потому
Со дня его рождения
Имеющим над ним
Большую власть.

– Я победил! –

Торжествовал Бетховен. –
Я победил! –
В порыве благодарном
Упал на травы он,
Раскинул руки
И прошептал земле:
– Благодарю!

Земля молчала.
И молчали птицы.
Леса молчали,
И молчали реки.
– Что вы молчите?! –
Закричал Бетховен
И не услышал
Крика своего.

Друзья ушли –
Любимая осталась,
Любимая ушла –
Была природа...
Теперь сама природа
Отреклась.

Когда он шёл
Дорогою безмолвья,
Его опять
На перекрёстке жизни
Уже беззвучным смехом
Повстречало
Убитое
И проклятое зло.

Бетховен побледнел,
Остановился,
Нахмурил лоб
Под гривой богооборца,
С глубин души

Призвал для битвы звуки –
И тайным слухом
Он услышал их.

И победил
Сражённый победитель.
В борьбе со злом
Постиг он все законы.
Зло изощрялось
В хитрости,
В коварстве –
В искусстве добром
Изощрялся он.

И лоб его,
Отмеченный скорбями,
Ещё не раз
Пересекали складки,
Что перешли потом
На белый мрамор
И сохранились в камне
На века.

1961

АВВАКУМ

В горе,
Во печали
Русская страна.
Правда в ней и вера
Преданы насилию.
Всюду мор и голод...
Видно, сатана
Выпросил у Бога
Светлую Россию.

Налетели бесы –

И пошёл изврат,
Гадами неверье
Выползло из мрака.
Что винить тут Бога, –
Бог не виноват,
Бог, завидев беды,
Подавал два знака.

Оперва,
Чтоб в храмы
Не вошла корысть,
В ангельские ризы
Плутня не рядилась,
Перед днём Петровым
Знамение бысть:
В красный день над Русью
Солнышко затмилось.

И беда приспела.
С воровским лицом
Окаянный Никон,
Смирненский дотоле,
В ризах, будто в сбруе,
Рыжим жеребцом
Заплясал,
Затопал
На святом престоле.

Злых,
На сов похожих,
На срамных совят
Поналяпал в храмах
Божеские лики.
Он же, лихоимец,
Никон пустосвят,
Древние
Святые

Начал править книги.
Дети, дети!
Где им
Знаменье понять,
Глупым, ад не ад им,
Пекло им не пекло.
Осерчал Всеявышний,
Грохнул – и опять
Над землею русской
Солнышко померло.

Вновь пришла прокуда.
И за два перста,
Поднятых пред очи
Истинного лика,
Прямо с литургии
В пятый день поста
Взят был Аввакумка,
Бедный горемыка.

Привели к владыке...
Гневом возгоря,
Заревел владыка,
Что не даст потачки...
Встали супротивно
Два богатыря,
Вроде порешили
Драться на кулачках.

Связанные прежде
Больше, чем родством,
Нынче повстречались
Больше, чем врагами.

Никон протопопа
Норовит крестом,
Протопоп владыку
Норовит цепями...

– Отрекайся!
– Верю! –
Учинили шум,
В непотребной ссоре
Святость позабыли.
– Покорись владыке! –
Буйный Аввакум
Плюнул на владыку:
– Нако-сь, сын кобылий!

Налетели служки,
Как цепные псы,
С лаем рвут подрясник,
Пересилить силясь,
Бороду торгают,
Тянут за усы...
Одолели, бесы, –
Видно, не постились!

Псы поразбежались,
Да не дрогнул псарь,
Как вошёл в палату
С лициком уставшим,
С глазками в слезинках
Богомольный царь,
За любовь и кротость
Прозванный Тишайшим.

На багрец кафтана
Слёзы полились,
Покатились долу,
Впору умывайся.
Царь глядит с мольбою:
– Протопоп, смирись... –
Не велит, а молит:
– Миленький, покайся...

Протопоп взъярился:
– Худу не учи!

Бог, он правду любит.
Я ему за близких!.. –
Засветились очи,
Будто две свечи
Загорелись в тёмных
Окнах монастырских.

Крепко веры слово,
Ежели в цепях
Это слово веры
Людям говорится.
– Верую до смерти,
Яко же приях! –
Государь заплакал
И ушёл молиться.

За спиной московских
Храмов перезвон,
Будто возвернуться
Аввакума кличет,
А его – к Тобольску,
А его – в изгон,
А ему телега
Жалобно курлычет.

Крестит он и крестит
Свой опальный лоб;
Гневный,
Шлёт проклятья
Дьявольскому скопу.
В бога Саваофа
Верит протопоп;
Настя, протопопица,
Только протопопу.

Пастырь закудмийский
Крепко службу знал.
После служб истошных,

Где душа радела,
Мастерить ребяток
Втайне почитал
Тоже за святое
Божеское дело.

Марковна грудного
Греет у грудей,
Старшенькие детки
Теплятся под боком.
Муж – пророк,
Он сильный.
А легко ли ей,
Грешной русской бабе,
Наравне с пророком?

Крестная дорога,
Ох, как далека!
По полям да корбам,
По буграм да долам
Тарахтит телега.
Следом на века
Глубоко ложится
Колея раскола.

Мысли, что ухабы,
Патыря трясли:
Грекам ли учить нас
Божеским наукам?
Своего-то бога
Греки не спасли.
Храмы Константина
Уступили туркам!

Гордый,
Так он думал...
В думах тоже лих,
Понося всегласно

Никона промашки,
И не знал, не ведал,
Что поссорил их
Мой однофамилец
Фёдоров Ивашка.

Мой однофамилец,
Может, предок мой,
Что за век до ссоры
При лучине чадной,
И не помышляя
Быть сему виной,
Дерзостно поставил
Свой станок печатный.

В городах,
В посадах,
В избах поселян
Обличал Петрович,
В службе Богу верный,
Никона-собаку,
Злых никониан,
Латынян,
А с ними
Всяческую скверну.

Срамота.
Вертепище.
Бабы ржут: «Гы-гу!»
Мужиком медведище
Пляшет на кругу.
Задом трясёт
Да в бубен бьёт.

Кулочища веские
Вскинул божий князь:
В рожи богомерзкие
Хрясь!
Хрясь!

Хрясь!
В бровь ли, в ус ли.
Смокли гусли.

От святого духа ли,
Что пришёлся впрок,
Скоморохи-ухари
Дали наутёк.

Мишка топ-топ...
Попляшем, поп...

С криком:
– Семя адово! –
Развернув плечо,
Плясуна косматого
Хряпнул рогачом.

Один палкой,
Другой лапкой.

Оба-два бездомные,
Воины без лат,
Оба, оба тёмные,
Рядышком лежат.
Плачет,
Торопится
Протопопица.

Плачет protопопица,
Из толпы зевак,
В хохоте да смехе
Вытоптавших поле,
Вышел на подмогу
Молодой казак,
По земле устюжской

Шедший с богомолья.
Кудри русым хмелем
Из кольца в кольцо,
На лице рябинки,
Будто в ратной злобе
С маху повстречалось
Смуглое лицо
На земле турецкой
С крупной
Турской дробью.

Как под левой бровью
Волги вольный плёс,
Как под правой бровью
Дон играет в беге.
Поднял протопопа,
Взвесил и понёс
До его раскольной
Старенькой телеги.

Даже и такому
Ноша нелегка.
С виду худ, а сколько
Силы в тёмной вере!
– У отца святого
Сила велика.
Взять бы эту силу
На другого зверя.

Взять бы эту силу
На князей-дворян,
Да тряхнуть всей Русью,
Да избыть прокуду. –
Протопоп очнулся,
Вроде был он пьян,
Протопоп воззрился:

– Ты такой откуда?
– С Дона...
По зароку,
Что отцом был дан,
В Соловки ходил я,
Где по благодати
Казаков низовых
Берегут от ран
И святой Зосима,
И святой Савватий.

Говорил,
Как в струге
На волнах качал,
Отдавая вёсла
Синему кипенью;
Говорил смиренно,
А в больших очах
Не было
Ни Бога,
Ни смиренья.

Речь боголюбива,
Верой высока,
И душой, и статью,
И лицом прекрасен,
А гляди-ка, Боже,
В зенках казака
Бесы рожки точат...
– Кто ты?
– Стенька Разин.

– Сатана, изыди! –
Протопоп затряс
Чёрною куделью,
Вскинул руки обе.
– Сатана, изыди! –
В жизни

Первый раз
Сердце протопопа
Дрогнуло в ознобе.

Кто бы,
Кто бы крикнул:
Боже, примири!
Дать стране дорогу
Только им по силе.
Стойте!
Сговоритесь,
Чёрт вас подери!
Не играйте слепо
Судьбами России.

Но, ступив однажды
На одну версту,
Разошлись навеки
В дерзости и страхе.
Аввакум катился
К смертному костру.
Шёл весёлый Стенька
К своей
Смертной плахе.

1964

ЧЕЛОВЕК

Начни со слова – Первозданность.
Минуло страшно много лет,
Пока спиральная туманность
Не стала крутостью планет,
Пока Землей она не стала,
Где слышу я то смех, то стон,
Где жизнь на бесконечно малом

Дала вначале свой закон.

1

Хочу понять, как совершилось,
Хочу найти живой ответ.
Должно быть, было так:
 кружилась
Земля среди других планет.

По ней, блуждая тусклым взглядом
В безаолье непонятном нам,
Брело бессмысленное стадо
По бесконечным валунам.
И первый тот, кто дух спасенья
Вдыхая грудью, обонял,
В невероятном потрясеньи
Над стадом голову поднял.

Хрустел спины нарост горбатый,
Темнел широких лап замах,
Он встал, огромный и косматый,
Впервые встал на двух ногах.
Как бы готовясь к рукопашной,
Он всё стоял, а мир скользил,
И взгляд его, впервые влажный,
Рожденье мысли отразил.

Свободная, под стать простору,
Ещё податливей, чем воск,
Она, подобно метеору,
Пробороздила тёмный мозг.
Ему такой восход открылся,
Сиявший необычно так,
Что он к земле не опустился,
Но взял и сделал первый шаг.

2

И проходили век за веком,

Всё убыстряя дней разбег,
Каким красивым человеком
Явился он в двадцатый век!

В пылу неугасимой страсти,
Всё поборая, он дошёл
До самой до Советской власти,
До радостного – хорошо.

Он силы прежние устроил,
Он жил и не жалел труда,
Он, о большом мечтая, строил
Неслыханные города.

На реках он слагал плотины,
Чтоб воды хлынули плотней,
Он страстно рисовал картины
На самом прочном полотне.

Он создавал в пылу горенья,
Себя от мрака отрешив,
Неповторимые творенья –
Бессмертие своей души.

3

На улице играли дети,
Чертили на песке круги,
Совсем не зная, что на свете
У них имеются враги.

Совсем не зная, что над ними
Висит какая-то война,
Что человеческое имя –
Единственная их вина.

Не зная, что кому-то надо,
Чтоб дети славы и труда
Вернулись почему-то в стадо,

Покинутое навсегда.
Не зная, что подвой сирены
Из темноты времён иных
Зелёные глаза гиены
Смотрели с завистью на них.

Наперекор самой Природе
Они корили их во всём.
«Вы ходите, как мы не ходим,
Ползите же, как мы ползём».

Путь человеческий скрестился
С путями дикими, но так
Что Человек не опустился –
Он бросился в огонь атак.

4

Весь мир, казалось, необъятный,
Со всех его концов пылал,
В пылу борьбы невероятной
Сын человеческий упал.

Упал мой брат на смертной грани,
Когда дыханью – перестать.
Он сразу ощутил, что ранен
Так сильно, что уже не встать.

Почувствуйте хоть на мгновенье,
Героя заменив собой,
Трагическое столкновенье
С неумолимою бедой.

Почувствуйте её вторжение,
Когда, чтобы мечту спасти,
Он, смелый, гордый от рожденья,
Он, сильный, должен был ползти.

Представьте же себе, как больно,

Ломая плети рук в кустах,
Он полз по той земле, где вольный
Ходил он с песней на устах.

*Ниже приводится окончательный
вариант стихотворения.*

Природа
Не очень спешила
Провидеть свою благодать,
Пока, заскучав, не решила
Себе Человека создать.

Природа
В работе неспорой,
Незримое что-то творя,
Предгорья
Вздвигала на горы,
Бросала моря
На моря.

В горячке,
В бреду,
В наважденье
Земля, потерявшая стыд,
Так мучилась
В корчах рожденья,
Что даже срывалась
С орбит.
Громада
Кружилась,
Металась,
Глазеющих звёзд
Не стыдясь,
Чтоб некая
Малая малость

Однажды живой родилась.
Не смея
В удачу поверить,
Ей некого было спросить,
Как малую малость лелеять,
Как ей
Человека растить.

Чтоб тело
Над миром парило,
Чтоб воды давались, легки,
Она ему крылья дарила,
Кроила ему плавники.

В заботе
И счёт потеряла
Периодам,
Эрам,
Векам,
Когда не спеша
Примеряла,
Где быть
И ногам и рукам.

И снова
Дымила,
Чадила,
Крепила,
Чтоб сила была.
Сначала она начудила:
Трехглазым его создала.

И снова
Дышала могутно,
Чтоб свет его жизни

Не мерк.
Рождённый
Вот так многотрудно,
Чем занялся он,
Человек?

Чем?
С первой извилиной мозга
Он стал сучковатым древьём
Губить черновые наброски
Себя –
То, что стало зверьём.

За жизнь
Научившийся драться,
Губил он и рвал на куски
Улики недавнего братства,
Рожденья
Из той же музги.

Как нелюди,
Жившие в нетях,
Едва отойдя от горилл,
Природы нахальные дети
С дубиной
Полезли в цари.

Они
С первобытным пристрастием,
Уже посягнув на миры,
Царят с превышением власти
С тех пор
И до нашей поры.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ В. Д. ФЁДОРОВА

1935

Стихотворения: «Серебрится водяная гладь...», «Пусть в тебя влюбится дракон...».

1936

Учеба в Новосибирском авиатехникуме. Очерк о брате. Стихотворение «Три товарища».

1937

Продолжение учебы. Начало написания стихотворения «Испанская метрика» («Я в Испании родился...»).

1938

Окончание Новосибирского авиационного техникума. Мастер Иркутского авиационного завода.

1939

Напечатаны стихи и очерки в Иркутской заводской многотиражке. Стихотворение «Муз» («Поле было спокойно...»).

1940

Стихотворение «К Матери» («Говорила о юности...»), Иркутская областная газета «Советская молодежь».

Стихотворение «Надо видеть» («Удивляться – мало...»),

Многотиражная заводская газета «Сталинец».

Очерки о рабочих Иркутского авиационного завода.

1941

Маленькая поэма «Свадьба».

Новосибирский авиационный завод, старший мастер сборки истребителей.

1942

Стихи о войне и о любви.

1943

Начало написания поэмы «Лирическая трилогия».

1944

Родина. Стихи молодых поэтов. Новосибирск. В сборнике опубликовано девять стихотворений:

«Прощай село!», «Родина», «Даже в праздник», «Будь счастлив», «Сосна», «Колос», «Учитель через много лет», «Письмо», «Завещание».

1945

Завершена поэма «Лирическая трилогия».

1946

Поэма «Марьевская летопись».

1947

Лирическая трилогия. Первая книга. Новосибирск.

На Белой Граве. Очерк. Новосибирск.

Золотые звенья. Новосибирск.

Стихотворение «Встреча» («Приход любви необычен...»).

Сонет «Когда судьба с тобой меня свела...».

Участник Первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

1948

Учеба на очном отделении Московского литературного института имени Горького. Стихотворения: «Другу»

«Ты шепчешь, что в моей груди...», «Найду ли я дорогу на Москву?...».

1949

Маленькая поэма «Птичий сад».

1950

Окончание Московского литературного института имени Горького.

1951

Очерки. Проза. Журналы: «Сибирские огни», «Новый мир», «Огонек», «Смена», «Крестьянка».

1952

Маленькие поэмы: «Пурга», «За рекою ключевой». Стихотворение «Мне с каждым днем труднее жить...». Повесть «Светлый залив».

1953

Зрелость. Повесть. (М.: Молодая гвардия). Маленькая поэма «Ленинский подарок».

1954

Маленькие поэмы: «Обида», «Далекая».

1955

Добровольцы. Повесть. М.: Молодая гвардия.

Лесные родники. М.: Молодая гвардия. Марьевские звезды. Новосибирск.

Стихотворение «Сердца».

1956

Принят в члены Союза писателей СССР.

Маленькие поэмы: «Первые слезы», «Белая роща». «Проданная Венера».

1957

Маленькие поэмы: «Дуся Ковальчук», «Золотая жила».

1958

Белая роща. М.: Молодая гвардия.

Дикий мед. М.: Советский писатель.

1959

Золотая жила. М.: Правда.

Начало написания поэмы «Седьмое небо».

1960

Не левее сердца. М.: Советская Россия.

Маленькие поэмы: «Пролог», «Муз», «Хозяйка».

1961

Лирика. Гослитиздат.

Белая роща. 2-е изд. доп. М.: Молодая гвардия. Маленькая поэма «Бетховен».

1962

Седьмое небо. Стихи и поэмы. М.: Советский писатель.

1963

Лирика. День поэзии. М.

Маленькая поэма «Гамлет в совхозе».

1964

Книга Любви. 1-е издание. М.: Московский рабочий.

Маленькие поэмы: «Совесть», «Авшакум».

1965

Второй огонь. М.: Художественная литература.

Маленькая поэма «Отец».

1966

Третьи петухи. М.: Молодая гвардия.

1967

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Стихотворения. М.: Художественная литература.

Завершена поэма «Седьмое небо».

1968

Лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького.

Книга Любви. 2-е издание. доп. М.: Московский рабочий. Седьмое небо. М.: Советский писатель.

Избранная лирика. М.: Молодая гвардия.

Маленькая поэма «Карой Лигети».

1969

Стихи. День поэзии. М.

1970

Стихотворения и поэмы: в 2 т. М.: Худож. лит-ра.

Поиск прекрасного. М.: Советская Россия. Третьи петухи.

Седьмое небо. М.: Советская Россия.

Стихотворение «Распахнутое сердце».

1971

Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Седьмое небо. Новосибирск.

Крылья на полдень. М.: Воениздат.

Маленькая поэма «Человек».

1972

Седьмое небо. М.: Современник,

Избранные стихотворения. Кемерово.

1973

Книга Любви. 3-е издание, доп. М.: Молодая гвардия. Наше время такое. М.: Современник.

Начало написания поэмы «Женитьба Дон Жуана».

Замысел написания «Био-Банка» (Сны поэта).

1974

Книга Любви и Веры. М.: Современник.

Как цветы на заре. М.: Советский писатель.

1975

Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия.

1976

Награжден орденом Октябрьской Революции.

1977

Завершена поэма «Женитьба Дон Жуана».

Женитьба Дон Жуана. Ироническая поэма.

М.: Современник. Терцины: Видение, бывшее мне в метро имени Маяковского. Стихи: Диалог, Бессоница, «Пока горит моя заря...», «Когда раздоры раздиром...».

1978

По главной сути. М.: Современник,

Избранное. М.: Советская Россия.

Стихи. М.: Художественная литература.

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. Роман-газета. № 18. М.: Художественная литература.

Стихотворения. Поэмы. Мурманск. Терцины: Боткинский лист, «Жизнь суетна...». Стихи: В защиту

поэмы, «Нас грешник учит больше, чем святой...», «В гордости, в надеждах и страданьях...», «Я не старый...».

1979

Лауреат Государственной премии СССР.

Золотая жила. Поэма. М.: Современник.

Сны поэта. Новеллы: «Чертово молоко», «Хромовые сапожки», «Мои метаморфозы», «Два видения и один сон», «Закон Дарвина», «В стратосферу и выше!», «Жар-птица», «Мне где-то сердце вручено...», «По следам Чингизхана», «Березовый рай», «Почти по Фрейду», «Двойник».

Журнал «Москва». № 8.

Новеллы: «Голова Земли», «К чему бы?..»

Журнал «Москва». № 9.

Новеллы: «Черный ангел», «Наташа», «Цыганская мадонна», «Лошадиный эмбрион».

Журнал «Москва». № 10.

Стихотворения: «Бородатая собака», «На Парнасе».

1980

На Парнасе: Стихи. День поэзии. М. Стихи. Альманах. М. Стихотворение «1980 год».

1981

Седьмое небо. Омск.

Стихи: Русские плотники, «Мастерство заразительней многих зараз...», «В горючий век среди лесов и нив...».

1982

Женитьба Дон Жуана. Иронич. поэма. М.: Сов. Россия.

Как цветы на заре. М.: Сов. писатель.

Сны поэта. Новеллы: «С Пушкиным на балу», «Катализм», «Черная прядка букета».

Журнал «Москва». № 7.

Стихи: Время, Звездная память, Мир, «Есть книг тома...», «Люблю я день после дождя...», «В край родимый ехать...», О дальнем.

1983

Поэмы. М.: Художественная литература.

Терцины: Завоеватель и мастер.

Стихи: Рождение стрекозы, Кедровая доска, «Звезда на небе...», «Я снова жив...», «Все седые – семьи одной...», «В небесах не витаю...», Испанская метрика (1937–1983 гг.), К западной Европе.

1984

Последние произведения.

Терцины: Мать и сын.

Стихи: «Отшатнулся...», «Есть и на ярком солнце пятна...», Олимпийский мотив, «Я уже не с вами...».

P. S. Последние две новеллы из цикла «Сны поэта»

«Человек из портрета», «Сны с Тартюфом» напечатаны посмертно в журнале «Наш современник». 1985. № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Часть 1	
СУДЬБА МНЕ ПОДАРИЛА РУСЬ...	
Глава 1	
О, РУСЬ МОЯ!..	
«Иду в мольву стоустую...»	7
Возвращение.....	8
«... Был бы там, решился бы, спросил я...»	10
«...Земля моя, моя родная Русь...»	10
«...Летел через года тридцатые...»	11
«...От горна, от его огня...».....	11
«Моя забытая тетрадь...»	12
О синем стекле.	13
Завещание.	15
«Даже в праздник...»	16
Письмо солдата.	16
Россия.....	17
«...И восторг мою душу объял..»	18
Слово	18
«Мне жизнь моя...»	19
Родина	20
Осень	23
«О, Русь моя!..»	24
Владимирка.....	25
«Зачем чужие страны...».....	26
С тобой, Россия	27
Берёза	29
«Бог весть, от культа ль нам далась...»	30
«С тех пор, как тобою поклялся...».....	30
«Всё было бы иначе...»	32
«...Всю жизнь мою...»	33
«Москва, Москва...».....	33
«...Из века в век...»	35
«...О, русские слова...»	35
Русские плотники.....	36
Русские поэты.....	37
«Вождями, борцами, творцами...»	38
«В гордости, в надеждах и страданьях...».....	38

Глава 2 СИБИРЬ, МОЙ КРАЙ...

«Учитель через много лет...»	39
«...Сибирь, мой край...»	39
«...Друзья мои, на нашей кухне русской...»	40
«...Мой друг Жуан...»	42
«...Есть в русской песне высшая отрада...»	42
«...У тёщи в одеянье кружевном...»	43
Колумб	43
Любовь и Хлеб	45
Байкал	47
Омуль	48
«Наш мир беднеет...»	48
Алтайский мотив	50
«Да Винчи говорил...»	51
«Я не Волга, я не Вятка...»	52
«Высокие сосны...»	53
Древо жизни	53
«Когда-то здесь гуляли дрофы...»	54
«Кто-то здесь топориком постукивал...»	55

Глава 3 СВЕТ МАРЬЕВКА!

Мы сами	56
«...Река...Тайга... Деревня за пригорком...»	56
«Есть много рек...»	57
Сосна	58
Колос	59
Море	60
Поле	61
Рыжуха	62
«Всё иное как будто на отдыхе...»	63
Блины	64
Гимн корове	65
Забытая дорога	67
«Придорожная ромашка...»	68
Забытый мост	69
«Над родною стороной...»	70
«В пустынном небе журавлиный крик..»	71
Кузьмиха	72
У родника	74
«Звенит... звенит... звенит...»	76

«Родник струился во всю прыть...»	77
Озеро Кайдор.....	77
«Я не люблю немые реки...»	80
«Всё тихо. У берега тонет закат...».....	81
«Жизнь природы – мудрёное дело...».....	81
«Я гляжу на родные места...».....	82
«Прощай, село! Я сын твоих полей...»	82
«Белый снег, в сердце тьма...».....	83
«На Родине моей повыпали снега...».....	84
Свидание.....	85
«Когда ты в Марьевке живёшь...»	86
«Жизнь всё громче, всё необычайней...»	87
Друзьям.....	88
«Душа томилась по живой природе...»	91
«Давно ль гордился сам...».....	91
«Прилетел я доподлинно голубыми путями...».....	92

Часть 2

НАШЕ ВРЕМЯ ТАКОЕ...

Глава 1

ЛИЦО ВЕКА

1. Что сказать мне о двадцатом веке?..

«Что сказать мне о двадцатом веке?..».....	93
«Наше время такое...»	93
«...А больше вот что устрашает...»	94
«...Нет новизны...».....	94
«...Душа, гневясь, вдвойне бунтует...»	94
«...Болеют люди...».....	94
«Ах, на Земле...».....	95
«Всё движется, но в новый мир чудес...».....	95
«Беспокойно. Дома не сидится...»	96
«Листья дуба спокойно горят...».....	96
Стрижи	97
«Великий Пушкин говорил когда-то...»	97
«Ни в благодушии ленивом...».....	98
«Со времён ещё древнегреческих...»	98
«Какой-то странный человек...»	99
Сенегальцы	100
«...Как пламя на сухой стerne...»	102
«...Перо всё тяжелей роднит...»	104
«...Пиши, железное перо...»	105
«Секунда – миг, а всё же...»	107

«В горючий век...»	107
Лицо века	108
Трудная гордость	109
«Счастливая доля – гордиться друзьями...».....	111
На Парнасе.....	111
«Поколенья... Мы двух поколений поэты...»	113
«Различий нет, а есть года...».....	113
Мир.....	113
«У многих народов...».....	115
«Дерзайте! – Нам, поэтам, говорят...».....	115
«Звезда на небе, как цветок...»	116
«Когда мороз и снег идёт...»	116
2. И в жизни, и в теории...	
«И в жизни, и в теории...».....	117
«Их взяли, тронутыми гарью...»	117
Его величество.....	118
«Пересохли жаркие ручьи...»	119
«Я понимаю нетерпенье...»	120
«...Студентами, стремясь к геройскому...»	121
«...Я говорил: живи, как можется...»	122
«...Скажи, кого нам упрекать...»	122
«...Что сон?! Фантазия! Наитье!..»	123
Три воды	125
«Ёлки-палки, гнёзда белкины...»	127
«Долго поклонявшийся железу...».....	128
«Мой знакомый, захмелевши, тужит...»	129
«Вот попробуй и душу вырази...».....	130
«Под статейки о колхозном праве...»	131
Кони	132
Гуси	133
«Говорят, что красоты не стало...»	134
«То млею, теплом разогретый...».....	135
Рябина	135
«Вы помните, в года былые...»	136
3. Уже полжизни, как твержу я...	
«...Уже полжизни, как твержу я...»	136
«Философы и просто умницы...»	137
«Мир дремучий, мир такой горючий...»	138
«Слова-древа...»	139
«Не бойтесь гневных..»	140
«...А может, и капризней...»	140

Полынь-трава.....	141
«Средь тех, кому мечтается...».....	142
Ещё о Золушке	143
Нечто о собаке	144
В цирке.....	145
Бюрократ и демократ	146
Кандидату	149
«...Ты критик, как бы мы ни пели...».....	150
«Спешить? Лететь?...»	151
«...И мысль, как молнии разбег...».....	152
«Мой друг, вгоняй в строку...»	153
Глава 2	
НЕ ЛЕВЕЕ СЕРДЦА	
«Мы спорили о смысле красоты...»	153
Сердца	154
«Весёлый, с грустными раздумьями...»	154
«Известный спор меж школами и школками...»	155
Сталь	156
«Себе сказал и говорю другим...».....	156
«Я писатель – не пустой мечтатель...»	157
Тем берегам	158
«Писатель некий предался врагу...»	159
«Тем, жалким, что не нам поют...»	159
«Мои собратья нагло врут...»	160
«В лесах, в кустах...».....	161
«Всё выскажу, ни перед кем не струшу...»	162
Два лица	162
«Он был вельможен...»	165
«О злые тайны...»	165
«А был ли хаос?».....	167
«Свеженький, как пионер...»	167
ЗАМЕТЫ	
«Он и впрямь какой-то разный...».....	168
«Он говорит и страстно, и глубоко...».....	168
«Собака любит пост....».....	168
«Любит совесть?...».....	168
«Что пчела врага кусает...».....	169
«Есть в дружбе доброе ядро...».....	169
«Кто любит сладь...».....	169
«Заботясь о своем довольно добром даре...».....	169
«Негодяй!.. Стыда не зная...».....	170

«Как мы пишем?...».....	170
«И Бог, и чёрт...»	170
«—Что ты молчишь?—...».....	171
«Мне Библия романа не святей...».....	171
«Нет, это не наветы...».....	172
«Грозит, враждуя, крона кроне...».....	172
«Жаждем истины во всём...».....	172
«Поэзия – не профессия...».....	173
«Это как же так?...».....	173
«Один ругал меня так круто...».....	174
«От голготы младенческой...».....	174
Дружба	175
«Любовью, гневом сердце мая...».....	176

Часть 3

РАСПАХНУТОЕ СЕРДЦЕ

Глава 1

СИБИРЯК, Я РОС В ЛЕСНОМ КРАЮ...

Корни.....	177
«Как только станем взрослыми...».....	179
Муза.....	180
«И видел я незримое доселе...»	181
«Вспоминается детство...»	182
«...Глядел, припоминая брата...».....	184
К родным местам	184
Следы	185
Притча.....	187
Трудовая книжка	188
«Высокой дружбой похвались...»	190
Мастер.....	191
Сестре.....	192
Рабская кровь.....	193
«...Осмотрел он душу инженера...»	194
«Как горестно в беде прозреть...»	194

Глава 2

ВЕРИО В ЖИЗНЬ, НО ТАКУЮ...

«Имел бы я всевечий ум пророка...»	195
«Кто б жизнь мою окинул оком..».....	195
Выбор	196
«Мне рваные брюки сегодня приснились...»	197
«Верю в жизнь, но такую...»	198
«...Землёй рождённый, преданный лесам...»	198

«...Любовь! Горят её костры...»	199
«...— Ты сильный! —...».....	200
«Нелегко рождённому в Сибири...»	201
«Жизнь поэта не простая штука...»	201
«...Моей бедой, моей отрадой...»	202
«Предо мною новый трудный путь...»	203
Осенний лес	203
«Мне, рабочему, всё по силе...».....	205
Весной	205
«Где-то ходим, чем-то сердце студим...»	206
«С душой, не созданной для драк и споров...»	206
«Так мне велит души моей настрой...»	207

Глава 3

КУДА Я – ТАКОЙ? КОМУ Я – ТАКОЙ...

«Куда я – такой? Кому я – такой...».....	208
«Вот пишу и грустно мне...»	208
«Семнадцать... двадцать...»	209
«За что я мучусь...»	210
«Как мне постылы назиданья...»	212
«Грустно мне бывает и тревожно...»	212
«Прозябаю на ветру...»	213
«Твердишь ты, что расстаться нам пора...»	213
Семейный разговор	214
«...Какое счастье женщину любить...»	215
«...Но женщины иначе память полнят...»	215
«Если б богом я был...»	215
«Я жил – не заметил...»	216
«Тяжела, себе не рада..»	217
«Рожью в клочья тумана...»	217
«Поумнела голова...»	217
«Всё слова, слова...»	218
«Я не испытывал давно...»	219
«Одинок я, где моя родня?...»	219
«В наше счастье веры больше нету...»	220
«Скажи, моё сердце, кому ты верно?...»	222
«Не затем я горячее сердце ковал...»	223
«Счастливый я не нужен никому...»	223
В деревне	225
«Я ночь люблю...»	226
«В своей скитальческой судьбе...»	226
«В многомудром кураже...»	228

«Я атеист и поэт...»	229
«Я и эпик, я и лирик...».....	230
«Отдам народу сердце, руки...»	230
«Ну вот, опять я научу...».....	230
Я – словно дом.....	231

Глава 4

МНЕ Б, НЕ ГОРБЯСЬ ПОД НОШЕЮ...

«Не хватит срока моего...»	235
«Дымок свивается в колечки...».....	235
«Мы постареем...».....	236
«Все замечают: я добрею...».....	237
«А я когда-то думал, что седые...»	238
«Мне сказали: полно, море смоет...»	239
«Весь отцёл, поседел, постарел...».....	239
«Есть разная на свете тишина...»	240
«Душа родная, что с тобой?!»	241
«Гордиться? Чем? Стихом? Едва ли!...»	242
«Если что случится..»	242
История болезни.....	243
«Сроками, остатками, годами...»	244
«Что пользы вечно малым пробавляться...»	245
Мой адрес	245
«Мне житейская мудрость...».....	246
«Мне куда-то надо скрыться...».....	247
«До всенародного признания...»	247
«Мне говорят: пиши!...»	248
«Отцветает тополь...»	249
«В какие страны и края...».....	249
«Как в чаще, в юности тревожной...»	249
«Всё, что сказал – ценой седин...»	250
«Я ваших сочувствий не слушаю...»	250
«Хочешь ведать, как писалось...»	250
Третья петухи.....	251
«Всё чаще, чаще падаю...».....	253
«По мере славы и по мере дней...»	253
«Сочиняем, пишем, строчим...»	254
Мой читатель	255
«...Славлю новое словом...»	258
К стихам	258
«Года мудрей, а понимать трудней...»	259
«Мне б, не горбясь под ношую...»	260

Глава 5
НЕ СОБИРАЮСЬ ЖИТЬ В РАЮ

Судный день	260
Агасфер	261
«В горячке выпил все отравы...»	262
«...В иронии не зацвести...»	263
«В небесах монотонные песни разлук...»	264
«В небе откружил, в звёздах отлетал...»	265
«Что смерть моя?..»	265
Реквием	266
«Как стану умирать...»	268
«Как умру, моё забудь ты имя...»	268
«Я не завидую орлам...»	269
«Не пойму, что такое со мной?..»	270
Облака	271
«До того, как средь множества прочих...»	272
«Не собираюсь жить в раю...»	273
<i>ПОСВЯЩЕНИЕ МАТЕРИ</i>	
К матери	274
Матери	276
Совесть	276
Хлебные карточки	279
<i>МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ</i>	
МАРЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ	280
МУЗА	294
ОТЕЦ	297
ХОЗЯЙКА	300
ПРОДАННАЯ ВЕНЕРА	305
БЕТХОВЕН	321
АВВАКУМ	332
ЧЕЛОВЕК	342
Творческий путь В. Д. Фёдорова	349

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ ФЁДОРОВ

КНИГА ВЕРЫ

Редактор *A. С. Басалько*

Составитель *A. A. Кочетков (A. Северный)*

Компьютерная верстка *M. Б. Сорокиной*

Подписано к печати 12.12.2012. Формат 60x84¹/16. Бумага офсетная.

Гарнитура «Georgia», «Times New Roman».

Уч.-изд. л. 5,3. Усл. печ. л. 21,1. Тираж 200 экз. Заказ № 1025

Издательство КемГУКИ: 650029, г. Кемерово,

ул. Ворошилова, 19. Тел. 73-45-83.

E-mail: izdat@kemguki.ru